

А.С. Жанбосинова

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
И
СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕОРИИ**

Учебное пособие

Курс лекций

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С. АМАНЖОЛОВА

А.С. Жанбосинова

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ**

Учебное пособие

Курс лекций

Усть-Каменогорск, 2017

930(075.8)

№ 27

УДК 378(075.8):94(574)

ББК 63.3(5) я7

Ж 27

ГРНТИ

Рекомендовано Ученым советом ВКГУ имени С. Аманжолова
(Протокол № 2 от 31.10.2016 г.)

Рецензенты:

Алексеев А.Н., доктор исторических наук, профессор;
Айдарбаева Р.К., кандидат исторических наук, доцент

Жанбосинова А.С.

Ж 27 Историческая наука и современные теории: учебное пособие
/ А.С. Жанбосинова. – Усть-Каменогорск: издательство «Берел» ВКГУ
имени С. Аманжолова, 2017. – 196 с.

ISBN 978-9965-871-54-2

Учебное пособие составлено на основании типовой программы дисциплины «Историческая наука и современные теории», утвержденной приказом МОН РК от 16 августа 2013 г. №343 по специальности 6D020300 - «История».

Учебное пособие содержит курс лекций по дисциплине обязательного компонента «Историческая наука и современные теории» с блоком специальных заданий, вопросов и списком литературы. Содержание лекций раскрывает основные современные тенденции мировой историографии постмодерна XX-XXI вв., дает характеристику «Лингвистического поворота» и ее место в системе исторической науки, проводит анализ теории Мишеля Фуко в разрезе исторических исследований, трансформацию исследовательской практики феминизма в гендерную теорию, ключевых конструктов научно-исследовательского направления историческая память, концепция Пьера Бурдьё, дает характеристику основных трендов постколониальных исследований, мейнстрим посткоммунистических исследований.

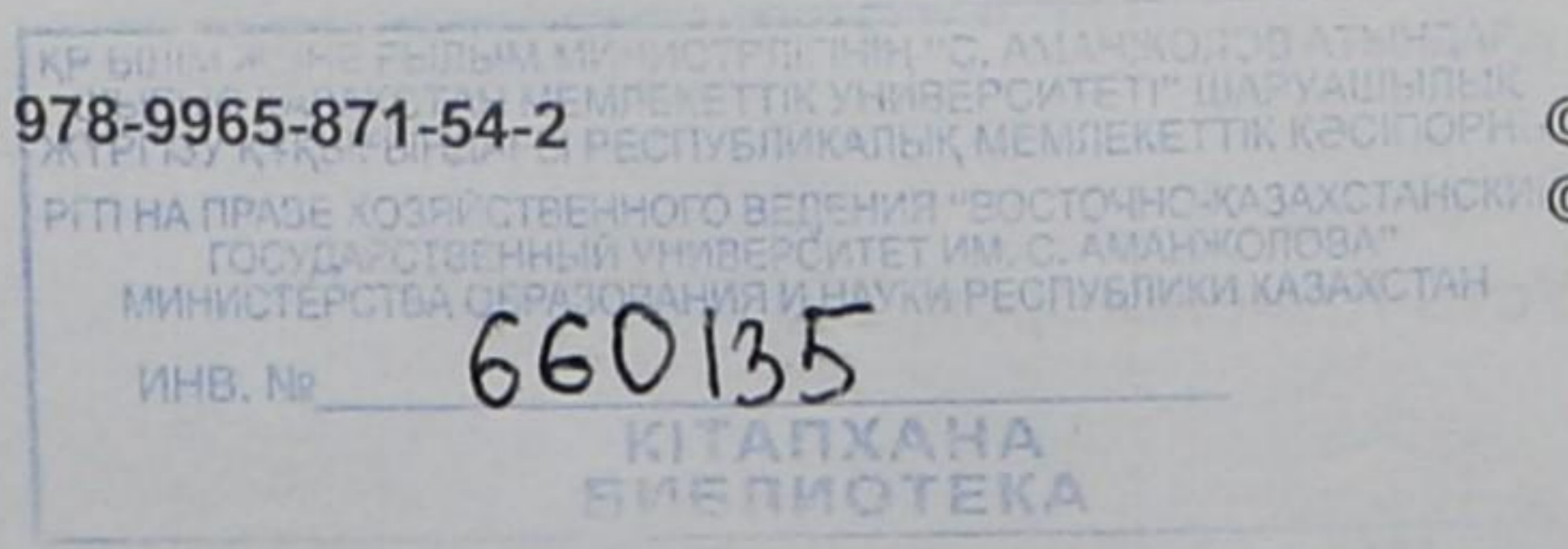
Учебное пособие рассчитано на докторантов специальности «История», а также тех, кого интересуют теория и методология исторической науки.

УДК 378(075.8):94(574)

ББК 63.3(5) я7

ISBN 978-9965-871-54-2

© ВКГУ имени С. Аманжолова
© Жанбосинова А.С., 2017

Содержание

Введение	4
Лекция 1 Структуралистская революция в гуманитарном знании и ее влияние на историю	7
Лекция 2 «Лингвистический поворот» к изучению языка и знаков различного рода. Семиотика	30
Лекция 3 Теоретизация исторического нарратива.....	44
Лекция 4 Мишель Фуко и теоретический структурализм.....	58
Лекция 5 Феминистская критика, феминизм и женские исследования	68
Лекция 6 Исторический проект «места памяти» как новая концепция памяти и национальной идентичности	87
Лекция 7 Возможности применения концепции Пьера Бурдьё: социальное конструирование агента и габитус в исторических исследованиях	105
Лекция 8 Постструктуралистские теории, конструирующие различия. Эдвард Саид и постколониальные исследования	119
Лекция 9 Посткоммунистические исследования	132
Лекция 10. Гендерная история и пересмотр картины исторического прошлого.....	150
Лекция 11 Нации и национализм: теория и практика исследований.....	159
Список рекомендованной литературы к учебному курсу.....	184

Введение

Текущая ситуация обуславливает новые векторы мировоззренческой модели мирового порядка, определяет приоритеты главных ценностей и ориентиров. Безусловно, процессы глобализации и кардинальная трансформация общественно-политического устройства государств привели к новому пониманию методологии исторического познания.

Рубеж XX-XXI веков изменил научное пространство исторической мысли, выявил новые предметные области исследовательской парадигмы, структурировал историческое знание. Решение конкретных исследовательских задач исторической науки с учетом двух методологических революций потребовало обновления методологического инструментария. Как отмечал экс Госсекретарь Казахстана М. Тажин: «Очевидно, что современная история вышла за свои узкодисциплинарные рамки и стала междисциплинарной наукой.

...Исторические исследования перестали замыкаться на изучении исключительно письменных источников и работе в архивах. Исторические исследования интегрировали в себя методы многих смежных научных дисциплин – социологии и социальной психологии, экономики, социальной географии, этнографии, антропологии, культурологи, истории права и т.д.»

Мировая историческая наука совершила качественный скачок, что обусловило появление понятия «Новая историческая наука». В фокусе внимания «Новой исторической науки» оказалось множество интереснейших проблем в области социокультурного, политического, экономического и пр. направлений на стыке междисциплинарных связей. Уникальное взаимодействие истории с социо-гуманитарными дисциплинами, породило новые объекты и методы исторического исследования, расширило источниковую базу и приемы работы с ними. Научная рефлексия к прошлому и его переосмысление на стыке интеграции социо-гуманитарных наук позволит создать целостную картину прошлого, расширит горизонты его восприятия. «...В конце концов историк создает тот тип истории, который требует от него общество; иначе оно от него отворачивается...» (Антуан Про).

Решение текущих задач исторической науки невозможно без знания и анализа теоретико-методологических оснований научно-исследовательской практики мировой историографии.

Учебное пособие «Историческая наука и современные теории» предназначено для докторантов Phd, обучающихся на специальности 6D020300 – «История».

Целью дисциплины «Историческая наука и современные теории», является овладение комплексом знаний об основных теориях и концепциях современных социо-гуманитарных дисциплин и показать роль и место теоретических текстов при написании истории.

Основными задачами дисциплины «Историческая наука и современные теории», являются:

- разъяснить суть постмодернистского вызова в исторической науке в конце XX века, и показать какое влияние оказал лингвистический поворот на историческую науку в начале XXI века;
- дать представление о ряде структуралистских и постструктуралистских теорий в философии, социологии и культурной антропологии;
- проанализировать основные термины, понятия, категории в рамках указанных теорий;
- ознакомить докторантов с трудами крупнейших теоретиков конца XX века и начала XXI века;
- дать ясное представление о новых направлениях в исторической науке, возникших под влиянием современных социогуманитарных теорий.

В результате изучения дисциплины «Историческая наука и современные теории», докторант

должен знать:

- основные тенденции развития исторической науки в конце XX века начала XXI века;
- какое влияние оказал постмодернистский вызов и лингвистический поворот на историческую науку;
- основные структуралистские теории в философии, социологии и культурной антропологии;
- основные теоретические подходы в современной историографии, выделившиеся под влиянием постструктуралистских теорий
- содержание основных теоретических работ в современном гуманитарном знании.

должен уметь:

- творчески применять конкретные теории социогуманитарных дисциплин в своей исследовательской практике;

- осмысливать и интерпретировать теоретический текст;
- аналитически мыслить и обобщать исторические данные;
- рассматривать исторические события с учетом принципов историзма, научности и объективности;
- работать с основным корпусом источников и документов.

должен владеть:

- владеть основными методами и приемами исследовательской и практической работы; основными навыками коммуникации в пределах общекультурных и профессиональных компетенций; способностями к самостоятельному поиску и анализу научной информации и применению ее в исследовательской практике.

Объектом курса являются основные теоретические концепты созданные выдающимися учеными философами, политологами, культурологами, антропологами и др., находящимися в мейнстриме исторической науки.

Лекция 1. Структуралистская* революция в гуманитарном знании и ее влияние на историю

Цель лекции: дать анализ современных тенденций мировой историографии постмодерна в XX веке.

Вопросы:

- 1 Структуралистское направление в гуманитарных науках.
- 2 Теории структурализма и постструктурализма: их влияние на историю.

Литература:

- Аникин Д.А. К. Леви-Строс и структуралистская революция в философии истории // Хора. 2010. № 1/2 (11/12) // [Электронный ресурс]: (<http://www.jkhoga.narod.ru/2010-12-04.pdf>).
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальностей. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. М., 1995. - 323 с.
- Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки мнимые и подлинные // Одиссей: Человек в истории. 1997. - М., 1998. - С. 233-250.
- Гуревич А.Я. Избиение кошек в Париже, или Некоторые проблемы символической антропологии // Труды по знаковым системам. Т. 25. Семиотика и история. - Тарту, 1992. - С. 23-34.
- История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. (Материалы международной Интернет-конференции) / Под ред. В.В. Керова. М., 2001.
- Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., составление и вступительная статья Г.К. Косикова. - М.: ИГ "Прогресс", 2000. - С. 3-48.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: «Астрель», - 2011. - 544 с.
- Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. // Социальная история. Ежегодник, 1997. - М., 1998. - С. 69-95.
- Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. - М., 1990. - С.167-181.
- Репина Л.П. и др. История исторического знания. - М., 2004.- 288 с.
- Румянцева М.Ф. Теория истории. - М., 2002. - 319 с.
- Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. Екатеринбург, 2000. - 354 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Историк и время. В поисках утраченного. М., 1997. - 800 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знания о прошлом: теория и история. В 2-х т. СПб., Т.1. - 2003. - 632 с.; Т.2. - 2006. - 751 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008. - 523 с.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - М., 1977.

* Структурализм - совокупность направлений в социально-гуманитарных науках XX в., опирающихся на понятие структуры как целого, образованного взаимозависимыми и взаимообусловленными элементами таким образом, что каждый из них может быть тем, чем он является только благодаря отношениям с другими элементами.

В современную эпоху научное познание быстро подвергается значительным изменениям: меняется роль науки в общественной жизни, меняются те формы и методы, посредством которых она осмысливает природу и общество, меняются взаимоотношения науки с другими формами общественного сознания. Бурные революционные сдвиги поставили перед общественным сознанием ряд новых проблем, по сути, потребовали переосмысления проблем традиционных: о смысле человеческой жизни, о связи индивидуальной человеческой судьбы с социальной историей, о роли и месте человека во вселенной, наконец, о самой возможности, границах и критериях познания природной и социальной действительности.

В самом деле, чем глубже проникает человеческая мысль в различные сферы действительности, тем сложнее и интереснее оказывается предмет ее исследований. Происходящие ныне во многих областях социального и гуманитарного знания процессы свидетельствуют о стремлении ученых разобратся в критериях его точности, строгости, научности, выявить их сходства и отличия от критериев естественнонаучного знания. Эта острота постановки методологических проблем в значительной мере характеризует и такое своеобразное научное и социально-культурное явление, как структурализм. Прежде чем говорить непосредственно о структурализме, обратимся к истокам.

Цель структурализма – выявление логики порождения, строения и функционирования сложных объектов человеческой духовной культуры. В самом общем виде применение структурных методов ставит целью ниспровержение привычных в области гуманитарного познания иллюзий субъективизма, антропоцентризма, психологизма. В методологическом плане этим установкам соответствует первенство исследования отношений над элементами синхронных структур над их диахроническими изменениями, инвариантов преобразований структур над конкретными способами осуществления этих преобразований и пр.

Непосредственными предшественниками структурализма, инициировавшими многие его идеи, были такие мыслители, как В. Гумбольдт (динамическая роль языка в моделировании мира человеческого сознания), Ч. Пирс (основоположник семиотики), Э. Дюркгейм и М. Мосс (учение о взаимодействии социальных и когнитивных структур), Э. Кассирер (роль символических систем – языка, мифологии, искусства – в формировании человеческого поведения и сознания).

Структурализм в гуманитарном познании – это явление межнаучное и международное. Наиболее четкой организационной и теоретической

общностью отличались основные школы лингвистического структурализма (пражская, копенгагенская, американская и др.).

Структурализм, как совокупность направлений в целом ряде гуманитарных наук, объединяемых общими философско-эпистемологическими представлениями, методологическими установками и спецификой анализа, складывался в период с начала XX века и по 40-е годы включительно. Наибольшее распространение получил в 60-е годы XX века во Франции. Методологический импульс французской школы, привел к формированию структурализма в гуманитарном знании как идеал «новой научности».

В формировании собственно структуралистского направления участвовали Женевская школа лингвистики (Ф. Де Соссюр и его ученики), русский формализм, пражский структурализм, американская школа семиотики Ч. Пирса и Я. Морриса, Копенгагенский и Нью-Йоркский лингвистические кружки, структурная антропология К. Леви-Стросса, структурный психоанализ Ж. Лакана, структура познания М. Фуко и др.

Основная специфика структурализма заключалась, прежде всего, в том, что его сторонники рассматривали все явления, доступные чувственному восприятию, как «эпифеномены», то есть как внешнее проявление («манифестацию») внутренних, глубинных и поэтому «неявных» структур, вскрыть которые они и считали своей задачей.

В решении этой задачи весь пафос структурализма был направлен на придание гуманитарным наукам статуса наук точных. Поэтому структурализм возникает, прежде всего, как комплекс структурно-семиотических представлений с явно выраженной лингвистической ориентацией.

Центральным базовым понятием структурализма является понятие структуры. Структура представляет собой совокупность отношений инвариантных при различных внутренних и внешних преобразованиях или в терминологии структуралистов это синхроническая фиксация любой диахронически развивающейся системы.

Любая структура, которую в структурализме очень часто определяют как модель, должна отвечать трем необходимым условиям:

(а) целостности – подчинение элементов целому и независимость последнего;

(б) трансформации – упорядоченный переход одной подструктуры (или уровня организации составляющих данную структуру элементов) в другую на основе правил порождения;

(в) саморегулированию – внутреннее функционирование правил в пределах данной системы.

Таким образом, структура выступает не просто в виде устойчивого «скелета» объекта, а как совокупность правил, следуя которым можно из

одного объекта получить второй, третий и т.д. При этом обнаружение единых структурных закономерностей некоторого множества объектов достигается не за счет отбрасывания отличий этих объектов, а путем анализа динамики и механики взаимопревращений зафиксированных различий в качестве конкретных вариантов единого абстрактного инварианта.

Следует отметить, что ключевые понятия, используемые структуралистами, разрабатывались в рамках тех специальных предметов, где они и использовались в исследовательских целях. Поэтому целесообразно основные категории и идеи структурализма рассмотреть в связи с главными фигурами этого направления.

Начало формирования структуралистского подхода в гуманитарных науках можно с уверенностью датировать началом XX века, когда на свет появился «Курс общей лингвистики» швейцарского ученого-лингвиста Фердинанда де Соссюра.

Фердинанд де Соссюр (1857-1913) - швейцарский лингвист, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, стоявший у истоков Женевской лингвистической школы.

В этой работе сформулированы две линии структуралистского подхода. Первой линией является способность языка как сложной многоуровневой системы обладать определенным множеством значений. Язык представляет собой совокупность замкнутых фонетических элементов. Автором теории знака является первопроходец структурализма в лингвистике швейцарский языковед Фердинанд де Соссюр.

С его именем связана философская переориентация языкознания, осуществленная столь радикально, что она по праву рассматривается как методология структурализма.

Соссюр рассматривал язык как универсальную знаковую систему, имеющую вследствие этого четко выраженную структуру. Знак представляет собой некое целое, являющееся результатом ассоциации означающего (акустического образа слова) и означаемого (понятия). Означающее и означаемое неотделимы друг от друга как две стороны бумажного листа (мысль - его лицевая сторона, а звук оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную). Кроме того, язык

носит коллективный характер и коммуникативен по своей природе. Отсюда и представление о коде как совокупности правил или ограничений, обеспечивающих функционирование речевой деятельности естественного языка или любой знаковой системы. То есть, код обеспечивает коммуникацию.

Второй линией структуралистского анализа в лингвистических исследованиях явилось принципиальное отрицание субстанциональной природы языка, поскольку даже на уровне отдельных элементов языковой системы мы сталкиваемся не с субстанциональными носителями смысла, а с двоичным фонетическим «кодом», имеющим смысл лишь в соотношении взаимоотрицающих частиц. Соссюр практически не употреблял термин «структура», предпочитая использовать термин «система»: «Язык – это система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронной взаимосвязи»

На первом этапе своего существования структурализм существовал исключительно в качестве метода лингвистического анализа – именно в этом качестве можно считать структуралистом В.Я. Проппа, который рассмотрел в своих работах структуру волшебной сказки и героического эпоса.

Владимир Яковлевич Пропп (1895-1970) - русский и советский учёный, филолог-фольклорист. Владимир Пропп получил мировое признание, является основоположником сравнительно-типологического метода в фольклористике, одним из основоположников современной теории текста. Современные структуралисты считают Владимира Яковлевича Проппа одним из своих предшественников.

Несколько позднее, в 60-х гг. XX в., именно структурализм выступил в качестве методологического основания «новой критики», объединившей под своим знаменем представителей различных направлений гуманитарного знания – от феноменологов* до неофрейдистов*. Структурализм в анализе текста позволил освободить литературную критику сразу от трех господствующих в ней направлений, дискредитировавших возможность интерпретации литературного произведения. Речь идет о романтическом психологизме Сент-Бёва,

* Феноменология одно из философских направлений XX века, в буквальном смысле учение о феноменах. Основатель Эдмунд Гуссерль, под феноменом понимает возникающие в сознании смыслы предметов.

* Неофрейдизм – социокультурный психоанализ.

отождествлявшего смысл произведения с творческим замыслом автора; интуитивизме А. Бергсона и В. Дильтея, предлагавшем индивидуальное «чувствование» в текст, пропускание его через собственные ощущения и воспоминания; и наконец, позитивизме, доказавшем свою неспособность к восприятию модернистских произведений еще в начале XX в.

Примерно в это же время структурализм, уже претендующий на звание ведущего интеллектуального течения не только во Франции, но и во всей Европе, постепенно начал терять свое методологическое единство, что проявилось в появлении «жесткого» и «умеренного» течений.

Представители «жесткого» структурализма (к которым относился и К. Леви-Стросс) стремились под эмпирической оболочкой феноменов культуры выявить лингвистический («структурный») характер этих феноменов, формализовать многообразие культурных проявлений с целью выделения общих принципов организации и функционирования. К. Леви-Стросс заявил, что культура обладает строением, подобным строению языка. Эта установка открывала путь для переноса лингвистических, а затем и структурно-семиотических методов в любые гуманитарные науки в той мере, в какой они получали возможность выделять в своем материале «язык» и «речь», «диахронию» и «синхронию», «варианты» и «инварианты» и т.п.

Жерар Женетт (род. 1930 г.) французский литературовед, один из основных представителей структурализма, один из основателей современной нарратологии, изучения интертекстуальности.

Убежденность в онтологическом существовании структур и стремление подвести под определенные принципы структурной организации любой феномен делали именно это течение в структурализме наиболее рационалистичным и даже позитивистским по своим познавательным установкам.

«Умеренный» структурализм, представленный Ж. Женеттом и Ц. Тодоровым, оказался, с одной стороны, более восприимчив к междисциплинарным влияниям (начиная с русской «формальной» школы и заканчивая немецкой «морфологией культуры»), а с другой стороны –

сосредоточен на анализе структуры текста, а не на выявлении аналогичных структур за пределами литературного произведения.

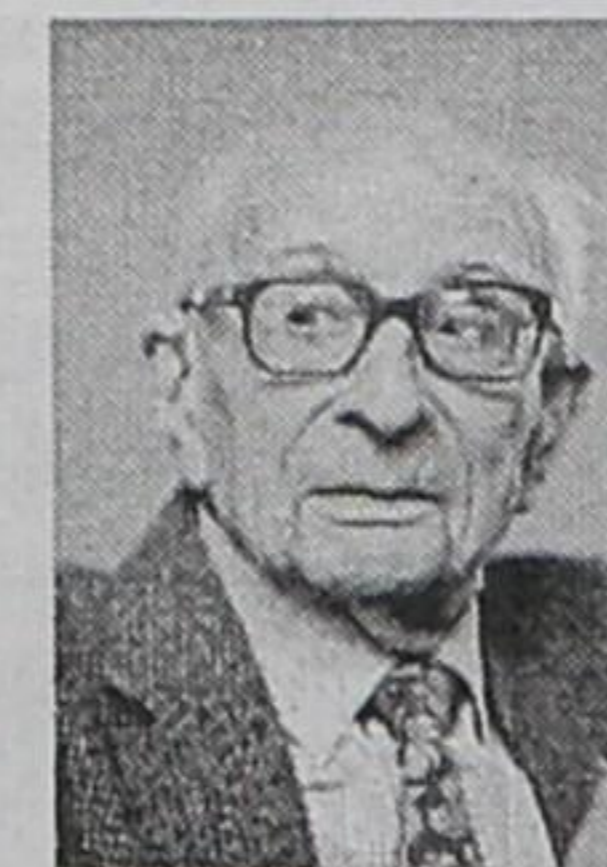
Постепенно сфера применения структуралистского подхода накладывается на социальную сферу, что связано с именем значимой для всей европейской философской мысли ученого Клода Леви-Строса.

Выдающийся французский этнограф и социальный антрополог Клод Леви-Стросс стал не просто одним из самых знаменитых представителей структуралистского течения в гуманитарных науках, но и, пожалуй, единственным, кто продолжал отстаивать догматы структурализма даже в то время, когда его последователи (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко) провозгласили наступление постструктуралистской эры.

Цветан Тодоров (род. 1939 г.) - французский философ, семиотик болгарского происхождения, теоретик структурализма в литературоведении.

С создателем структурной антропологии Кл. Леви-Стросс связан радикальный прорыв в изучении примитивных культур. Переход от природно-инстинктивного к примитивно-культурному человеку совершается по Кл. Леви-Строссу через запрет инцеста - схему, общую для всех культур. Вырастающие из запрета инцеста отношения между людьми образуют исходную социокультурную организацию (структуру), регулирующую практику. Структура родства, выражающая сдерживаемое либидо, образует либидинальное (активное) тело культуры. По мнению Кл. Леви-Стросса, это объективный и необходимый процесс, трансформирующий естественно-инстинктивную сферу человека в новое качество.

Клод Леви-Стросс (1908-2009) - французский этнограф, социолог и культуролог, создатель школы структурализма в этнологии, теории «инцеста», исследователь систем родства, мифологии и фольклора.

Бинарная оппозиция «человек-природа» является для него исходной и при анализе проблем познания. Кл. Леви-Стросс развивает идею «сверхрационализма», смысл которой заключается в том, что рациональность природы и Вселенной не только определяет первоначальное пассивное мышление первобытных людей, но и является условием ее познания человеком.

Выделение основных этапов развития рационального мышления Кл. Леви-Стросс осуществил на материале анализа мифов. В мифологическом мышлении скрыта логическая рациональность морфологических классификаторов.

Логические операции, обозначенные этими терминами, создают своеобразную комбинаторику как бессознательное мышление и основу технических способностей человека. Совокупность мыслительных операций, посредством которых мыслят люди бесписьменной эпохи, Кл. Леви-Стросс назвал «тотемическим оператором».

Таким образом, глубинная логика созидательной деятельности формировалась уже в примитивных культурах и является единой для древнего мира и современного человека. Исходя из этого Кл. Леви-Стросс приходит к выводу, что все человечество связано единой структурой бессознательного, породившей в различных условиях отличные, лишь на первый взгляд, этнические и национальные культуры. При этом, мировая цивилизация может быть лишь коалицией культур самобытных по сути.

Развивая идею единого для всех культур коллективного бессознательного, закрепившего в структурах мышления логику деятельности по первоначальному освоению мира, Леви-Стросс по-новому прочитывает мифы. В мифологических сюжетах он усматривает не столько отражение истории каких-либо этносов, сколько специфический способ снятия фундаментальных противоречий человеческого бытия (например, противоречия жизни и смерти), через умножение бинарных оппозиций, ранее взятых мышлением из окружающей действительности. Очищая отдельные реальные эпизоды от историчности и конкретности, мифологическое мышление не только «амортизирует» тяжелые жизненные события того или иного этноса, но и поднимается на вневременную высоту, открывающую возможность для человеческого мышления постигать глубочайшие отношения человека и Вселенной.

Принцип структурного объяснения вызвал дискуссии между неопозитивистскими и неокантианскими философскими течениями на протяжении первой половины XX в.

В XX веке исторические тексты не соотносятся с категорией самостоятельного литературного жанра. И. Савельева выделяет три изучения исторических текстов. Исторические тексты (т.е. тексты,

написанные историками) стали объектом изучения по всем направлениям семиотического анализа — синтактике, семантике и прагматике.

Первое направление представлено традиционным филологическим анализом, в рамках которого главный интерес вызывают стилевые особенности того или иного произведения или ряда произведений одного автора. К этому направлению можно отнести, в частности, известные работы Бориса Реизова «Французская романтическая историография» (1956) и Питера Гая «Стиль в истории» (1974).

Второе направление - семантическое - в основном развивалось представителями аналитической философии истории. Основное внимание в этих работах было уделено анализу высказываний — их внутренней структуре, логическим связям между высказываниями и т.д., - и именно в рамках этого подхода были получены самые интересные результаты.

Третье направление - прагматическое - было затронуто в основном в работах представителей французской семиотической школы, хотя и весьма специфическим образом. Поскольку значительная часть этих исследователей придерживалась левых, антибуржуазных взглядов, по крайней мере, на определенном этапе своей карьеры (Ролан Барт, Юлия Кристева, Жак Деррида и др.), они акцентировали связь истории-текста с буржуазной идеологией, видя основную прагматическую функцию исторических текстов в навязывании обществу «буржуазной картины мира» путем создания соответствующей текстовой реальности.

Позитивизм стремился объяснить текст, используя номологический (законополагающий) порядок причинности, т.е. стремясь подчинить любой уникальный случай некоему всеобщему закону, подвести индивидуальность под закономерность.

Неокантианцы разработали герменевтическое понимание*, делая упор на индивидуальное восприятие текста, возможность пропуска его через собственные переживания. Как уже говорилось выше, структурализм по своим познавательным установкам стремился к номологическому исследованию, стремился исключить из сферы своего анализа случайность и предвзятость, которой страдала «понимающая» герменевтика В. Дильтея. Но закономерности, устанавливаемые структуралистским анализом, нельзя отождествить с позитивистскими закономерностями, и принципиальным моментом здесь является различие в понимании дихотомии части/целого. Источником позитивистского анализа всегда была опора на факт, который в специфических условиях того объекта исследования, каковым выступал литературный текст, мог распространяться на различные области

* Искусство толкования, понимания текста.

действительности – от особенностей индивидуальной психологии автора до социально-экономических условий и предпосылок создания произведения.

Продуктом позитивистского анализа в этом случае являлось создание упорядоченного континуума* разнообразных фактов, приведенных в единую систему, которая должна была быть «непротиворечивой» и «объективной». Текст служил лишь «поводом» собрания фактов, каждый из которых, во-первых, имел внешнее по отношению к самому тексту происхождение, а, во-вторых, являлся необязательным для текста, важным с точки зрения исследователя, а не самого произведения.

Структурализм ограничил область исследования самим произведением (позже этот пункт будет переосмыслен в постструктурализме), что автоматически сделало необходимым понимание под фактами лишь элементов произведения – действующих лиц, ситуаций, функций, сюжетных ходов и т.д. Эти элементы всегда присутствуют в произведении, но вопрос их выделения является результатом выстраивания структуры текста. Структура есть «целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами».

Факт (элемент) имеет место лишь в воссозданной структуре текста, он не существует до возникновения структуры, его границы и характеристика определяются внутренними законами структуры, соответственно, оказывается действенным принцип системности, согласно которому «знание о целом не сводится к знанию о составляющих это целое частях».

Бессознательный – характер структуры классический западноевропейский рационализм базировался на декартовском принципе «*cogito ergo sum*»*, из которого проистекали два важных вывода: во-первых, сфера человеческого сознания сводилась исключительно к ее рациональной части (разуму), а во-вторых, возможность объективного познания мира объяснялась рациональным устройством самого мироздания. Познающий субъект в этом случае отождествлялся не с конкретным эмпирическим человеком, а с трансцендентальным «эго», которое и служило априорной возможностью получения истинного знания. Неклассическая парадигма философствования подвергла критике это положение, опровергнув допущение о тождественности мира познающему сознанию и выдвинув

* Непрерывная совокупность.

* «Мыслью, следовательно, существую».

на первый план бессознательный пласт человеческого сознания. Конечно, приоритет в разработке тематики бессознательного следует отдать З. Фрейду, но структурализм, подчеркивая бессознательный характер выделяемых структур, выдвинул положение о структурированности бессознательного. Бессознательное структурировано, но наличие в нем некоей упорядоченности не осознается его носителями, подобно тому, как человек может спокойно разговаривать на родном языке, даже не задумываясь о его фонологической или грамматической упорядоченности.

Структурный психоанализ: заложен Жаном Лаканом. Основные научные интересы Ж. Лакана были сконцентрированы на рационализации бессознательного, на выяснении роли бессознательного в жизни отдельного человека. Наиболее показательно в этом отношении его учение о личности, построенное в своей значительной части на материалах психоаналитических практик. Личность, по Ж. Лакану, состоит из трех слоев: реального, воображаемого и символического. Реальность актуализируется, по его мнению, только через серии языковых обнаружений.

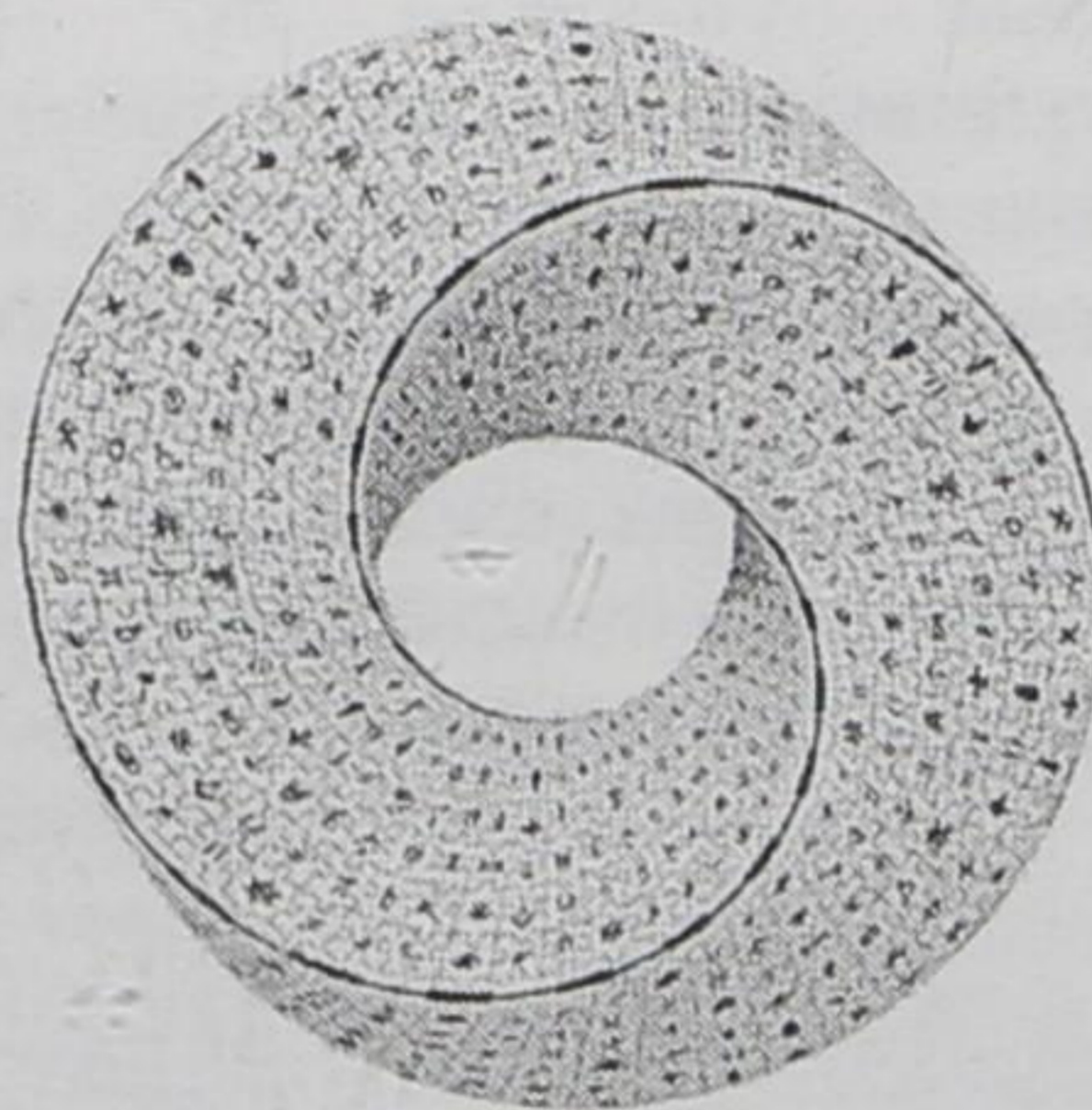
Лакан Жан (1901-1981), французский теоретик и практик структурного психоанализа. Практикующий врач, с 1953 г. – профессор в психиатрическом госпитале Сент-Анн, преподаватель в Практической школе высшего образования (с 1963). Основатель и глава Парижской школы фрейдизма (1964-1980). Основные работы: «Функция и поле речи и языка в психоанализе» (1953), «Тексты» (1966).

Слой воображаемого формируется на основе эффекта узнавания. Шестимесячный ребенок, узнающий свой образ в зеркале, закрепляет его в сознании. В дальнейшей жизни этот образ играет роль психологического ядра, определяющего восприятие человеком всякого «другого». Поэтому воображаемое регулирует межличностные отношения, описываемые Ж. Лаканом в терминах господского и рабского сознания.

Слой символического, образуемый языком, составляет главное измерение бытия человека, особенность которого заключается в том, что индивид застает языковые правила, регулирующие речевое поведение, уже готовыми. Сетка символов, составляющая транссубъективную реальность индивида, пронизывает все его бытие. Ассимиляция символического начинается еще до рождения ребенка (браком родителей и соглашением о рождении ребенка) и продолжается после смерти (обряд

погребения). Языковые коды, к которым приобщается индивид, оформляют и структурируют бессознательное. Языковые символы, объективирующие бессознательное, окутывают собеседников. Происходит замыкание речевых цепочек, втягивающих в свою орбиту говорящего и слушающего. При этом объективирование бессознательного происходит особым образом; цепи высказываний подвергаются «скручиванию», воспроизводя «ленту Мебиуса», а скольжение по речевой цепочке позволяет исследователю выявить ее «изнанку».

Лента Мебиуса – нетленное произведение математико-психоделического искусства. Считается, что данный артефакт впервые был порождён кривыми руками немецкого безумного повара-теоретика, выпускника Лейпцигского кулинарного техникума Августа Фердинандовича Мебиуса. На выпускном экзамене по китайской кухне, в результате серии тщетных попыток завернуть суши в лист морской капусты, у незадачливого кулинара совершенно случайно получилось завернуть сам лист в подобие непрерывной односторонней ленты.

В результате Ж. Лакан связывает бессознательное с историческими порядками социума и культуры. «Окультуренное» таким образом бессознательное не только формирует мышление человека, но и определяет его судьбу.

Ж. Лакан, будучи последователем психоаналитического течения, пытался встроить структуралистский анализ в исследование бессознательного, что привело его к неожиданным, но ценным результатам. Рассматривая человеческое поведение, Ж. Лакан приходит к выводу, что представление о том, что человек управляет своими высказываниями, является всего лишь иллюзией. Язык, представляющий собой «цепочку означающих», предстает орудием символического насилия над человеческим бессознательным. Структура языка навязывает бессознательному ту форму, которую оно принимает – именно эту мысль Ж. Лакан выражает в знаменитом афоризме «Бессознательное структурировано как язык»

Структура (имеется в виду структура языка) имеет у Ж. Лакана одновременно эпистемологический и онтологический характер, поскольку навязывает человеку форму выражения себя по отношению к миру и

форму воссоздания мира с помощью языковых средств, которые и представляют собой единственную форму реальности, доступную познанию

Кл. Леви-Стросс сумел придать структурализму окончательную теоретическую завершенность, предельно четко выразив в своих работах сильные и слабые стороны структурализма в качестве методологии исследования социальной реальности. Структурный характер объяснения выражается в социально-философском исследовании в виде выделения устойчивых общественных структур, сохраняющих свое значение для обеспечения нормального функционирования социальных институтов при любом типе общественного устройства.

Для выделения подобных устойчивых структур различные типы обществ подвергаются сравнению с целью уяснения тех элементов, которые в необходимом соприкосновении друг с другом придают обществу желаемую устойчивость. Казалось бы, выбор в качестве объекта исследования стадий развития определенного общества обеспечивает исследованию историческую направленность, но такое впечатление оказывается поверхностным. Дело в том, что сам момент историчности в структуралистском исследовании отсутствует, поскольку сравнению подвергаются различные состояния системы, вне зависимости от их хронологической расположенности. Исследователя интересует не последовательная смена социальных институтов, а наличие в обществе устойчивой совокупности взаимосвязанных элементов, которая (даже при взаимозаменяемости самих элементов) продолжает оставаться неизменной вне зависимости от той стадии развития, на которой находится общество. Бессознательный характер структуры проявляется в ее неосознанности индивидом. Кл. Леви-Стросс предлагает в связи с этим пунктом различать социальные отношения, характер которых определяется как раз индивидом, и социальную структуру, которая может быть выделена лишь при непредвзятом и объективном исследовании общества.

Структура пронизывает все типы обществ и, при отсутствии субстанциального носителя, представляет собой единственный принцип сходства, позволяющий исследователю выводить из конкретных эмпирических форм идеальную праформу. Кроме того, Кл. Леви-Стросс осуществляет перенос понятия структуры из сферы методологической в сферу онтологическую: исследователь не использует структурную модель с целью упрощения многообразного объекта исследования, а выявляет ту структуру, которая изначально присуща языку, мифу, ритуалу, системам родства и другим фрагментам социальной действительности.

Признание онтологического статуса структур в различных областях человеческой деятельности требует выявления принципа эквивалентности между этими структурами. Структура превращается в мета-структуру или, выражаясь словами самого Кл. Леви-Стросса, «удел всякой умственной жизни всех людей во все времена». Структура наличествует в любом виде деятельности, не будучи обусловленной конкретными историческими или социальными условиями формирования этого вида деятельности, поскольку присутствие такой обусловленности делало бы ее производной от конкретной формы исторического развития или сферы человеческой деятельности, что логически противоречит самому определению структуры. Иначе говоря, структура, приобретая универсальный характер, становится метаисторической и метасоциальной, поскольку служит проявлением идеального в эмпирическом, вечного и неизменного – во временном и преходящем. Структурный анализ обращает внимание на безличную и универсальную структуру, фиксируя параметры устойчивого положения системы.

Значительным явлением в структурализме благодаря мощному эвристическому потенциалу стали положения Р. Барта, полагавшего что язык порождение смысла.

Барт Ролан (1915-1980) - французский литературовед и семиолог. (1960), профессор Практической школы высших знаний (1962), руководитель кафедры литературной семиологии в Коллеж де Франс (с 1977). Большинство идей изложено в работах на французском языке. На русском языке: «Избранные работы. Семиотика. Поэтика». М., 1994.

Язык является единственной возможностью понимания любых явлений, в том числе и смыслов социальных структур. Р. Барт исследует и проблемы коммуникации. Главный вопрос - это вопрос взаимодействия индивидуального (личного поступка, действия, высказывания, одним словом речи) и коллективного (языковой структуры не индивидом созданной и его сознанию не открытой). Любое литературное произведение (любой индивидуальный текст) не может иметь однозначного смысла (точного кода), привязанного к его индивидуальному создателю. Оно будет по-разному прочитываться как современниками, так и последующими поколениями. Отсюда, по мнению Л. Репиной вытекают теории исторического повествования, в которых исследователи пытаются вывести исторические категории и способы описания событий не из прошлого, а из языка, на котором говорят историки.

К положительным явлениям структурализма стало понимание взаимосвязи различных элементов общественного устройства и создание методологии сравнительного анализа различных типов общественного устройства на основании не внешних, случайных феноменов, а глубинных структурных характеристик.

Последующая концепция М. Фуко обозначила тенденцию смены структурализма постструктурализмом. Археология знания: Мишель Фуко французского историка, философа, теоретика литературы, должна была стать особой дисциплиной, предметом которой должны были стать исторически изменяющиеся системы мыслительных предпосылок познания и культуры.

Мишель Фуко (1926-1984) - один из важнейших европейских философов второй половины XX века. Фуко держался той установки, в соответствии с которой метод исследования не может быть отделен от самого исследования.

История понимается М. Фуко как ряд прерывностей, как «дисконтинуитет»*. Для раскрытия существа такого подхода он еще в середине 60-х гг. XX в. вводит понятие «эпистема» или «дискурсивная формация»*. «Эпистема» - это «концептуальная структура», «структура прежде всех других структур». По ее законам образуются и функционируют все другие структуры. Причем такой «доминантной структуре» приписывается языковой характер. Более того, понимается и трактуется она по аналогии с языком.

Переход на уровень предмета инициирован действием эписистемы*, являющейся мыслительной предпосылкой познания и культуры. Эписистема не только предпосылочное, но и формообразующее начало познавательных полей культуры. Эпистема М. Фуко подвижная сеть отношений на уровне регулярностей дискурса как практики, налагающая на его конкретные разновидности определенные ограничения.

Эти предпосылки, по мнению М. Фуко, определяются господствующими семиотическими отношениями, или отношениями «слов» и «вещей». Отношения «слов» и «вещей» расположены между

* Отсутствие непрерывности и прерывание.

* Принцип рассеивания и размещения высказываний.

* Основное понятие в концепции «археологии знания», культурно-познавательное априори.

эмпирическим и теоретическим уровнями, в «основополагающем» пространстве, предшествующем «словам, восприятиям и жестам». Продуцируемый этой областью порядок признается как очевидный, сопрягается с пространством и временем и связывается с тем, что та или иная культура считает для себя истинным. Однако в связи с действием скрытых структур сознания происходит «проблематизация» каких-либо вещей, фокусирующих на них особое внимание.

М. Фуко выделяет три скачкообразно сменяющие друг друга эпистемических образования в европейской культуре: Возрождение (XV-XVI вв.), классический рационализм (XVII-XVIII вв.) и современность. Такой подход к истории делал сомнительным творческий потенциал субъекта и его значение для познания, и культуры. Но это была сознательная установка М. Фуко, отвергающего подход к творчеству как проявлению особенностей психики или биографии. Автор, по его мнению, лишь выражение некоего единства в дискурсе, статус этого дискурса внутри общества и культуры. На более высокой ступени, считал Фуко, стоят те, кто создает нечто большее, чем собственные тексты, а именно, правила и возможности формирования текстов.

М. Фуко всем своим исследовательским творчеством продемонстрировал, что решение большинства проблем связано не с совершенствованием техники анализа, а с умением их по-новому формулировать. Поэтому его имя также можно отнести к именам «основателей дискурсивности»*.

Исходя из неосознаваемого механизма пользования дискурсивными практиками, М. Фуко в конечном итоге говорит о навязывании некоторых знаний человеку в качестве неоспоримого авторитета. В этом усматривает проявление власти дискурсов над сознанием человека. При этом понятие власти у М. Фуко не несет однозначно негативный смысл. Оно скорее может быть охарактеризовано как фатальная неизбежность. Следует особым образом подчеркнуть, что власть у М. Фуко не совпадает с социальной властью. Это, скорее, «метафизический принцип», стихийный, неупорядоченный и сознательно неуправляемый.

Мишель Фуко создал свой вариант постструктурализма. Интерес представляют его произведения: «Безумие и неразумие: история безумия и классический век» (1961), «Рождение клиники: археология взгляда медика» (1963), «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966), «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» (1975), «История сексуальности» (1976-1984). Он резко отрицательно относился к «текстуальному изоляционизму», ведущему к уничтожению всех «внетекстуальных факторов». М. Фуко считает, что приписывание языку

* Специальный термин постмодернистской философии.

особой автономности по отношению ко всем историческим и социальным системам является одной из форм «идеологий», препятствующих развитию познания.

М. Фуко стремится рассматривать человеческое мышление и сознание с исторической точки зрения. Историчность человеческого сознания М. Фуко определяет как глубоко внутреннюю характеристику каждой эпохи. Тем самым он пытается доказать своеобразие и уникальность человеческого сознания в каждый отдельно взятый период.

История постструктурализма как интеллектуальной традиции начинается с 60-х гг. XX века и продолжается до сих пор. Его часто определяют как реакцию на структуралистские теории языка и дискурса.

В большинстве этих теорий язык и дискурс (речь, фраза, жест) рассматриваются как продукт и инструмент коммуникации. Через анализ структуры дискурса коммуницирующий (передающий) достигает понимания речи и тех целей, с которыми связывается использование языка. Постструктурализм несколько по-иному подходит к проблеме дискурса. Дискурс для постструктуралистов не ограничивается речью, говорением. Более того, использование языка в повседневной жизни вовсе не вовлекается в анализ, считается незначимым. Главное внимание в постструктурализме уделяется анализу письменных текстов.

Большинство постструктуралистов придерживается идеи, что дискурс является первостепенным инструментом коммуникации. Причем его рассмотрение выходит далеко за пределы собственно коммуникативного действия.

Отдельные ученые, в частности философы, рассматривают культуру как сумму дискурсов и/или текстов и утверждают, что «ничего не существует вне текста». Любой индивид неизбежно находится «внутри текста», в рамках определенного исторического сознания. Это в конечном итоге и определяет границы «интерпретативного своеволия» любого индивидуального сознания. Таким образом, весь мир - это бесконечный и безграничный текст.

Создатель концепции «нарратологии», обосновывающей ситуацию постмодернизма в философии Жан-Франсуа Лиотар - французский философ.

Ж-Ф. Лиотар сравнивает два понятия: «миф» и «нарратив» (рассказ, история). Принципиальное отличие их он видит в том, что миф ориентирует нас в прошлое, а нарратив - в будущее, т.к. в нем формулируется идея, ожидающая своего воплощения в будущем, а не создающая основания для настоящего. В своих рассуждениях Ж-Ф. Лиотар подчеркивает, что проект современности, который сформировался в начале XX века (и этот проект Ж-Ф. Лиотар называет мета нарративом, мета рассказом), уничтожен Освенцимом. С этого

момента, по мнению автора, открывается пост современность. «Мета нарратив» разрушен. На его место Ж-Ф. Лиотар предлагает систему микро нарративов. Они живут в повседневности и определяют ее. Их Ж-Ф. Лиотар определяет как языческие.

Жан-Франсуа Лиотар (1924-1998) одним из первых заговорил о том, что в XX веке человек иначе рассматривает свое время и себя в нем: он не только делит историю на «эпохи», но и ощущает парадоксальность времени, когда наше представление о времени не охватывает всех его сторон. Размытость границ между реальностью и ее отражением, представленным в тексте, характеризует «пост современное состояние».

Разрабатывая идею микро нарратива, Ж-Ф. Лиотар выделяет две системы правил, по которым строится речевая деятельность: «режимы» предложений и «жанры» дискурса. «Режимы» предложений - это правила построения предложений. Они могут быть выделены по типам деятельности: размышления, познание, описание, повествование, вопрошание, демонстрация, приказание и др.

Общеввропейский кризис рационализма в конце 60-х годов привел к очередной смене парадигмы научных представлений, в результате чего структурализм был вытеснен на периферию исследовательских интересов.

Поэтому на рубеже 70-х-80-х годов XX века, те исследователи, которые сохранили верность структуралистским установкам, перешли на позиции постструктурализма.*

К ним относятся Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гватари, Ю. Кристева, поздние М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт. Возникновение постструктурализма обусловлено кардинальными изменениями в духовной культуре западного общества, потеря социально-ценностных ориентаций.

Идейным следствием этих социальных реалий стала теоретическая реакция недоверия к универсальному знанию, абсолютизация индивидуализации и фрагментарности мировосприятия. В постструктурализме все равноправно, одинаково важно и равноценно, здесь не действуют категориальные нормы знания. Пространством познания становится микроуровень, история превращается в микрособытия, в которых участвуют микроагенты, решающие локальные

* Постструктурализм - это общее название ряда подходов в социально-гуманитарном и философском познании 1970-80-х гг. Это философия изнанки структуры, когда тело и власть становятся объектами первостепенного интереса и значат больше, чем язык и объект. Постструктурализм - это яркая реакция на лишенное жизненного смысла традиционное философствование.

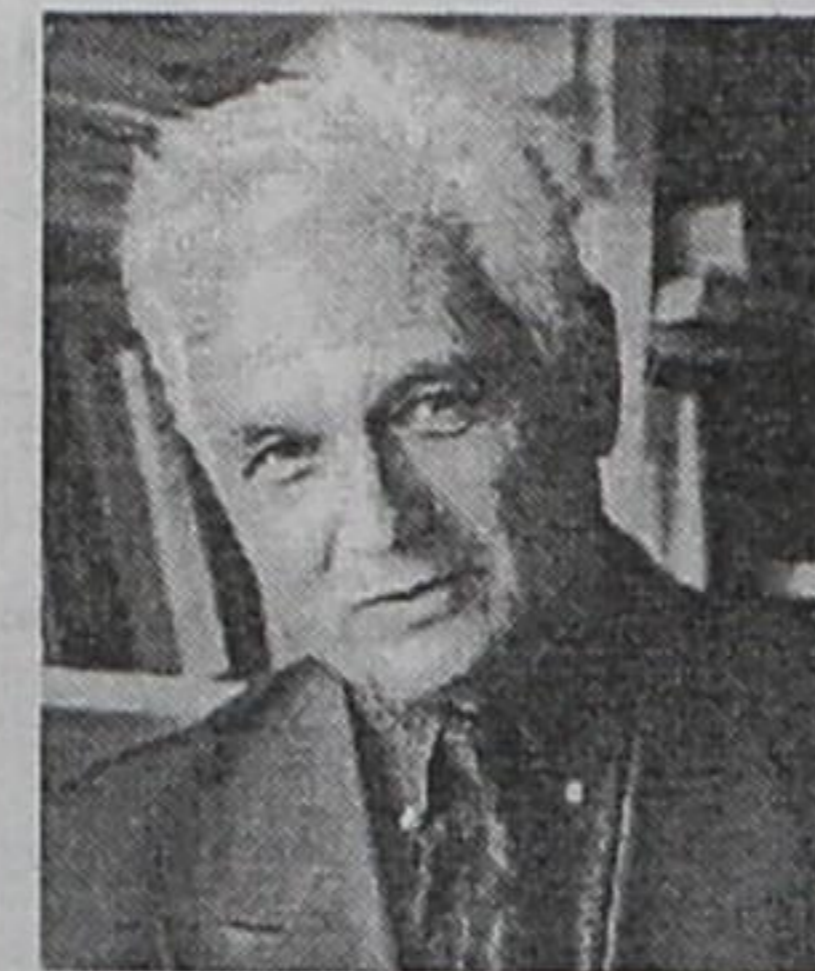
проблемы. Субъект истории растворяется во множестве, как и сама история, исчезает в становлении настоящего.

Вообще в постструктурализме трудно выделить четко фиксированный понятийный аппарат, категориальный инструментарий, подвергнуть его какой-то систематизации. Постструктурализм в целом можно определить, как общеметодологическую основу, на базе которой выстраивается множество концепций (постмодернизм, децентризм, деконструктивизм и т.д.), отличающихся лишь исследовательскими приоритетами и имеющими выраженный практический характер анализа, нацеленный на изучение литературы, языка, культуры. Поэтому целесообразно изложить основные идеи постструктурализма, не пытаясь их классифицировать или типологизировать.

Постструктурализм, являясь естественным продолжением изначально присущих структурализму тенденций, как теоретическое движение развивается в форме критики структурализма, которая ведется по четырем основным направлениям: (а) проблема структурности; (б) проблема знаковости; (в) проблема коммуникативности; (г) проблема целостности субъекта.

Для постструктуралистов рациональность ограничивает свободное движение мысли и воображения. Приоритетным для них становится иррационализм, фрагментарность, случайность.

Одним из постулатов их выступления стала критика принципа «структуры структурности» в исследованиях Ж. Деррида.

Жак Деррида (1930-2004) французский философ, преподававший в Сорбонне с 1960 по 1964 г. Создатель концепции деконструкции. Один из самых влиятельных философов конца XX века.

В основе этой критики находится понятие «центра» структуры, как начала, организующего структуру, но самого не структурированного. Это понятие, по мнению Ж. Дерриды, является наследием западноевропейского образа мышления. Оно имеет множество инвариантов: в философии и психологии - рэциоцентризм, утверждающий приоритет дискурсивно-логического мышления; в культурологии - европоцентризм; в истории - футуроцентризм.

Постструктуралисты считают, что «центр» это постулированная наблюдателем фикция, не являющаяся объективным свойством структуры. «Центр» это «*cogito*», «феноменологический голос» наблюдателя, его «сознание». То, что утверждается как «центр» структуры, обусловлено даже не позицией наблюдателя, а его желанием или волей. А поскольку вся действительность есть коммуникация по обмену сообщениями или текстами, с определенными смыслами, то следствием субъективного и произвольного определения «центра» структуры оказывается навязывание тексту (соответственно читателю или слушателю) смысла, желаемого наблюдателем, но объективно не содержащегося в тексте. В то же время смыслы, навязываемые наблюдателем, трактуются в свою очередь как тексты, собранные из культурных систем и норм своего времени, то есть заданные идеологией эпохи.

В противовес понятию структуры, представляющей собой жестко систематизированный, иерархически упорядоченный принцип организации природных, культурных, социальных и научных явлений, французские постструктуралисты Ж. Делез и Ф. Гваттари вводят понятие ризомы, заимствованное ими из ботаники. Сам термин «ризомы» обозначает способ жизнедеятельности многолетних травянистых растений, это подземный горизонтально расположенный корешок таких растений, пускающий корни снизу и дающий покрытые листьями побеги сверху. Эти беспорядочно переплетенные отростки и побеги растут во всех направлениях. Ризома, следовательно, не имеет единого корня, связующего центра. Это непараллельная эволюция совершенно разнородных образований, происходящая не за счет дифференциации, членения, разветвления, а благодаря удивительной способности перепрыгивать с одной линии развития на другую, исходить и черпать силы из разности потенциалов.

Постструктуралисты постоянно противопоставляют ризому и дерево как два совершенно разных способа мышления. Дерево имеет единство в виде корня, ствола и ветвей, у него есть верх и низ, прошлое и будущее, единая, целостная история, эволюция и развитие. Дерево непрерывно дихотомически ветвится, это - бинарная система. У дерева есть центр (начало), из которого оно вырастает в соответствии со своей генетической информацией и логикой структурной реорганизации. Дерево - это местонахождение, система точек и позиций, жестко фиксирующих его содержание; это иерархическая система передачи свойств с центральной инстанцией и рекапитулирующей памятью. Дерево - символ власти, научные школы организованы древовидно. Мораль, религия, политика тоже деревообразны.

Ризома, в отличие от дерева, с точки зрения постструктуралистов, «парадигматически» более соответствует современному положению действительности. Для постструктурализма понятия центр, целостность, единство, тотальность по содержанию синонимичны. Тоталитаристские и авторитаристские тенденции в обществах XX века становятся оковами дальнейшего движения. Порождаемые ими аналитизм, логоцентризм ограничивают рост, ослабляют становление. Другое дело ризома. Она преодолевает любые ограничения именно в силу того, что ее теснят, обступают и препятствуют развитию. И чем сильнее давление на ризому, тем шире радиус ее действия, тем на большем пространстве периферийной земли она выбрасывает свои щупальца. Ведь не будь периферии, ее жизнеобновляющих и жизнепитающих соков, рост прекратился бы и в материнском лоне начала (центре, фокусе).

Поэтому ризома заполняет все трещины, разломы, пустоты и бреши человеческого бытия. Она не знает границ, она помогает умножать стороны исследуемой реальности, видеть полифонию ее граней. Это фундаментальная переориентация мышления. Мыслить по-современному - значит мыслить ризомно, то есть мыслить в вещах, среди и между вещей. Мыслить ризомно - значит понимать, что история человеческой жизни, социальной реальности, познания, культуры дискурсивна; она прерывается, ломается, рвется, пускает новые корни в самых неподходящих местах, движется множеством разных, не связанных друг с другом линий, она полицентрична и плюралистична, вся в микроскопических прожилках становления, без определенного объекта, с массой индивидуальных агентов.

Порожденные ризомным характером развития неожиданные и несистемные различия, неспособные четко противопоставляться друг другу по наличию или отсутствию какого-либо признака, ведут к утрате онтологического значения принципа бинаризма, символизирующего собой структурализм. Отвергаются все бинарные оппозиции: половозрастные (мужчина - женщина, дети - взрослые), расовые (черные - белые), классовые (общественный - частный), познавательные (субъект - объект, образный - понятийный, истинный - ложный) и т.д. Никаких противоположностей - только равноправное разнообразие.

Ризомное мышление породило теорию шизофренического дискурса - языка, отвергающего общепринятую логику и причинно-следственные связи, языка абсурда и парадоксальности, свойственного подлинно творческим людям (писателям, поэтам, художникам) и социально отверженным (безумцам, больным, преступникам), которые в глазах «большой цивилизации» неизбежно выглядят «шизоидными личностями».

Другим предметом постструктуралистской критики стала традиционная концепция знака. Ж. Деррида считал невозможным

разделение ряда означаемого и ряда означающего при функционировании знака, в версии Ф. де Соссюра. По его мнению, любой способ знакового обозначения ведет к оппозиции вещей и законов, ими управляющих. Законы - это порождение западного логоцентризма, которые стремятся навязать всему, на что направлена человеческая мысль, порядок и смысл, стремление найти первопричину, что соответствует желанию человека во всем отыскать «Истину».

Так, например, восходящая к гуманистам практика работы с текстом предполагает, что сам текст есть некоторая замкнутая в себе ценность, первоисточник, содержащий истинный смысл, который надо понять. «Понять» текст, с этих позиций, значит овладеть им, присвоить его, распределить, сделать своим, т.е. подчинить его господствующим в обществе стереотипам. Особый негативизм у постструктуралистов вызывает господство устной речи над письменной. Устная речь создает «ложное представление о естественности связи означающего (акустического образа слова) с означаемым (понятием о предмете), так как она не учитывает направленности сознания, воспринимающего мир по своим представлениям, и роли культурного контекста.

Следующим направлением критики постструктуралистов стала теория коммуникации. Критика теории коммуникативности сконцентрировалась на выявлении трудности или невозможности адекватно понять и интерпретировать текст. К такого рода трудностям они относили невозможность посредством языка адекватным образом отображать и воспроизводить («репрезентировать») действительность, в силу метафорических корней языка.

Другую трудность они видели в принципиальной невозможности объективной интерпретации текста, заданной поиском в нем единого и объективного смысла; существование бесчисленных интерпретаций любого текста свидетельствует об иллюзорных попытках вкладывания смыслов в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла. Эти и многие другие аргументы критиков теории коммуникации вобрало в себя ключевое для постструктурализма понятие смысловой «неразрешимости» как одного из принципов организации текста.

Мыслительная практика постструктурализма, несмотря на ее экзальтированность и эпатажное воздействие, открыла важную область приложения интеллектуальных усилий. В постструктурализме философия заявила о себе как конструктивная сила, как непосредственная участница формирования новых культурных объектов, новых отношений между различными областями духовной и практической

деятельности. Вся проблематика постструктурализма: сконцентрировалась вокруг вопроса как проблематизировать разум вне форм самого разума, как соединить понятийно и категориально развитую мысль с мыслью без образов и понятий? Ответы на эти вопросы, а значит, и ответы на вопросы о судьбах философии не могут быть даны, пока не пережит до конца опыт содержательного вопрошания.

Вопросы для обсуждения:

- 1 Причины переосмысления места и принципов исторического знания во второй половине XX в.
- 2 Влияние структуралистской революции на историческое знание.
- 3 Структурный анализ Кл. Леви-Стросса.
4. Применимо к теме своего исследования, определить круг историографических проблем и проведите структуралистский анализ темы диссертации.

Лекция 2. «Лингвистический поворот» к изучению языка и знаков различного рода. Семиотика

Цель лекции: дать характеристику «Лингвистического поворота» и показать ее место в системе исторической науки.

1. Семиотика наука о знаках и знаковых системах.
2. Теоретические основания семиотики
3. Ключевые конструкты в семиотике

Литература:

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. - М., 1994. - 616 с.
 Барт Р. Мифология. Пер. с фр. - М., 1996. - 314 с.
 Бахтин М.М. Язык в художественной литературе. Собрание сочинений. - Т. 5. - М., 1996.
 Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч. Пер. с нем. - М., 1994. - Т.1. - 192 с.
 Елина Е.А. Семиотика рекламы. Учебное пособие. - М.: «Дашков и Ко», 2016. - 136 с.
 Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. - 272 с.
 Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. - СПб.: Академический проект, 2002. - 544 с.
 Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы кино эстетике. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. - 92 с.
 Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. - 636 с.
 Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. - М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. - 624 с.
 Пирс Ч. Элементы логики // Семиотика. - М.: Радуга. 1983. - С. 151-210.
 Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Под ред. А.А. Холодовича. - М.: Прогресс, 1977. - С. 31-274.
 Успенский Б.А. Семиотика истории; семиотика культуры. Москва: «Гнозис», 1994. - 431 с.
 Успенский Б.А. Семиотика иконы. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», июль 1995. - 360 с.

Понятие «семиотика» (от *semeion* – знак) мало что может сказать неподготовленному человеку, хотя она проникает практически во все сферы нашей жизни благодаря предмету своего изучения – знаку. Эта наука разрабатывает понятия знака, языкового знака, языка, символа и т.п., к которым мы прибегаем в нашей повседневной жизни и, с которыми мы знакомимся, изучая психологию, языкознание, логику, философию, искусство и т.д.

Семиотика находит свои объекты повсюду - в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений. И везде ее непосредственным предметом является информационная система, т.е. система несущая информацию, и элементарное ядро такой системы - знаковая система. Каковы бы ни были такие системы - действуют ли они

в обществе, в природе или человеке (его организме, мышлении и психике), - они предмет семиотики. Другими словами, семиотическая составляющая охватывает широкую область нашей деятельности, и мы постоянно используем ее свойства и терминологию, часто не отдавая себе отчета в том, что она относится к области особой науки, которая называется семиотикой. Определение семиотики в общем виде можно дать следующим образом: семиотика – это наука о знаках и знаковых системах, которая анализирует природу, свойства и функции знаков, классифицирует виды знаков, указывает пути их развития.

Люди - это высшие из живых существ, использующие знаки. Разумеется, не только люди, но и животные реагируют на некоторые вещи как на знаки чего-то другого, но такие знаки не достигают той сложности и совершенства, которые обнаруживаются в человеческой речи, письме, искусстве, контрольных приборах, медицинской диагностике, сигнальных устройствах. В жизни всех живых существ – и человека, и животных – знаки имеют огромное значение, на них базируется вся человеческая деятельность и многие формы поведения животных. Именно поэтому многие науки имеют дело со знаками – это и лингвистика, и психология, и математика, и кибернетика и т.д.

Но каждая из отдельных наук изучает знак в каком-либо его одном, отвечающем задачам данной науки, аспекте. Например, лингвистика занимается знаками естественных национальных языков, психология исследует развитие знаковых ситуаций в онтогенезе (в развитии ребенка), знаки в математике функционируют как абстрактные сущности и т.д.

Семиотика дает определение знака как такового, классифицирует знаки, группирует их по определенным критериям, приводит знаковые ситуации и случаи использования знаков. Но все это становится возможным лишь потому, что семиотика владеет знаниями о частных, конкретных науках, в которых описываются конкретные знаковые ситуации и конкретные приемы использования знаков. Данные отдельных частных наук – база для применения семиотики. Но, объединив все данные отдельных наук, семиотика выводит и формулирует общие положения и законы, связанные со знаками.

Только после этого, обобщив весь знаковый материал, семиотика возвращается к частным дисциплинам и занимается отдельными знаковыми проблемами. Так появляется семиотика искусства, семиотика кино и театра, семиотика городского пространства, семиотика литературы, семиотика рекламы.

Начало науке о знаках было положено американским ученым Чарльзом Пирсом (1839-1914). Заслуга Ч. Пирса в том, что он дал характеристику основных семиотических понятий, таких как знак,

значение знака, отношения между знаками и т.д., создал наиболее полную, практически исчерпывающую классификацию знаков на три типа, и, кроме того, выделил эту область исследования в отдельную науку, названную им семиотикой. Семиотику он определил как науку о природе и свойствах знаков и знаковых процессах. Человек же, как создатель и интерпретатор знака занимает в теории Ч. Пирса ведущую позицию.

Чарльз Сандерс Пирс (Peirce) (1839- 1914) - американский философ, который получил блестящую естественнонаучную подготовку (в таких областях как математика, химия, геодезия, астрономия) и прославился также своими работами в области логики и семиотики (теории знаков). Он ввел сам термин «прагматизм» (от греческого слова «прагма» - дело действие), а также основополагающий принцип прагматизма, который и получил название "принципа Пирса".

Идеи Ч. Пирса о знаках развил американский ученый Чарльз Моррис (1901–1978), который написал работу «Основы теории знаков», являющуюся первым систематическим изложением семиотики. Он отметил, что наука и знаки неотделимы друг от друга, поскольку наука дает в распоряжение людей все более надежные знаки и представляет свои результаты в форме знаковых систем. Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков - а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков. В своей работе обозначил, что едва ли когда-либо прежде знаки изучались столь интенсивно, столь многими людьми и со столь многих точек зрения. Эта армия исследователей включает лингвистов, логиков, философов, психологов, биологов, антропологов, психиатров, эстетиков, социологов. Однако еще нет теоретического построения, которое было бы достаточно простым, но вместе с тем достаточно широким, чтобы охватить результаты, полученные с разных позиций, и объединить их в единое и последовательное целое.

Отношение семиотики к наукам двоякое: с одной стороны, семиотика - это наука в ряду других наук, а с другой стороны, это - инструмент наук. Важное значение семиотики, как науки кроется в том, что это - определенный шаг вперед в унификации науки, поскольку она закладывает основы любой другой частной науки о знаках - такой, как лингвистика, логика, математика, риторика и (по крайней мере, до известной степени) эстетика. Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических. Знаки - это просто

объекты, изучаемые биологическими и физическими науками и связанные между собой в сложных функциональных процессах, то объединение формальных наук, с одной стороны, и социальных, психологических и гуманитарных наук - с другой, создаст необходимую базу для объединения этих двух рядов наук с физикой и биологией. Семиотика, таким образом, может сыграть важную роль в деле объединения наук, хотя природу и степень участия семиотики в этом процессе еще предстоит выяснить.

Но если семиотика - это полноправная наука, изучающая вещи и свойства вещей в их функции служить знаками, то она в то же время и инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков. Следовательно, метанаука (наука о науке) должна использовать семиотику как органон, или орудие.

К созданию семиотики как науки о знаках шли не только философы, но и лингвисты. Так, крупнейший ученый-лингвист Фердинанд де Соссюр (1857-1913) высказал мысль о науке, изучающей жизнь знаков внутри жизни общества, которую он назвал семиологией. «Семиология – это наука о знаках, которая изучает, что происходит, когда человек пытается передать свою мысль с помощью средств, которые неизбежно носят условный характер», – писал Ф. де Соссюр в своем «Курсе общей лингвистики». Ф. де Соссюр считал, что лингвистика может рассматриваться как составная часть семиологии (или семиотики), целью которой является изучение природы знаков и законов, ими управляющих.

Семиотическое понятие текст – один из основных терминов семиотики, который толкуется в рамках данной науки предельно широко, в отличие от привычного, часто употребляемого термина «текст» в значении осмысленной словесной последовательности. Этимологическое значение слова «текст» (что означает буквально «ткань, связь, сплетение») отсылает к широкому пониманию термина, которое трактует текст как определенным образом устроенную совокупность любых знаков, обладающую формальной связностью и содержательной цельностью.

Понятие текста в семиотике не обязательно связано только с естественным языком. Любая знаковая система, имеющая целостное значение и связность, является текстом. Поэтому к текстам с точки зрения семиотики можно отнести картины, таблицы, ноты, ритуалы, кино и т.д. Следовательно, текст есть то, что создано самими человеком для своих нужд, духовных и материальных. Поэтому текстами можно считать любые семиотические системы, специально, сознательно и целенаправленно созданные человеком.

№ п/п	Всякий текст как семиотическая система характеризуется четырьмя отличительными признаками:	Эти признаки текста, выделенные Э. Бенвенистом, применимы к любой семиотической системе со следующими уточнениями и пояснениями:
1)	операторным способом	операторный способ – способ, посредством которого текст (семиотическая система) воздействует, то ощущение, через которое он воспринимается (зрение, слух, осязание, обоняние – все эти типы ощущений, исключая, пожалуй, пятое – вкусовое, оказываются задействованными при восприятии, в частности, рекламного сообщения как сочетания и объединения их всех при едином целостном восприятии);
2)	сферой действия	сфера действия – область, в которой система признается, действует и является обязательной (культура, искусство, искусствоведение, лингвистика, дизайн, музыка, социальная сфера и пр.);
3)	природой и числом знаков	природа и число знаков – материальное выражение букв, звуков, цветов, линий, форм, плоскостей, запахов в бесконечных вариациях – все эти составляющие являются производными от вышеназванных признаков семиотической системы (текста);
4)	типом функционирования	тип функционирования текста – линейность (протяженность в пространстве и во времени), иконичность (изобразительность), континуальность (непрерывность), пространственность (расположение на плоскости и в пространстве. Линейность характеризует любой словесный (вербальный) текст, иконичность, пространственность и континуальность свойственны изобразительному текстовому фрагменту либо целому тексту-изображению (в статике или динамике).

Юрий Михайлович Лотман (1922-1993) – советский литературовед, культуролог и семиотик. Основным вкладом ученого в культурологию стали его труды по русской культуре во всех ее проявлениях под углом зрения семиотики, равно как и разработка собственной общей теории культуры. Лотман рассматривает ее как открытую знаковую систему и структуру, включающую помимо основного «штампующего» компонента – естественного языка – множество других знаковых систем, которыми являются, в частности, все виды искусства.

Естественный национальный язык может действовать, только находясь в определенном семиотическом пространстве. Семиотическое пространство по Ю.М. Лотману, определяется как семиосфера. Ю.М. Лотман выделил семиосферу по аналогии с биосферой и ноосферой В.И. Вернадского. Подобное наименование вполне оправданно: биосфера является совокупностью и органическим

единством живого вещества и, с другой стороны, условием продолжения существования жизни, а семиосфера – это и результат, и условие развития культуры.

В семиотических исследованиях существует два основных подхода к анализу культуры. Первый из них связан с традицией Ч. Пирса и работами его преимущественно североамериканских последователей, второй, характерный в первую очередь для европейских исследователей, – с развитием идей Ф. де Соссюра.

Центром понятия у Ч. Пирса выступает знак, где знак это любой объект, замещающий любой другой объект, указанный подход назван атомистической. Для Ч. Пирса знак – это конкретный объект, репрезентирующий другой объект.

Предметом исследований Ч. Пирса являются не сами знаки, а процессы семиозиса. «Семиозис (semiosis) – это триадическое «действие [action] знака», процесс, в ходе которого знак оказывает когнитивное воздействие на своего интерпретатора (или квазиинтерпретатора)». Иначе говоря, знаки должны быть интерпретированы, чтобы быть знаками. Согласно Ч. Пирсу, осуществляется это знание благодаря интерпретанте.

Интерпретанта – это перевод, истолкование, концептуализация отношения знак/объект в последующем знаке (например, определенная реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения данного слова с помощью других слов и т.д.). Каждый знак способен породить интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен. Ч. Пирс постулирует необходимость бесконечности этого процесса следующим образом. Если предположить гипотетическое существование самой последней, самой сложной, исчерпывающей и завершающей интерпретанты данного объекта, то эта интерпретанта может быть ни чем иным как самим объектом, целиком явленным нашему сознанию. Но такой объект, а равно и такой знак (как физически тождественны друг другу) не возможны и не существуют. Стало быть, процесс интерпретации безграничен. На этом постулате основана идея Ч. Пирса о неограниченном семиозисе. В рамках такого подхода семиозис – это динамический процесс интерпретации знака, единственно возможный способ его функционирования. Семиозис – это деятельность знака по производству своей интерпретанты. Идея семиозиса выражает самую суть отношений между знаком и внешним миром – объект репрезентации существует, но он удален и недостижим, будучи словно «спрятан» в череде семиотических медиаций. Однако познание этого объекта возможно лишь через исследование порожденных им знаков. Ч. Моррис определял семиозис как «процесс, в котором нечто функционирует как

знак». Он также выделял три измерения семиозиса (которые зачастую рассматриваются как различные сферы семиотического анализа):

Фердинанда де Соссюра часто называют «отцом современной лингвистики» или «ключевой фигурой на историческом повороте от XIX к XX столетию».

«Знак» для де Соссюра не только то, что представляет нечто иное, но еще и связь между двумя вещами: «Лингвистический знак объединяет... понятие и акустический образ».

То, что отображается в знаке, было названо де Соссюром *signifié* (обозначаемое), а его акустический образ - *signifiant* (то, что обозначает). Это - две стороны медали: «Язык можно сравнить с бумажным листом. Мысль составляет одну сторону листа, а звуковой образ - вторую. Так же, как нельзя взять ножницы и разрезать одну сторону, не повредив вторую, в языке невозможно изолировать звуковую сторону от содержательной, мысль отделить от звучания». Подход Ф. де Соссюра к семиотическим феноменам назван холистическим. Лингвистика может рассматриваться как часть науки, которую можно назвать *semiology* (современное название - семиотика) и которая «будет изучать природу знаков и законы ими управляющие», писал Ф. де Соссюр. Более того, по признанию де Ф. де Соссюра, его главный вклад в лингвистику в том и состоит, что он рассматривает ее в более широком контексте семиотики: ...«если мне в какой-то мере удалось более точно определить место лингвистики среди других дисциплин, это произошло потому, что я соединил ее с семиотикой».

Последующие тенденции структурно-семиотической методологии отражают подход Ф. де Соссюра, где в центре исследования находился язык, его структура и методы его описания.

Несколько отличается методология исследований тартуско-московской семиотической школы Ю. Лотмана, где предметом исследования является преимущественно семиотика культуры. Семиотика и культура здесь тесно между собой взаимосвязаны.

Основу культуры составляют семиотические механизмы, связанные: во-первых, с хранением знаков и текстов, что определяет память культуры, ее связь с традицией, поддерживают процессы ее самоидентификации и т.п.;

во-вторых, с их циркуляцией и преобразованием, что определяет как внутрикультурную, так и межкультурную коммуникацию, перевод и т.п.;

в-третьих, с порождением новых знаков и новой информации, что обеспечивает возможность инноваций и связано с разнообразной творческой деятельностью.

В сосюрской концепции языковой деятельности нет места тексту, на ней покоится классическая парадигма структурной лингвистики и поэтики.

Текст не только не представляет существенной проблемы, но, по сути дела, вообще не может быть «законным» объектом семиотического описания, поскольку все релевантное в нем есть лишь следствие реализации языковой структуры. Структурализм отличается от предшествовавших ему направлений лингвистики не столько даже новыми идеями и методами, сколько заменой предмета исследования: для структуралиста язык - совсем не то же, что, скажем, для младограмматика. Структурализм как бы расчищает себе площадку исследования, отбрасывая от себя все лишнее.

Одно из любимых библейских изречений Ю. Лотмана было: «камень, который отвергли строители, сделался главою угла». Текст был «отброшенным камнем» структурализма; Ю. Лотман делает его краеугольным камнем тартуско-московской семиотической школы. В отличие от классического структурализма, для тартуской школы текст не есть непосредственно данная реальность, а, так же как и язык, проблема, черный ящик, вещь в себе. В ранних семиотических публикациях Ю. Лотман подчеркивал абсолютную имманентность* текста по отношению к внетекстовой действительности, они находятся друг с другом в отношениях дополнительности. Текст - это замкнутая и самостоятельная структура, и именно как таковая она и должна исследоваться.

В основе семиотически ориентированных исследований лежит (структурный) анализ того, как устроены и функционируют знаки в различных культурных контекстах, а также - как организованы поведение и коммуникация, в которых используются знаки. Методом является структурный/семиотический анализ текста. Ключевые конструкты: знак, семиозис*, репрезентация, код, метаязык

Знаковая функция составляет одну из типологических функций социального конструирования. В таком понимании семиотические процессы понимаются как базовый механизм социокультурной динамики, обеспечивающие саму возможность формирования социокультурных связей, управления совместной деятельностью людей и трансляции социального опыта. Неоспоримым эмпирическим фактом следует признать утверждение, что итоги наших размышлений отражаются исключительно в знаках. Знаки - это первое, что мы создаем, и из них формируются знаковые системы. На протяжении всей истории человечества оформляется особая семиотическая реальность.

* Философская категория, обозначающая неотъемлемость, внутреннюю связь в противоположность внешней.

* Процесс интерпретации знака.

Последняя понимается нами как реальность, существующая в виде знаков и знаковых систем, при этом семиотическая реальность от начала и до конца является плодом ума и рук человека.

Знаки, составляющие каждого из языков культуры и предназначенные для выражения представлений и переживаний, различаются как по своему происхождению, так и степени подобия того, что они представляют. Исследователи культуры выделяют 5 основных знаковых систем: естественные, функциональные, конвенциональные, вербальные, системы записи.

Под *естественными знаками* понимаются вещи и явления природы в том случае, когда они указываются на какие-то иные предметы или явления и рассматриваются в качестве носителя информации о них. Чаще всего естественные знаки являются принадлежностью, свойством, частью какого-то целого и поэтому дают информацию о последнем. Естественные языки - это знаки-признаки, например, дым - знак огня.

Естественные предметы мы наделяем свойством знаков, в противном случае они остаются просто вещью - предметом, с помощью которого люди оказывают прямое воздействие на тот мир, в котором живут, физически изменяя его в своих интересах (штанга в руках спортсмена, скальпель в руках хирурга и т.к. принадлежат миру вещей). Кроме того, в отличие от мира вещей, меняющего наш мир, мир знаков модифицирует наше представление о мире только в процессах коммуникаций.

Функциональные знаки - это также знаки-признаки. Связь функциональных знаков с тем, на что они указывают, обусловлена теми функциями, которые они выполняют. Как правило, это вещи и явления, имеющие непосредственное - прагматическое предназначение, но включенные в человеческую деятельность помимо своих непосредственных функций, они еще получают знаковую функцию, т.е. дают какую-то информацию о вещах и явлениях. К функциональным знакам, например, можно отнести производственную технику, поскольку любой механизм или деталь может выступать как знак, который имеет информацию обо всей технической системе, элементом которой он является и т.д.

Конвенциональные знаки являются знаками в полном смысле этого слова. Их значения задаются не предметами и процессами, о которых они информируют, а соглашениями между людьми. Например, сигналы, извещающие или предупреждающие людей (цвета светофора, «зебра» на пешеходной дорожке, флажковая сигнализация на флоте); индексы - условные обозначения каких-либо предметов или, ситуаций, имеющие компактный легко обозримый вид и применяемый для того, чтобы выделить эти предметы или ситуации из ряда других (показания

приборов, картографические знаки, различного рода условные значки в схемах, графиках, профессионально-деловых текстах и т.д.); образы строятся на сходстве, подобии с тем, что они обозначают (знаки-рисунки, обозначающие пешеходные переходы, эскалаторы и т.д.); символы - материальные (культурные объекты, выступающие в трансляция знака, как его смысл, т.е. идеи или понятия (эмблемы, гербы, ордена, знамена и т.д.).

Наряду с отдельными конвенциональными знаками, вводимыми по тому или иному поводу, в ходе развития культуры возникают разнообразные системы конвенциональных знаков. Например, геральдика, система знаков дорожного движения, церемониальные системы, связанные с выполнением различного рода обрядности (свадебная, похоронная, праздничная, религиозно-культурная, вступление в должность - коронация, инаугурация и т.д.). Можно сказать, что каждая область социокультурной жизни имеет свою символическую систему.

Вербальные знаковые системы - разговорные языки. Любой естественный язык - это исторически сложившаяся знаковая система, образующая основу всей культуры того или иного народа, говорящего на данном языке. Эта система складывается на основе психофизиологических возможностей, заложенных в биологической природе человека (устройство мозга, гортани, органов слуха и т.д.). Однако язык имеет социальную природу. Он формируется и развивается людьми только благодаря их совместной деятельности и общения. Самая главная особенность вербальной системы состоит в ее специфической структурной организации. Вербальная система представляет собой полиструктурную, разветвленную, иерархическую, многоуровневую организацию знаков. Базисной структурной единицей является слово, которое, в свою очередь, внутренне структурировано (корень, суффикс, приставка, окончание и т.д.). Слова объединяются во фразы, предложения, высказывания. Из последних складываются тексты. Естественный язык - это открытая знаковая система. Он, в отличие от искусственных формализованных языков, способен к неограниченному развитию. Эта особенность языка имеет большое значение для изучения культуры. История развития культуры отражается в истории развития языка. Новые явления в жизни людей, открытия в науке и технике запечатлеваются словами, пополняют словарный запас языка - лексику. Вместе с тем уходят из употребления или изменяют значение и стилизовую окраску слова, связанные с уходящими в прошлое условиями жизни. Особенно сильное влияние на эволюцию естественного языка оказывают общественные преобразования в стране. Однако, несмотря на подвижность, основной словарный фонд лексическое «ядро» языка - сохраняется веками. Таким образом, язык в своей основе остается одним

и тем же в течение столетий, и это является основой взаимопонимания поколений, сохранения опыта прошлого в культуре.

На относительно высокой стадии развития человеческой культуры формируются *знаковые системы записи*: письмо (система записи естественного языка), нотная грамота, способы записи танца и т.д. Особенностью знаковых систем этого типа является то, что они возникают на базе других знаковых систем разговорного языка, музыки, танца и вторичны по отношению к ним. Изобретение знаковых систем записи - одно из величайших достижений человеческой культуры. Особенно большую роль в истории культуры сыграло появление и развитие письма. Без письма невозможно было бы развитие науки, техники, права и т.д. Появление письма ознаменовало начало цивилизации.

Базовым знаком письма является абстрактная единица - буква. Запись создает возможность искусственно увеличить словарный состав языка. С возникновением письменности начинают складываться языковые нормы и правила. Одним из важных направлений развития систем записи является создание искусственных, формальных языков, играющих большую роль в современной науке и технике. Синтетической обобщенной формой языка культуры является текст. Текст - это все, что искусственно сделано человеком (вещи, ритуалы, художественные произведения, книги, танцы и т.д.). Текст это совокупность знаковых систем, наделенный определенным значением. Таким образом, всякое явление культуры есть сочиненный людьми с помощью знаковых систем текст. С этой точки зрения, образно выражаясь, текст - это «плоть и кровь» культуры, а сама культура может быть интерпретирована так совокупность, определенная система текстов.

Текст выступает как главный носитель информации, и он многозначен. В нем, помимо объективной, научно фиксируемой информации, заложены тайные субъективные смыслы, выражающие особенности видения мира автора текста, психологические мотивы его создания и т.д. Познание своеобразия культуры, носителем которой является автор текста, невозможно объективными методами. Оно достигается на основе герменевтических процедур «понимания». Герменевтика исходит из предпосылки, что никакая читательская интерпретация текста в принципе не может совпадать с авторской. И не только потому, что читатель и автор - разные, неповторимые личности, существенное значение здесь имеет различие культурных контекстов, в которых воспроизводится данный текст. Текст, попадая в новый историко-культурный контекст, пополняется новым смыслом, отличным от того, какой он имел во время его создания. Таким образом, понимание произведений культуры меняется от эпохи к эпохе. Оно никогда не может

быть окончательным, «единственно верным». Тексты живут в истории, и в диалоге с ними новые поколения осмысливают их содержание заново в поисках ответа на вопросы, которые ставит перед ними жизнь. Таким образом, благодаря объективации в текстах, культурные ценности не умирают, потому что они все время обогащаются новым смыслом.

О культурной детерминированности способов репрезентации и восприятия написано уже немало и в работах по психологии визуального восприятия, и в работах по культурной антропологии, и в работах по семиотике.

Одним из наиболее рельефных примеров семиотичности восприятия и изменчивости визуальных кодов является проблема анализа систем репрезентаций, изучение искусственных кодов в призме кинематографа, музыки и в целом искусства.

Технические условия развития киноискусства сложились так, что стадии звукового фильма предшествовал длительный период дозвукового, «немое» развития. Однако глубоким заблуждением было бы считать, что кино заговорило, обрело свой язык только с получением звука. Звук и язык не одно и то же. Человеческая культура разговаривает с нами, то есть передает нам информацию, различными языками. Одни из них имеют только звуковую форму. Таков, например, распространенный в Африке «язык тамтамов» - система упорядоченных ударов в барабаны, при помощи, которой африканские народы передают сложную и разнообразную информацию. Другие - только зрительную, о которой говорилось выше.

Ю. Лотман задает вопрос: Имеет ли свой язык кино, всякое кино, и «немое» и звуковое? «Является ли кино коммуникативной системой?» Но в этом, кажется, никто не сомневается. Режиссер, киноактеры, авторы сценария, все создатели фильма что-то нам хотят сказать своим произведением. Их лента - это как бы письмо, послание зрителям. Но для того, чтобы понять послание, надо знать его язык.

Все, что в фильме принадлежит искусству, - имеет значение, несет ту или иную информацию. Цель искусства - не просто отобразить тот или иной объект, а сделать его носителем значения. Мир кино предельно близок зримому облику жизни. Иллюзия реальности, как мы видели, - его неотъемлемое свойство. Однако этот мир наделен одним довольно странным признаком: это всегда не вся действительность, а лишь один ее кусок, вырезанный в размере экрана. Мир объекта оказывается поделенным на видимую и невидимую сферы, и как только глаз кинообъектива обращается к чему-либо, сейчас же возникает вопрос не только о том, что он видит, но и о том, что для него не существует. Вопрос о структуре заэкранного мира окажется для кино очень существенным.

То, что мир экрана - всегда часть какого-то другого мира, определяет основные свойства кинематографа как искусства.

Мир кино - это зримый нами мир, в который внесена дискретность. Мир, расчлененный на куски, каждый из которых получает известную самостоятельность, в результате чего возникает возможность многообразных комбинаций там, где в реальном мире они не даны, становится зримым художественным миром. В киномире, разбитом на кадры, появляется возможность вычленения любой детали. Кадр получает свободу, присущую слову: его можно выделить, сочетать с другими кадрами по законам смысловой, а не естественной смежности и сочетаемости, употреблять в переносном - метафорическом и метонимическом - смысле. Кадр как дискретная единица имеет двойной смысл: он вносит прерывность, расчленение и измеримость и в кинопространство, и в киноремя. При этом, поскольку оба эти понятия измеряются в фильме одной единицей - кадром, они оказываются взаимобратимыми. Любую картину, имеющую в реальной жизни пространственную протяженность, в кино можно построить как временную цепочку, разбив на кадры и расположив их последовательно. Только кино - единственно из искусств, оперирующих зрительными образами, - может построить фигуру человека как расположенную во времени фразу.

Одним из основных элементов понятия «кадр» является граница художественного пространства. Таким образом, еще до того, как мы определим понятие кадра, мы можем выделить самое существенное: воспроизводя зримый и подвижный образ жизни, кинематограф расчленяет его на отрезки. Это членение многообразно: для создающих ленту это членение на отдельные кадрики, которые при демонстрации фильма сливаются так же, как при чтении стихов стопы сливаются в слова (стопы, метрические единицы стиха, тоже не существуют для рядового слушателя как осознанные единицы). Для зрителя это - чередование кусков изображения, которые, несмотря на отдельные изменения внутри кадра, воспринимаются как единые.

Кинематограф нам говорит, фраза общеизвестна. Кинематограф по своей природе - рассказ, повествование. Каждое изображение на экране является знаком, то есть имеет значение, несет информацию. Однако значение это может иметь двойкий характер. С одной стороны, образы на экране воспроизводят какие-то предметы реального мира. Между этими предметами и образами на экране устанавливается семантическое отношение. Предметы становятся значениями воспроизводимых на экране образов. С другой стороны, образы на экране могут наполняться некоторыми добавочными, порой совершенно неожиданными, значениями. Освещение, монтаж, игра планами, изменение скорости и пр. могут придавать предметам, воспроизводимым на экране, добавочные

значения - символические, метафорические, метонимические и пр. Если первые значения присутствуют в отдельно взятом кадре, то для вторых необходима цепочка кадров их последовательность. Только в ряду сменяющих друг друга кадров раскрывается механизм различий и сочетаний, благодаря которому выделяются некоторые вторичные знаковые единицы. В киноязыке присутствуют две тенденции. Одна, основываясь на повторяемости элементов, бытовом или художественном опыте зрителей, задает некоторую систему ожиданий; другая, нарушая в определенных пунктах (но, не разрушая!) эту систему ожиданий, выделяет в тексте семантические узлы.

Фильм связан с реальным миром и не может быть понят вне безошибочного узнавания зрителем того, какие вещи в сфере действительности являются значением тех или иных сочетаний пятен света на экране.

Период гражданской войны у нас ассоциируется с фильмом «Чапаев», с образами, созданными на экране и оружием того времени - пулемет «максим», сабля, звезда, тачанка и т.п. Для человека той эпохи или той цивилизации, которой неизвестен такой предмет, кадр останется загадочным. Итак, кадр, прежде всего, несет нам информацию об определенном предмете. Но это еще не есть киноинформация: мы ее могли бы почерпнуть из нехудожественной фотографии пулемета или рядом других способов. Далее, пулемет - не только вещь, он вещь определенной эпохи и поэтому может выступать как знак эпохи. Тачанка на экране - знак реального предмета. Она же - знак очень конкретной исторической ситуации - гражданской войны в советскую эпоху 1917-1920 годов.

Что показывает современное кино? Как показывает современное кино Великую Отечественную войну? Какие коды и символы используются в ракурсах исторического показа.

Кинозначение - значение, выраженное средствами киноязыка и невозможное вне его. Кинозначение возникает за счет своеобразного, только кинематографу присущего сцепления семиотических элементов. Понимание языка фильма - лишь первый шаг к пониманию идейно-художественной функции кино - самого массового искусства.

Вопросы для обсуждения:

- 1 В чем заключается понятие и предмет семиотики?
- 2 Что такое знак в семиотике? Дать общее представление о знаке.
- 3 Провести в семиотический анализ систем репрезентаций по теме научного исследования.

Лекция 3. Теоретизация исторического нарратива

Цель лекции: показать ключевые концепты теоретизации исторического нарратива.

1. Теория и методология повествования. Научные школы.

2. Тропология. Философское осмысление отношения человека к истории.

Литература:

Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. - М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 496 с.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. - 2000. - №3 - С. 29-42.

Борисенкова А. Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. - 2010. - №3. С.327-332.

Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. №1, 2002, с.75-81.

Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Бикбов, К. Вознесенская, С. Зенкин, Н. Шматко; СПб.: Алетейя, 2001. - 562 с.

Демин И. Проблема соотношения исторической реальности и исторического нарратива в нарративной историософии Х. Уайта и Ф. Анкерсмита // Научный молодежный ежегодник. - Самара, 2008. - Вып. III, ч. 1. - С. 158-169.

Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М., 1993-4. - № 3-4. - С. 34-43.

Луман Н. Изменение парадигмы в теории систем // Социальные и гуманитарные науки. РЖ Социология. Сер. 11. - 1994. - №2. - С.43-50.

Рикер П. Время и рассказ. СПб., 2000. - 224 с.

Согрин В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость // Общественные науки и современность. - 2002. - № 1. - С. 144-160.

Сыров В. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу / - Электрон. текстовые дан. - [Электронный ресурс]: http://Исторический_текст_как_научный_нарратив/siterium.trecom.tomsk.ru/Syrov/s_text12.htm#Up. - Загл. с экрана.

Сарбин Т. Нарратив как корневая метафора в психологии // Постнеклассическая психология: социальный конструкционизм и нарративный подход, 2005, №2. - С. 9-30.

Троицкий Ю. Что такое «правда, Истории»? (Самопорождение смысла в историографическом тексте) // Общественные науки и современность. - 2010. - № 1. - С.105-113.

Трубина Е. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 1998. - 103 с.

Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под редакцией Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - 528 с.

Шатин Ю.В. Исторический нарратив и мифология XX столетия Критика и семиотика. - Вып. 5. - Новосибирск, 2002. - С. 100-108.

Для исторического нарратива сохраняет силу определение Аристотеля, разводящее историю и литературу. Историк и поэт «различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй - о том, что могло бы случиться». Традиционный нарратив, его разновидность исторический нарратив строиться по законам искусства, интуитивного человеческого творчества. Исторический нарратив включает в себя данные, которые следует проверить на предмет

достоверности и подлинности. Классический алгоритм критического анализа был представлен в труде Ш.-в. Ланглуа и Ш. Сеньобоса.

Видовой состав нарратива чрезвычайно разнообразен. К ним можно отнести: фольклорные истории, эволюционные объяснения, басни, мифы, сказки, оправдания действий, мемориальные речи, объявления, извинения и т.д. Подвиды нарратива включают мифы, народные и волшебные сказки, правдивые и вымышленные истории и некоторые исторические, правовые, религиозные, философские и научные тексты. Каждый из этих подвидов может быть подвергнут дальнейшей дифференциации. Жанр и форма нарратива имеют бесконечную множественность, вместе с тем нарратив это имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством.

Историки традиционно представляли результаты своих исследований в форме повествования или нарратива. Заслугой нарративизма является обращение внимания на форму повествования и его структуру.

Восьмидесятые годы XX века ознаменовали собой начало «нарративного поворота», лейтмотивом которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы. Это положение дополнило требование «лингвистического поворота» считать исследования в области социальных, политических, психологических и культурных проблем языковыми. Понятие нарратива оказалось в центре внимания не только нарратологии* специальной, ему посвященной дисциплины, но и за ее пределами: «в медицине, праве, истории, историографии, антропологии и психотерапии нарративы составляют продукты научной деятельности; в философии, культурологии, теологии - скорее поглощаются и перемалываются в аналитических жерновах». Своеобразной классикой нарратива считаются работы, в которых авторы выстраивают каркас междисциплинарных исследований, снабжая новую науку необходимым минимумом теоретических положений. Это труды А. Данто, Х. Уайта, П. Рикера, Ф. Анкерсмита, У. Лабова, Дж. Гриффина.

Исследователи в сфере нарратологии связывают факт увеличения «нарративных» исследований с осознанием важности повествований в человеческой жизни - они сосредоточены не только в литературных

* Нарратология, теория нарратива, теория повествования - научная дисциплина, изучающая повествование в целом. Нарратология ставит перед собой задачи выявления общих черт различных нарративов, определения различий между ними, систематизации законов создания и развития нарративов.

текстах и повседневном языке, но и в научном дискурсе: практики композиции и репрезентации исследуются в «музыкологии», художественной критике и киноведении; способы достижения различными видами власти собственной легитимации через нарративы - в культурологии; нарратологические объяснительные схемы используются в психологии для изучения памяти и понимания; в философии и социологии науки изучение условностей повествования привлекается для обоснования риторической природы научных текстов.

Общим местом нарратологических дискуссий являются определение нарратива как формы дискурса, фокусирование на его темпоральных* характеристиках. Данное понятие «означает нечто иное, чем привычное «повествование», «повествовательный текст», «рассказ». Скорее оно сближается по объему с расширительным употреблением слова «сюжет».

Нарратология направляет внимание не столько на событие рассказа, сколько на организацию сюжетом рассказываемых событий, иначе говоря, на объединение разных событий. Сюжет сводится к простому упорядочиванию событий или фактов - свойству, присущему субъективному человеческому дискурсу. Выявление типов сюжетов, анализ присущих им характеристик и связи с реальностью, описываемой в повествованиях, являются основной интригой нарративных исследований.

Нарратив, первоначально был просто объектом аналитического исследования, теперь приобретает собственную власть и превращается в концептуальную схему. Если структуралистская мысль 1970-1980-х гг. (Р. Барт, Ж. Женетт, Ц. Тодоров, К. Бремон) ограничивалась анализом текстов и техник повествований, то нарратология утверждает повествовательную природу нетекстуальных объектов. Раскрытие любого неизвестного через нарратив по сей день продолжает быть популярным в разных отраслях гуманитарного знания. Опыт тогда сводится к набору нарративов, история представляется в качестве последовательности повествований, субъективность предстает в виде совокупности личных рассказов, социальное взаимодействие изучается как ситуация наррации.

Концепция повествовательности демонстрирует внушительную объяснительную силу, обнаруживая высокий потенциал в исследованиях природы знания (как повседневного, так и научного). Основное положение нарратологии заключается в том, что все проявления человеческой жизни, так или иначе оформленные языком, можно подвергнуть нарративному анализу. Более того, нарративный анализ

* Темпоральных - временных характеристиках (данных) предметной области.

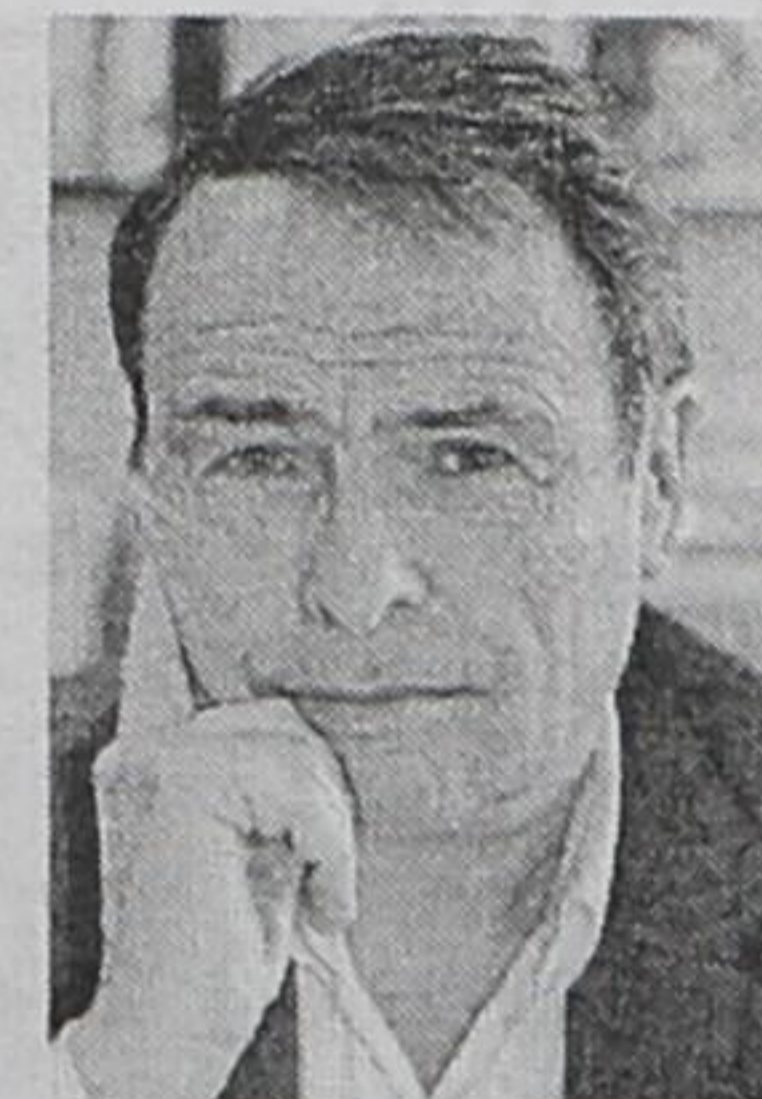
предлагает гуманитарным и социальным наукам определенную оптику, картину мира, где все познается через нарратив. По мнению У.Р. Фишера, теория нарратива предлагает целую парадигму изучения человека и общества. Данную тенденцию универсализации нарратива в социогуманитарных науках Мартин Крейсвирт обозначил как «нарративный поворот».

Мартин Kreiswirth.

Область научных изысканий и преподаваемые курсы: Художественная теория, теория литературы, Уильям Фолкнер, критическая интеллектуальная история, междисциплинарность, и историческая беллетристика. Автор множества интересных работ по нарратологии, в том числе «Narrative and Knowledge in the Human Sciences».

Но в данной теоретической перспективе не ставятся проблемы истинности и социально-исторических предпосылок знания. Вопрос «что описывается?» меняется на вопрос «как описывается?». Знание рассматривается через призму текста, и предметом анализа становятся формы повествования, жанры, тропы (нарративы и метафоры письма).

Пьер Бурдьё (1930-2002) - французский социолог, этнолог, философ и политический публицист, один из наиболее влиятельных социологов XX века. Исследования П. Бурдьё сосредоточены вокруг ключевых концептов: габитус как принцип действия агентов, поле как пространство фундаментальной социальной борьбы, капитал как ресурс в социальном поле, символическое насилие как главный механизм утверждения господства.

Тема «нарративного поворота» и ее теоретическое осмысление получила отражение в трудах европейских ученых. В частности, П. Бурдьё в статье «Биографическая иллюзия» проблематизировал распространенное в этнологических и социологических исследованиях представление о человеческой жизни как об индивидуальной истории, биографии, иными словами, нарративе.

С этой точки зрения жизнь - последовательность событий, некий путь, траектория, ведущая к завершению, «конечной» цели. Знание о жизни человека представлено в виде рассказов, организующих события в

хронологическом и в логическом порядке. По мнению П. Бурдые, данная объяснительная схема сомнительна и в гносеологическом, и в социально критическом, и в литературоведческом плане. Ведь сама идея литературного романа, построенного по принципу «от начала до конца» и являющегося в своем роде образцовой моделью для биографии, претерпевает серьезные изменения в XX веке. Хронологическая последовательность уступает место синхронности и разорванности событий. Но главный аргумент П. Бурдые состоит в том, что рассмотрение знания о человеческой жизни как нарратива оставляет за скобками социологические факторы организации опыта этой жизни, а значит, и сама объяснительная модель должна быть проверена логикой социологической критики опыта.

П. Бурдые приравнивает попытку понять жизнь и самого себя как единую последовательность к попытке «осмыслить» маршрут в метро, не принимая во внимание замысловатую схему всех линий и станций метрополитена.

Согласно П. Бурдые, индивидуальность человека состоит из определенной сети, структуры, матрицы объективных отношений с окружающим миром, превосходящих пространственно-темпоральные характеристики. Индивидуальность - это не последовательность историй, а пересечение историй и ролей, в которых может присутствовать один и тот же агент в различных социальных полях. Человек может быть одновременно семьянином, начальником, подчиненным, активным и пассивным участником событий. Все эти роли задают абсолютно разные нарративы. Социальные позиции, имеющие первостепенное значение для исследования человеческой жизни, фиксируются в институтах и документах (резюме, дипломах, трудовых записях, биографиях, некрологах). По мнению П. Бурдые, лишь принимая во внимание всю их совокупность и сложные пересечения, можно получить знание об индивидуальности и преодолеть «биографическую иллюзию».

Иную логику критики нарративного анализа предлагает Гэлен Стросон, выступая с критикой «психологического» и «этического» «нарративных тезисов», широко используемых в современных гуманитарных и общественных науках.

Первый тезис внушает нам, что субъективное переживание человеческой жизни всегда представлено в повествовании и что способность нарративно описывать свой опыт заложена в природе человека.

Второй тезис сводится к тому, что нарративное восприятие субъективности является «правильным» и свидетельствует о полноценной и самодостаточной личности. По мнению Г. Стросона, такие обобщения некорректны: нельзя утверждать, что нарративность

характерна для всех людей. Ведь под «нарративом» подразумевается стандартное формирование темпорального и логически связанного единства на уровне дискурса по отношению к событиям, фрагментам письма. Но, как замечает Г. Стросон, это стремление к единству предполагает создание определенных образцов. Сюжетопостроение в нарративе является «формообразованием» с жесткими рамками, которое не присуще каждому субъекту. В частности, он утверждает, что ему самому чуждо повествовательное восприятие субъективности и он принципиально «ненарративный» человек.

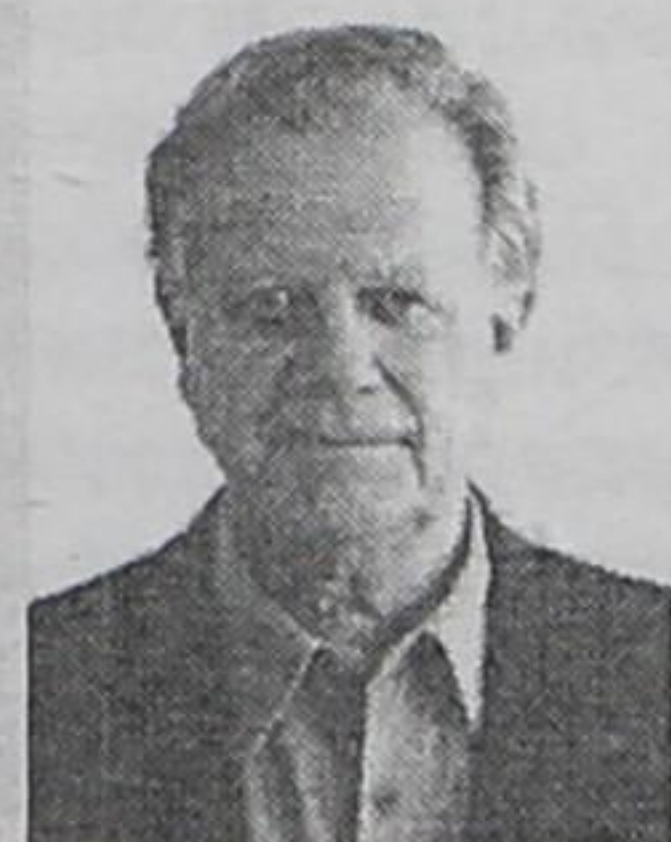
Г. Стросон говорит, что восприятие человеком диахронности и темпоральности своего опыта вовсе не предполагает создание рассказа или повествования. Можно обращаться к своему прошлому, переживать процессуальность и темпоральность жизни, но при этом не накладывая на свои переживания устоявшихся сюжетов. Более того, продолжает Г. Стросон, прошлое как таковое уже свершилось, в каждый данный момент в нашем распоряжении находится только настоящее. Соответственно, нарратив не может претендовать на то, что он «возвращает» события прошлого. Чтобы очередной раз не подчинить субъективность мнимой нарративности, Г. Стросон предлагает различать «диахронический» и «эпизодический» опыт. Диахронический опыт предполагает восприятие самого себя в трех временных перспективах (прошлом, настоящем и будущем). Эпизодический опыт, напротив, требует понимать себя лишь как субъекта настоящего. Данные формы переживания не исключают, а дополняют друг друга и пересекаются. Для Г. Стросона важно то, что различение диахронности опыта и сюжетопостроения не допускает той универсализации нарратива как объяснительной схемы, некритическое восприятие которой сразу сужает рамки любого гуманитарного исследования.

С историческим постмодернизмом связано и новая популярная тема научных трудов. Не в силах понять, что есть история, в чем состоит ее предмет, постмодернисты приняли апорию Проста, что история – это то, что изучают историки. Изучив, как и что они делают, мы поймем смысл Histories Apodexis.

Одним из самых известных теоретиков философско-исторического нарративизма является Хейден Уайт. В своем произведении «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» Хейден Уайт демонстрирует, как историки и философы XIX века воображали героев, о которых они рассказывали, с помощью каких языковых, риторических и литературных приемов они строили свои повествования. Эти средства и приемы, с точки зрения Х. Уайта, принципиально важны для истории как рассказа: ибо то, как рассказываются «истории», в

сильнейшей степени определяет, что именно рассказывается. Его книга стала важнейшим источником для разработки нарративизма.

В этой работе Х. Уайт, используя методологический аппарат тропологии, рассмотрел особенности исторического повествования крупнейших историков XIX века и пришёл к выводу об использовании ими литературных приёмов для достижения целостности повествования путём заполнения недостающей информации и её интерпретации. Х. Уайт обратил внимание на то, что законченное историческое исследование содержит не только набор исторических фактов, но и литературную форму; последняя, по Х. Уайту, оказывает значительное влияние на конечный текст, на что ранее практически не обращалось внимания. «Как известно, согласно Метаистории, историческое письмо всегда задаётся одним из четырех тропов».

Хейден Уайт американский историк и литературный критик. В 1951 году окончил университет Уэйна в Детройте; в 1952 и 1956 годах защитил, соответственно, магистерскую и докторскую диссертацию в Мичиганском университете. В 1973 году опубликовал свою наиболее известную книгу Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.

По мнению Х. Уайта, историк, прежде чем оценить историческое поле своего исследования, должен конституировать его как объект ментального восприятия.

Поэтико-риторический компонент историографии, отражение традиционной идеи о том, что историческая репрезентация собственно исторических процессов должна принимать форму повествования [narrativization]. Повествование о совокупности событий, по Х. Уайту, следует считать тропологическим. Алгоритм преобразования совокупности событий в серию, серию – в последовательность, последовательность – в хронику, хроника – в повествование [narrativization], – он преподносит как тропологические по своему типу, а не как логико-дедуктивные.

Более того, отношения между историей, образованной на основе событий, и какими бы то ни было формальными доказательствами, выдвигаемыми для объяснения этих событий, состоят из комбинации логико-дедуктивных и тропологически-фигуративных компонентов. Поэтому тропологический подход к изучению исторических дискурсов кажется если не требуемым, то вполне оправданным, различиями между

историческим и научным дискурсом, с одной стороны, и сходством между историческим и литературным письмом – с другой.

Тропология – это теоретическое объяснение вымышленного дискурса, всех способов, какими различные типы фигур (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают типы образов и связи между ними, способные служить знаками реальности, которую можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно. Дискурсивные связи между фигурами (людей, событий, процессов) в дискурсе не являются логическими связями или дедуктивными соединениями одного с другим. Они, в общем смысле слова, метафоричны, то есть, основаны на поэтических техниках конденсации, замещения, символизации и пересмотра. Вот почему любое исследование конкретного исторического дискурса, которое игнорирует тропологическое измерение, обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки фактическим неточностям, которые он может содержать, и логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства.

Объектом изучения выступают труды по истории – тексты, созданные крупнейшими гуманитарными мыслителями XIX в. Дж. Мишле, Л. фон Ранке, А. Токвилем, Я. Бурхардтом, К. Марксом и др. В поисках адекватного обозначения искомых тропов Уайт обращается к соответствующим работам известных авторов: К. Леви-Стросса, Р. Джейкобсона, Ж.-Ф. Лакана. Все они по разным поводам и в разных аспектах (в исследовании речевых структур примитивных обществ (Леви-Стросс); в лингвистической теории стиля (Джейкобсон); в структурном психоанализе (Лакан) использовали в своих исследованиях тропы поэтического языка: метафору, метонимию, синекдоху, литоту, гиперболу и пр.

Х. Уайт для осуществления нужд своего анализа выбрал Метафору, Метонимию, Синекдоху и Иронию. Четыре названных тропа позволяют произвести характеристику искомых исторических объектов в различных типах образного дискурса. Х. Уайт полагает, что они необходимы для понимания сути операций, с помощью которых содержание исторического опыта, сопротивляющегося описанию в больших массивах прозаической репрезентации, может быть префигуративно организовано и подготовлено для сознательного исследования. При этом для предоставления «реалистической» репрезентации и интерпретации действительности необходимо, прежде всего, определить доминирующий поэтический троп, в котором протекает дискурс историка.

Историк в процессе исследования прошлого, заинтересован в конструировании точного описания интересующего его объекта и изменений, которые этот объект претерпевает с течением времени. «Это

описание основано на документальных источниках, из содержания которых историк и создаёт совокупность фактов». В определении терминологии «создает совокупность фактов», Х. Уайту отличает событие (случившееся во времени и пространстве), от факта (высказывания о событии в форме утверждения). События отражаются в документальных источниках и памятниках; факты концептуально конструируются в мысли и/или фигуративно в воображении и существуют только мысли, языке или дискурсе.

Поскольку исторические сущности по определению принадлежат прошлому, их описания не подлежат верификации или фальсификации на основе прямого наблюдения. С помощью прямого наблюдения можно изучать документ, отражающий природу объекта прошлого, но этот документ требует интерпретации.

На основании чего Х. Уайт делает вывод, что историческое знание – это, всегда знание второго порядка, то есть оно основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с «литературой», чем с какой-либо наукой.

Историки и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины, не рассказывать об объекте своего исследования, но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским. Чисто буквалистское описание того, «что произошло» в прошлом, может быть использовано только для создания анналов или хроники, но не «истории». Историография является дискурсом, который, как правило, нацелен на конструкцию правдоподобного повествования о серии событий, а не на статическое описание положения дел.

Под влиянием структурализма Х. Уайт также построил схему использования историками четырёх различных тропов с соответствующими им идеологиями, типами сюжетов, формами аргументации и эмоциональными императивами.

Х. Уайт выявляет стратегии, применяемые для получения разного рода «эффекта объяснения». Их всего три: 1) объяснение посредством формального доказательства; 2) объяснение посредством построения сюжета и 3) объяснение посредством идеологического подтекста. В рамках этих стратегий Х. Уайт выделяет четыре способа артикуляции, применяемые для достижения эффекта объяснения.

Для первой стратегии это модусы Формизма, Органицизма, Механицизма и Контекстуализма, для второй – архетипы Романа, Комедии, Трагедии и Сатиры, для третьей – тактики Анархизма, Консерватизма, Радикализма и Либерализма. По словам Х. Уайта, «Конкретная комбинация этих типов составляет то, что я называю

историографическим «стилем» данного историка». Именно этот стиль определяет способ осуществления акта исторического познания, которое несводимо к банальному «рассказать, как было на самом деле».

Благодаря «Метаистории» Х. Уайт считается одним из творцов «лингвистического поворота» в исторической науке.

Автор напоминает нам, что пафос первого поколения профессиональных историков был выражен в максиме Леопольда фон Ранке: рассказывать все, «как это было на самом деле». Однако об одном и том же – т.е. о тогда, которое не теперь, и о где, которое не здесь, – каждый историк рассказывает по-своему. Кроме того, историческое воображение свойственно не одним лишь историкам. Поэтому мы не удивляемся «истории» о машинистке, которая, перепечатав авторскую рукопись «Иосифа и его братьев» Томаса Манна, сказала: «Теперь я знаю, как это было на самом деле».

Хейден Уайт, разумеется, не первый историк, уделивший историческому воображению особое внимание.

Повествование же, как известно, не зеркало, а увеличительное стекло. И в этом качестве оно имеет имманентные законы, определяемые жанром рассказа как такового: то, что один рассказчик видит как трагедию, другой изобразит по законам сатиры, третий – по законам волшебной сказки, и т.д. Однако в пределах любого жанра повествование не может быть устроено произвольным образом: оно организовано вокруг событий. Но что считать событием? Что вообще позволяет организовать потенциально неограниченное множество разрозненных фактов в связанное повествование, которым должно являться историческое сочинение?

Итак, по Х. Уайту, своеобразие исторической науки определяется, прежде всего, тем, что она строится как повествование, нарратив, из чего следует, что метаязык историка не определяется напрямую его мировоззрением, а зависит от избранного им способа наррации. Х. Уайт попытался использовать понятия, которые ранее проходили по ведомству теории литературы и риторики – такие как трагедия или синекдоха, дабы описать с их помощью способы построения нарратива, характерные для крупнейших историков и философов XIX века, а также для некоторых историков века XVIII.

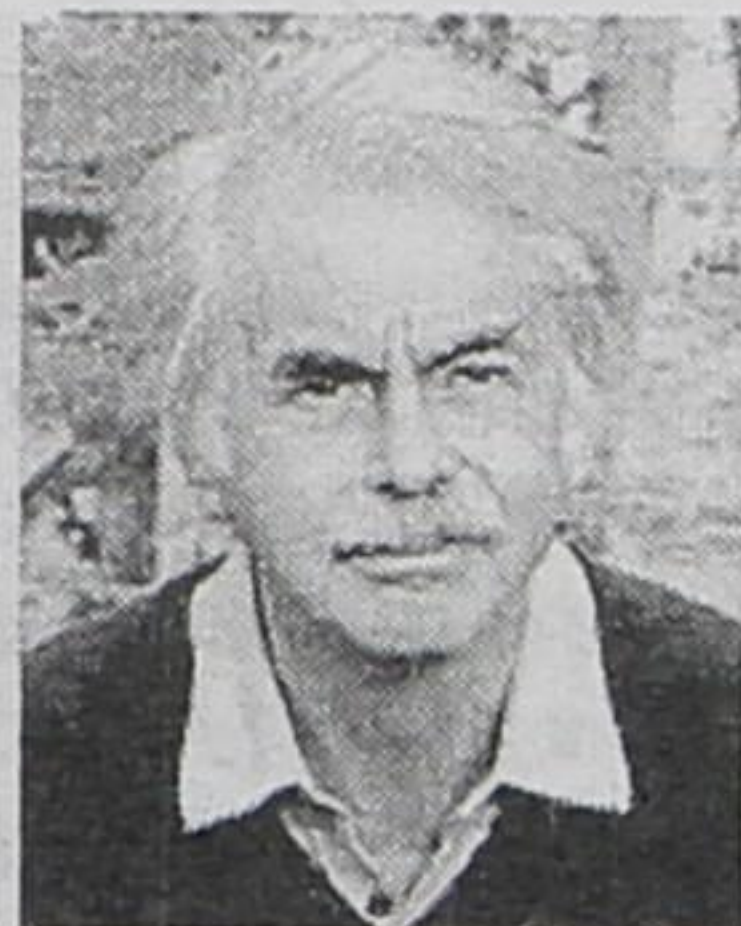
Именно этот подход уже в постструктуралистский период был поднят на щит под названием «лингвистического поворота» и прославил автора. Так «Метаистория» оказалась среди обязательных источников в списках учебной литературы, рекомендуемой, в частности, американским студентам.

Для исторического нарратива сохраняет силу определение Аристотеля, разводящее историю и литературу. Историк и поэт

«различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй - о том, что могло бы случиться».

Более конструктивную критику «нарратива», предлагают сами нарратологи. Ф.-Р. Анкерсмит, автор знаменитой книги «Нарративная логика. Семантический анализ языка историка», в которой подчеркивалась важность исследования нарративных оснований исторического знания, и теперь не отказывается от категории нарратива.

Книга Франклина Рудольфа Анкерсмита «История и тропология: взлет и падение метафоры» представляет собой ценный источник для специалистов в области философско-исторических исследований XX века. Ф.-Р. Анкерсмит - крупный представитель так называемой лингвистической философии истории, сформировавшейся в связи с «лингвистическим поворотом» в философии XX века. Ф.-Р. Анкерсмит объявляет свою работу постмодернистской, по его мнению, философия истории вернулась к тем же содержаниям, из которых и исходила, накопив, однако, по ходу дела весьма солидный культурный капитал.

Франклин Рудольф Анкерсмит - голландский философ и исследователь, профессор интеллектуальной истории и исторической теории в Университете Гронингена. Автор исследований по современной историографии и философии истории. В своих работах уделяет значительное внимание понятиям нарратива, метафоры, репрезентации. В книге «История и тропология: взлет и падение метафоры» (1994) рассматривает развитие философско-исторических исследований XX века через осмысление роли метафоры в историческом письме в контексте понятия.

Во введении Ф.-Р. Анкерсмит подробно останавливается на такой важной для него проблеме, как исторический текст. Именно он есть объект исследования в лингвистической философии истории. По мнению Ф.-Р. Анкерсмита, исторический текст в целом редко являлся, если вообще когда-либо являлся, темой философского исследования. По его мнению, все удачи философии истории, бесспорно, связаны с исследованием именно феномена исторического текста. Здесь же Ф.-Р. Анкерсмит подробно рассказывает о методологии своего исследования истории, акцентируя внимание на аристотелевском подходе к концепции познания.

В своей работе он подробно рассматривает дилемму, стоящую перед современной англосаксонской философией истории: пойти по пути эпистемологической философии, занимающейся поиском критериев истинности и обоснованности исторических описаний, или последовать за нарративистской философией, фокусирующейся на природе

текстуальности. Ф.-Р. Анкерсмит проводит тщательную реконструкцию основных положений нарративистской философии истории (аргументов У.Б. Гэлли, Х. Уайта, Д. Карра и П. Рикёра), благодаря которым она все же осуществила лингвистический поворот в философии истории и заняла прочное место на интеллектуальной арене.

Однако Ф.-Р. Анкерсмит признается, что нарративный подход исключает возможность обращения к историческому опыту как таковому. Ведь нарративный анализ - это исследование только языковых высказываний в отрыве от тех фрагментов реальности, на которые они указывают. Нарративизм не конструирует историческое прошлое, а лишь интерпретирует его. Ф.-Р. Анкерсмит считает справедливым приравнивать создание нарратива к процедуре истолкования. Представление о том, что события, зафиксированные в историографическом письме, свершились в прошлом, является иллюзией. Встроенные в исторический нарратив, они претерпели серьезную трансформацию, и теперь только тщательная интерпретация позволит выяснить, что случилось «на самом деле». Пространство нарратива обязательно предполагает разрыв между хроникой (последовательными предложениями, непосредственно указывающими на события) и всей совокупностью высказываний, наделенных метафорическим значением.

Взамен Ф.-Р. Анкерсмит предлагает сфокусировать внимание на понятии «репрезентация», позволяющем, по его мнению, «ухватить» исторический опыт, из которого соткано прошлое. От нарратива репрезентация отличается тем, что она не требует, чтобы само описываемое прошлое имело смысл. Смыслом наделяется только сам нарратив. Однако при этом уделяется внимание тому, что, собственно, репрезентируется и само по себе смысла еще не имеет. Из этого следует, что словарь репрезентации может объяснить переход от реальности к ее представлению в нарративе, избегая редукции первой ко второй.

Понятие «репрезентация», по мнению Ф.-Р. Анкерсмита, позволит провести демаркационную линию между нарративом и научным знанием. Наука находится ближе к репрезентации, чем к интерпретации, поскольку она также претендует на связь с миром, а не только с языковыми конструкциями. Однако научные теории являются зашифрованными репрезентациями: они формулируют утверждения (гипотезы, выводы, обобщения), отражающие положение дел, которые не были реализованы в мире фактов. Если репрезентация указывает напрямую на объект описания, наука предпочитает выражаться гипотезами.

Ф.-Р. Анкерсмит использует репрезентативную логику также для сопоставления нарративного знания и современного искусства. В них прослеживаются схожие тенденции. В той мере, в какой искусство не

воспринимается более как репрезентация чего-то физического, а представляет интерес само по себе, в постмодернистской историографии нарративные истории сами стали полноценной реальностью, несмотря на отсылки к увиденному. Таким образом, Ф.-Р. Анкерсмит приходит к выводу, что словарь репрезентации эффективнее для изучения эпистемологических проблем истории, чем словарь нарратологии. Он в большей степени способен уловить тонкие различия между типами знания, а также поддерживать связь истории с опытом.

Еще один важнейший опыт критики нарратологии исходит уже не из теории исторического знания, а из социологии. Авторы специального выпуска журнала «Sociological Research Online», в память Чарльза Тилли, критикуют нарративные теории за невнимание к глобальным процессам и масштабным социальным явлениям. Основным аргументом заключается в том, что не стоит сводить концептуальные возможности нарратива к описанию локальных порядков, единичных микрособытий, доступных «невооруженному зрению». Следует расширить исследовательскую перспективу и апробировать нарративный анализ на макроуровне.

Сюжет об использовании личных нарративов в макроисторических исследованиях раскрывается в статье Т. Сакая на примере истории Второй мировой войны. Исторический нарратив, возникающий в рассказах двух жителей поствоенной Северной Ирландии, оказывается сотканным из личных воспоминаний их родителей, дедов и прадедов. Путем анализа автобиографий Сакай убедительно показывает, что именно благодаря нарративным практикам индивид становится историческим субъектом. Иными словами, нарратив открывает перед человеком горизонты истории. Но, несмотря на красочность иллюстраций и кажущуюся достоверность выводов, представленных авторами сборника, остается опасность, о которой предостерегает исследователей Ф.-Р. Анкерсмит, - чрезмерное увлечение метафорическими конструкциями нарративов в ущерб реальным событиям, свершившимся в недавнем и далеком прошлом.

Опираясь на вышесказанное, следует понять, на что опираются и по каким правилам историки рассказывают историю. Понятие обозначающее данное ей действие звучит как «метаистория» (гр. meta + historia) рассказ о том, что было, что исследовано, узнано) - термин возник по аналогии со словом метафизика. Познание вещей и явлений в их историческом развитии в органической связи с порождающими их условиями. Для отдельных ее представителей метаистория была реальностью, возвышающаяся над историей, то для других метаистория пребывала за историей, и включала в себя не только восходящий, но и нисходящий мир.

Вопросы для обсуждения:

1 Провести анализ автобиографического нарратива.

Стратегия проведения биографического нарративного интервью и его анализ:

- формальный анализ текста: заключается в удалении из первоначального текста всех ненарративных пассажей и фрагментов и разбивке очищенного текста на формально последовательные части. Под формальными частями подразумеваются куски цельного рассказа, в которых говорится о событиях, имевших свое начало, длившихся некоторое время и завершившихся;

- содержательное структурное описание самостоятельных, не пересекающихся во времени этапов жизненного пути: выделяются высшие точки ситуаций, коллизий, драматические поворотные пункты или постепенные изменения. Результатом структурного описания являются суждения по поводу отдельных биографических этапов;

- аналитическая абстракция: результаты структурного описания (суждения по поводу отдельных этапов жизненного пути) отделяются от специфики и конкретики этих этапов, и на основании сравнения таких абстрагированных суждений вырабатывается общая для отдельной биографии "формула", в которой выражена доминирующая структура биографических процессов и жизненного опыта;

- анализ знаний: к анализу привлекаются прежде отсеченные ненарративные фрагменты, содержащиеся как в самом повествовании, так и в заключительной "теоретической" фазе интервью. Эксплицируются и систематически анализируются выполняемые ими функции: ориентации, оправдания, вытеснения и т.д. Не зная событийного ряда, было бы невозможно определить значение, которое имеют те или иные высказывания, являющиеся продуктом "теоретической" деятельности индивида. Все четыре упомянутые выше этапа анализа осуществляются внутри каждой отдельной биографии. Только с пятого шага интерпретации начинается сравнительный анализ различных биографий;

- сравнительный анализ с использованием стратегий минимального и максимального контраста. Согласно первой у разных индивидов, прежде всего, выделяются совпадения, сходства и соответствия структур биографических процессов. Стратегия максимального контраста нацелена на поиск тех общих характеристик, которые объединяют на очень абстрактном и чисто формальном уровне различные по содержанию биографические эпизоды. Реализация последней стратегии приводит к образованию (или расширению) системы категорий, описывающих базовые характеристики биографических процессов и структур. К числу этих категорий относятся, например: биографический проект, биографическая траектория, трансформация биографической траектории, биографический потенциал и пр.;

- построение теоретической модели: она дает ответ на главный вопрос исследований, например о том, какие наиболее типичные биографические процессы характерны для людей одного возраста, ряда исторических событий, одного социального статуса или противоположного, пр.

Лекция 4. Мишель Фуко и теоретический структурализм

Цель лекции: анализ теории Мишеля Фуко в разрезе исторических исследований.

1 Теория «знания-власти» М. Фуко.

2 Структурализм М. Фуко (от «Знания» к «Археологии знания»).

Литература:

- Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - 308 с.
- Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. - Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. - 352 с.
- Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости Белгородского университета. - Выпуск № 4 (44). - Том 3. - 2008.
- Леви-Стросс К. Первобытное мышление. - Пер. с фр. - М., 1994. - 383 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. - Пер. с фр. - М., 1983. - 536 с.
- Макаров М. Основы теории дискурса. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. - 280 с.
- Розин В.М., Типы и дискурсы научного мышления. - Москва: URSS: Либроком, 2012. - 246 с.
- Серио П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. - М.: Прогресс, 1999. - С. 12-53.
- Фуко М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб., 1994. - 406 с.
- Фуко М. Антропологический круг. История безумия в классическую эпоху. - СПб.: Университетская книга, 1997. - 576 с.
- Фуко М. Говорящий пол (Сексуальность в системе микрофизики власти) // Современная философия. - Харьков, 1995. - № 1. - С.35-43.
- Фуко М. Использование удовольствий. Введение // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. - М.: Касталь, 1996. - 250 с.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху СПб.: Университетская книга, 1997. - 573 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999. - 478 с.
- Фуко М. Археология знания. - М., 2006. - 416 с.
- Шуталева Л. Социосемиотика М.Фуко: феноменальный горизонт конструирования дискурсивного пространства социо-политической реальности // Дискурс-Пи. - 2015. - Т.12. - № 18(1). - С. 80-89.

М. Фуко был автором многочисленных философских трактатов, статей, критических очерков. Его богатое творчество вызвало (и вызывает) вопросы, дискуссии, критику, и произвело, в свою очередь, новый дискурс. Французский философ в своих работах заставил читателя осмысливать «слова и вещи» иначе, чем прежде. Он предложил, по сути, новую трактовку европейской истории и истории социальных институтов и знания. М. Фуко перевернул привычные представления и условности. Он исследовал тайну власти и порядок существования современного дисциплинарного общества. Влияние идей М. Фуко можно проследить в философии, социологии, поэтике, теории литературы и других дисциплинах современного социального и гуманитарного знания. Целая

плеяда известных западных интеллектуалов (Роберт Кастел, Стенли Коэн, Жак Донзело, Ян Хаккинг, Пол Рабинов и др.) работают в традициях, предложенных М. Фуко.

Философское наследие М. Фуко актуально тем, что поставило очень серьезные вопросы об истоках, развитии и функционировании современной западной цивилизации. Он размышляет об этом как философ, «рисующий» историю современности. М. Фуко выискивает и обозначает точки пересечения дискурсов, из которых вырастают новые формы знаний и власти.

М. Фуко исследует такие области, которые стали вызывать интерес у профессиональных историков только с появлением и развитием знаменитой французской школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф) изучающей повседневности в средневековом обществе. Как и последователи школы «Анналов», М. Фуко, главным образом, обращал свои исследования не к политической или социальной истории западноевропейского общества, а к второстепенным, с точки зрения классического историка, проблемам. Это изучение безумия, тюрьмы, «рождение» медицинской клиники или гуманитарного образования.

В своих работах М. Фуко часто использовал забытые или маргинальные источники. Например, тексты медицинских трактатов или архивные письма, расписание тюремного дня или старые педагогические рекомендации и т.д. «Именно в этой исторической навозной куче роется М. Фуко, охотясь за основами нашего сознания среди руин старых моделей мышления и форм познания, социальной практики, властных отношений и социальных институтов». Но М. Фуко исследует эти явления не как историк, точнее, не как обычно это делают историки, а как философ.

Изучение проблемы дискурса также актуально для современного социального и гуманитарного знания. Нет научной дисциплины, где исследователи не занимались бы проблемой генезиса, функционирования, детерминации дискурса. М. Фуко построил оригинальную, хотя не бесспорную концепцию существования дискурсов и их влияния на развитие западноевропейской цивилизации XVII-XX вв.

Большое внимание в своих работах М. Фуко уделял развитию социального и гуманитарного знания и изучению образовательных практик. Эти сюжеты вызваны интересом М. Фуко к истории гуманитарных и социальных наук, как возможности обосновать теорию проникновения власти во все сферы общества.

Тема знания была поставлена М. Фуко еще в работе «История безумия в классическую эпоху», когда он показал, как наше представление о безумии претерпевало резкие, но в то же время

абсолютно случайные изменения, которые не были вызваны логикой развития или острой необходимостью. Отмечая, что эти изменения в структуре знания также сопровождались значительными изменениями в структуре силы, он пишет, что появление любой новой системы знания всегда связано с изменением силы.

Мишель Фуко сначала был ближе всего к структурализму, но затем, со второй половины 60-х гг. XX века, перешел на позиции постструктурализма и постмодернизма. В своих исследованиях он опирается главным образом на Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Основные его работы посвящены изучению европейской науки и культуры, а также некоторых отдельных социальных явлений и институтов - медицины, безумия, психиатрии, власти, сексуальности. М. Фуко является одним из немногих современных философов, чей успех и влияние сравнимы с успехом и влиянием экзистенциализма Ж.П. Сартра в послевоенные годы.

В свой структуралистский период М. Фуко разрабатывает оригинальную концепцию европейской науки и культуры, основу которой составляет археология знания, а ее ядром выступает проблематика знания-языка. Все известные теории науки и культуры М. Фуко относит к доксологии*, которая, по его мнению, исходит из наличия единой и линейной истории вообще и культуры в частности, а происходящие в ней изменения объясняет через борьбу мнений, прогресс разума, практические потребности и т.д.

В дальнейшем М. Фуко обостряет проблему знания и в работе «Слова и вещи: М. Фуко отмечает необходимость разграничивать «археологию», реконструирующую такие структуры, и традиционное историческое знание, фиксирующее различные «мнения» вне проблемы условий их возможности. «Археология гуманитарных наук» рассматривает вопрос знания в ракурсе археологии гуманитарных наук. В концепции М. Фуко, изложенной в книге «Слова и вещи» (1966), европейская культура распадается на несколько эпох, которые лишь соприкасаются в пространстве и времени, но лишены какого-либо единства и непрерывности. В противоположность традиционному историзму и эволюционизму он выдвигает понятие «историчность», согласно которому каждая эпоха имеет свою историю, которая сразу и неожиданно «открывается» в ее начале и так же сразу и неожиданно «закрывается» в ее конце. Новая эпоха ничем не обязана предыдущей и ничего не передает последующей. Историю характеризует «радикальная прерывность».

* Славословие, благословение.

Вместо доксологии М.Фуко предлагает археологию, предметом которой должен стать тот «архаический уровень, который делает возможным познание и способ бытия того, что надлежит познать». Этот глубинный, фундаментальный уровень М. Фуко обозначает словом «эпистема», используя также термины «историческое априори», «пространство знания», «эпистемологическая диспозиция» и др. Эпистемы - это неосознанные структуры (конфигурации) знания, по сути статичные, элементы которых синхронны друг с другом. Они находятся в сфере бессознательного и остаются не доступными для тех, мышление которых они определяют. Эпистемы никак не связаны и не зависят от субъекта. Эти системы обособлены друг от друга и не имеют между собой никакой внутренней связи. История - чистая игра структур. (Это от структурализма). Эпистема иррациональна, она покоится на глубинных жизненных отношениях, практиках и фундаментальных представлениях.

По М. Фуко, с XVI века по наше время сменилось три таких структуры: Возрождение, основанное на сходстве, на вере в совпадение слов и вещей - стоимость монеты определяется дороговизной золота или серебра; классицизма (XVII век), основанная на классификации и порядке, на понятиях, на силе знаков - монете придает стоимость профиль монарха на её реверсе; и современная, с начала XIX века, для которой важна скрытая сущность - цена товара определяется трудом, а не деньгами, на первый план выступает человек, а с ним антропологические науки. М.Фуко возвещает конец этой третьей эпистемы, «смерть человека». «После него останется мир, его порядок и человеческие существа, но не человек». Биология, политэкономия и лингвистика создают всё необходимое для знания и заменяют антропологию. Современная наука должна обходиться без понятия человека, без субъекта. Субъективный фактор в истории - ничто. Всё определяют властные эпистемы, структуры.

Сравнивая различные эпохи европейской культуры, М. Фуко приходит к выводу, что своеобразие лежавших в их основе эпистем обусловлено, прежде всего, теми отношениями, которые устанавливаются между языком, мышлением, знанием и вещами. Эпоха Возрождения, по М. Фуко, покоится на эпистеме сходства и подобия. В этот период язык еще не стал независимой системой знаков. Он как бы рассеян среди природных вещей, переплетается и смешивается с ними. В эпоху классицизма (XVII-XVIII вв.) возникшая новая диспозиция является эпистемой представления. Язык теперь становится «великой автономной системой знаков». Он почти совпадает с самим мышлением и знанием. Поэтому всеобщая грамматика языка дает ключ к пониманию всех других наук и культуры в целом.

Современная эпоха (XIX-XX вв.) опирается на эпистему систем и организаций. С ее началом возникли новые науки (биология, лингвистика, политэкономия), не имеющие ничего общего с ранее существовавшими. Теперь язык становится строгой системой формальных элементов, замыкается на самом себе, развертывая свою собственную историю. Вместе с тем теперь и он становится обычным объектом познания - наряду с жизнью, производством, стоимостью и т.д. Однако данное обстоятельство не уменьшает значение языка для культуры, напротив, его значимость даже возрастает. Он становится вместилищем традиций и склада мышления, обычаев и привычек, духа народа. Главной задачей М. Фуко здесь является рассмотрение того сдвига в истории западного знания, который вызвал к жизни современную форму мышления, являющуюся, прежде всего, мышлением о человеке. При этом ставится вопрос о происхождении вполне конкретной формы мышления, характерной для гуманитарных наук, и философа здесь интересуют онтологические условия рождения гуманитарного познания. Итак, замысел М. Фуко совпадает с особым рода археологическим предприятием, целью которого является наблюдение «упорядочивания вещей», которое разворачивается в глубинном измерении знания. То, что М. Фуко называет знанием, есть исторически подвижная система упорядочивания вещей через их соотнесение со словами.

В последующий период взгляды М. Фуко существенно меняются. В последующих работах вместо термина «эпистема» Мишель Фуко часто использует: «дискурс» и «дискурсивные практики».

Этимологически термин «дискурс» восходит к латинскому «discurrere», что означает «обсуждать», «вести переговоры», и именно в таком значении он активно использовался в науке XVI-XVIII веков. Дискурс становится синонимом аргументированной научной речи, направленной на изучение природы вещей и общества; этот термин интерпретируют как рассудочное, целенаправленное и предметно-ориентированное обсуждение научных проблем. Иными словами, в эпоху Возрождения дискурс предстает как план выражения научного поиска и исследовательского процесса. Дискурс увязывается с правилами, принципами и нормами рациональной деятельности. «Дискурсивным» стало называться такое систематическое, рассудочное, аналитическое мышление, которое последовательно делает познаваемым предмет изучения.

В книге «Археология знания» (1969) и последующих работах М. Фуко исследует понятия «дискурс», «дискурсивная практика» и «дискурсивное событие», которые означают доконцептуальный уровень знания. Он автор определения: «Дискурс - совокупность высказываний в рамках одной формации». С помощью этих и других понятий он разрабатывает

новую методологию для изучения культуры. Он считает, что исходным материалом науки, искусства, литературы и любого другого явления культуры или вида творчества является «популяция событий в пространстве дискурса». Суть дискурсивных событий составляют связи и отношения между высказываниями, означающие совокупность неких объективных правил, образующих «архив», который охватывает и хранит структуры и законы, которые управляют появлением высказываний как единичных событий. М. Фуко неоднократно подчеркивает, что знание, принадлежащее одному дискурсу, может исключать знание, принадлежащее другому дискурсу.

Дискурс как предмет анализа М. Фуко - это механизм, определяющий единство системы знания, это своего рода набор «сцепляющих» инструментов - «сцепляющих», поскольку дискурс возникает там, где есть необходимость и где возникают действия, направленные на создание, закрепление, расширение или же ослабление и разрушение картины мира, сотканной из представлений, знаний, значений, высказываний и т.д.

Практика подобного «сцепления» разнородных элементов воедино обозначается Фуко как дискурсивная практика.

Дискурс по М. Фуко - это также и «рассеивающая система». Для определенной устойчивой группы высказываний не является необходимым ни пространственное расположение, ни нормативное основание (имеется в виду применение определенного нормативного типа акта высказывания или речевого акта), ни общая понятийная структура, ни совокупность общих (допустимых) тем.

Наоборот, как утверждал М. Фуко, в устойчивом поле высказываний обнаруживают себя пространственные смещения и отклонения, нормативные формулировки различных уровней и разнородных функций, структурно различающиеся понятия (зачастую исключаящие друг друга), совмещение несовместимых тем.

Система рассеивания некоторого числа высказываний в пределах функционального поля, характеризующаяся наличием определенных закономерностей объединения различного типа высказываний, понятий и тем, обозначается Мишелю Фуко как «дискурсивная формация». Соответственно, «правилами формирования» М. Фуко определяет те условия, которым подчиняются элементы распределения в дискурсивной формации.

К элементам распределения он относит: объекты, модальности акта высказывания, понятия, темы.

Собственно изучению подобных дискурсивных закономерностей, форм распределения и «островков связности», дискурсивных практик и дискурсивных формаций в масштабе социокультурного поля и был

посвящен дискурс-анализ Фуко. Логика анализа у М. Фуко представлена следующим образом:

- 1) изучение элементов распределения в дискурсивной формации позволяет;
- 2) выявить некоторые правила формирования и специфику дискурсивной практики и, затем;
- 3) определить прагматику постулирования и применения именно этих правил.

Согласно убеждению Мишеля Фуко, любая система может иметь иную структуру, нежели она имеет в данный момент, а сочленение разнородных элементов (объектов, типов высказываний, понятий и тем) всегда рационально и выгодно некоторой внешней социокультурной или социально-политической силе. Более детализировано логика такого анализа была выражена французским исследователем в виде следующих ключевых «шагов» анализа:

- анализ формирования объектов;
- анализ формирования модальностей высказываний;
- анализ формирования понятий;
- анализ формирования тематических стратегий.

В своей совокупности все четыре аспекта анализа позволят исследователю сформулировать представление о закономерностях «сцепления» и «рассеивания» как базовых механизмах дискурсивной практики и дискурсивной формации.

М. Фуко уточняет, что дискурсивные практики не совпадают с конкретными науками и дисциплинами, они скорее «проходят» через них, придавая им единство. К ним он добавляет так называемые недискурсивные практики, хотя их характер и своеобразие остаются не вполне раскрытыми. Он также проводит анализ отношений между наукой, знанием и идеологией, различия, между которыми оказываются несущественными. В целом отношение М. Фуко к науке существенно меняется, оно становится все более скептическим и критическим. Он смотрит на науку через призму постструктурализма и постмодернизма.

М. Фуко последовательно усиливает критическое отношение к науке, выражает сомнение в ее рациональной ценности, отдавая предпочтение «полиморфным» и неопределенным дискурсивным практикам, склоняясь к тому, чтобы «разрушить все то, что до настоящего времени воспринималось под именем науки». Такое отношение к науке, знанию и дискурсу вообще все более усиливается и в работе «Порядок дискурса» (1971). М. Фуко рассматривает дискурс уже как «насилие, которое мы совершаем над вещами».

В ряде работ, посвященных М. Фуко, обращается внимание на то, что в его «политической анатомии» социокультурные феномены

рассматриваются сквозь призму властных отношений, что позволяет увидеть целостность организации общественно-политической жизни.

В 70-е гг. XX века тема «знания-насилия» и «знания-власти» выходит в исследованиях М. Фуко на первый план, а в книге «Надзирать и наказывать» (1975) становится центральной. Свою оригинальную теорию «знания-власти» он противопоставляет всем существующим - и марксистской, и либерально-буржуазным.

Согласно М. Фуко, власть пронизывает все «клеточки» социальной реальности, именно она ставит вопросы и оформляет дискурсы болезни, смерти, сумасшествия, наказания, сексуальности, обретая доступ не только к телу индивида, но к его «душе», оформляя саму плоть человека, оставляя на нем свои метки, тем самым, отводя определенное место в социуме каждому человеку. Социальное пространство рассматривается, прежде всего, как результат реализации властных стратегий, кодификации визуальных и вербальных практик, механизмов обозначения социального бессознательного.

Власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает дисциплинированное тело, дисциплинированного человека, дисциплинированное сознание. Разнообразные средства принуждения, выявляя тех, на кого они воздействуют, проявляют и само место Власти. Власть «закрепляет удовольствие, которое она только что выгнала из его лога. Тем самым она, производя норму, оформляет ее за счет не-нормы, поскольку Власть нуждается в ином по отношению к норме. Власть положительно разрешает проблему сосуществования различных способов жизни и мироинтерпретаций, она допускает существование иного - и в этом смысле она толерантна.

Власть в концепции М. Фуко перестает быть «собственностью» того или иного класса, которую можно «захватить» или «передать». Она не локализуется в одной только надстройке, в государственном аппарате, но распространяется по всему «социальному полю», пронизывает все общество, охватывая как угнетаемых, так и угнетающих. Власть осуществляет репрессивную и идеологическую функции, но не исчерпывается ими, а составляет нечто большее: «власть производит, она производит реальность». До того, как что-то подавлять, она сначала это производит. Чтобы бороться с преступностью, полиция сначала ее создает.

Переставая быть институционально локализованной, власть становится анонимной, неопределенной и неуловимой: «Власть повсюду, но не потому, что она охватывает все, а потому, что проистекает отовсюду». Она рассеивается на бесчисленное множество «очагов» и «колесиков», система которых образует «диаграмму механизма власти», напоминающую некую весьма тонкую и гибкую сетку. Власть

представляет собой некую «абстрактную машину», похожую на вечный двигатель, работа которого не нуждается в помощи со стороны человека. Будучи механизмом или машиной, власть относится к компетенции не столько политологии, сколько физики и механики, становясь предметом особой дисциплины – «микрофизики власти».

Наиболее глубокую связь власть имеет со знанием. Развивая известную идею Ницше о неотделимости «воли к власти» от «воли к знанию», М. Фуко усиливает ее и доводит до крайности, рассматривает в духе своеобразного «панкратизма» (всевластия). Никакое знание, отмечает он, не формализуется без системы коммуникаций, которая сама по себе уже есть форма власти. Никакая власть не осуществляется без добывания, присвоения, распределения и сокрытия знания. «Нет отношения власти без коррелятивного образования поля знания, как нет знания, которое в то же время не предполагает и не образует отношения власти». Нет науки, с одной стороны, и государства - с другой, но есть фундаментальные формы «знания-власти», которые, меняясь, проходят через всю историю европейской цивилизации. Отношения между знанием и властью выражает формула: «Власть устанавливает знание, которое, в свою очередь, выступает гарантом власти». Определяющим фактором в истории отношений между знанием и властью является власть: «Другая власть - другое знание».

В свете своей «микрофизики власти» М. Фуко весьма критически воспринимает западную цивилизацию, называя ее «инквизиторской», а общество – «дисциплинарным»: «Мы принадлежим к инквизиторской цивилизации, которая в течение веков... практикует получение, передачу и накопление знания». Близость знания и власти проявляется в сходстве научного наблюдения и политического надзора. Отсюда основные функции власти - надзирать, наблюдать, контролировать и т.д., которые находят наиболее полное воплощение в институте тюрьмы. Однако тюрьма выступает всего лишь «чистой формой карцерной системы», которая простирается гораздо дальше и охватывает все общество.

Власть предстает как политическая экономия, формирующая решетку наблюдения – наблюдения за всеми состояниями индивида, она же и предписывает ему правильные действия и места нахождения.

М. Фуко отмечает, что при этом Власть функционирует как призывной механизм, притягивая и извлекая те странности, за которыми неустанно следит. Власть преследует удовольствие, но удовольствие распространяется на преследующую его Власть.

Власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает дисциплинированное тело, дисциплинированного человека, дисциплинированное сознание. Разнообразные средства принуждения, выявляя тех, на кого они воздействуют, проявляют и само место Власти.

Адекватную модель дисциплинарного общества М. Фуко усматривает в паноптикуме И. Бентама, устроенном таким образом, что в центре его находится круглая смотровая башня, вокруг нее расположено здание в форме кольца, в камерах которого за стеклянными стенами находятся безумный, больной, солдат, осужденный, рабочий и школьник, за поведением которых наблюдает расположенный в башне и невидимый для них надзиратель. Принцип паноптикума лежит в основе организации всех социальных институтов, и тюрьма является одним из его проявлений. Поэтому нет ничего «удивительного в том, что тюрьма похожа на завод, казарму, больницу, школу, а все они - на тюрьму».

В системе «знание-власть» нет места для человека и гуманизма, критика которого составляет одну из главных тем в работах М. Фуко.

В последних работах – «Использование удовольствий» (1984) и «Забота о себе» (1984) - в круг интересов Фуко входит новая тема: вопросы этики, морали, свободы, образа жизни. Его прежний пессимизм отчасти ослабевает, и он несколько реабилитирует человека - если не как субъекта, то, как индивида. Главные свои надежды М. Фуко возлагает на искусство. Он считает, что спасение человека заключается в его заботе о самом себе, в формировании индивидуальности, в достижении этого через «эстетизацию жизни», через «создание из своей жизни произведения искусства». В этом деле, полагает М. Фуко, многое можно позаимствовать из опыта античной культуры.

Вопросы для обсуждения:

1. Дать анализ социосемиотической теории Мишеля Фуко?
2. В чем выражается амбивалентность истории в концепции М. Фуко?

Лекция 5. Феминистская критика, феминизм и женские исследования

Цель лекции: показать трансформацию исследовательской практики феминизма в гендерную теорию.

- 1 Женские исследования и феминистский дискурс.
- 2 Критика радикального феминизма.

Литература:

- Абубикирова Н., Релентова М. Проблемы распространения идей феминизма. Анализ опыта работы с группами женщин // Феминистская практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции. Сб. под ред. Ю. Жуковой. С.-Петербург, 1996. - С. 90-97.
- Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч.П. - Харьков, 2001. - С. 17-20.
- Брайсон В. Политическая теория феминизма. - М.: Идея-Пресс, 2001. - 304 с.
- Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. - 155 с.
- Латина С.В. Становление и современное состояние гендерной проблематики в западной и российской гуманитаристике // Личность Культура Общество. - Т.13. - Вып. 3 (65-66). - 2011. - С. 225-230
- Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. - СПб.: «Алетейя», 2007. - 496 с.
- Репина Л.П. История женщин и гендерные исследования: от социальной к социокультурной истории // "Новая историческая наука" и социальная история. - М.: ИВИ РАН, 1998. - С. 153-223.
- Сандра Липсиц Бем. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов М.: Российская политическая энциклопедия (РОССШН), 2004. - 336 с.
- Феминизм: перспективы социального знания: сборник. - М.: ИНИОН, 1992. - 242 с.
- Феминизм: проза, мемуары, письма. - М.: Прогресс, 1992. - 474 с.

Возникновение и развитие женских и гендерных исследований: Термин «гендерные исследования» (gender studies) появился в мире не так давно, в 1980-е годы, когда в университетах Западной Европы и Северной Америки были открыты соответствующие факультеты и кафедры. Тогда же в Европе появились ассоциации и научно-исследовательские центры, ведущие разработки гендерной проблематики. Возраст академических курсов женских исследований (women's studies) примерно на десять лет старше. Параллельно было учреждено и несколько академических программ феминистских исследований (feminist studies). В этом разделе мы рассмотрим эволюцию женских и гендерных исследований на Западе, обсудим задачи и особенности их развития.

Эволюция женских и гендерных исследований: Женские исследования как академическая дисциплина уходят корнями в феминизм первой волны, в феминистскую критику традиционной науки и высшего образования, которая стала особенно влиятельной после опубликования в 1949 году книги Симоны де Бовуар «Второй пол».

Однако академическое образование лишь недавно стало характеристикой истории женского движения, во время второй волны феминизма. Ряд курсов по вопросам роли женщин в истории, литературе существовал и ранее, правда, они были разрозненными и единичными, и вплоть до начала 1970-х годов женские исследования не фигурировали под таким именем в университетах и колледжах США. Первая программа женских исследований была открыта в 1969/1970 учебном году в университете Сан-Диего. В тот год в университетах США в целом насчитывалось лишь 17 лекционных курсов о женщинах. Однако к 1980 году число таких дисциплин выросло до 20 тысяч, а количество программ, или специальностей, существующих в рамках традиционных или новых самостоятельных кафедр и факультетов, уже равнялось 350.

Симона де Бовуар (1908-1986) – известная француженка, французская писательница, представительница экзистенциальной философии.

Блестящая выпускница Сорбонны, ставшая одной из первых женщин-преподавателей философии в истории, идеолог феминистского движения. Она придумала феминизм, проговоренный и осмысленный именно женщиной. В науке Симона сразу поставила себя как отчаянного борца с условностями на всех уровнях человеческого бытия. Она боролась с шовинизмом, с богобоязненностью, с бедностью, с буржуазией и капитализмом.

Несмотря на продолжающиеся споры о том, считать ли женские исследования прямым следствием женского движения, а также непрекращающуюся дискуссию о характере связи академического феминизма и феминистской политической практики, факт остается фактом: первые курсы женских исследований в высшей школе были организованы непосредственно под влиянием женских движений 1960-1970-х годов. Теоретический анализ тогда считался важнейшим условием социальных изменений (что, кстати, было характерно для эмпирической американской социологии в целом), а исследование угнетения женщин ассоциировалось с поиском возможностей преодоления неравенства в патриархальных и капиталистических обществах. Тесная связь теории и практики была главным принципом развития данной академической области в США, и тем самым политический характер знания, в том числе феминистского, казался совершенно очевидным и просто необходимым.

Женские исследования возникли в США в конце 1960-х годов одновременно с этническими (Ethnic Studies) и черными (Black Studies) исследованиями в ответ на растущую критику в адрес академии как необходимый шаг с целью пересмотра роли женщины и других маргинализированных групп в обществе. В эти годы женщины Западной Европы и США выступали в феминистском освободительном движении, отстаивая свои гражданские и экономические права. Утверждая, что «личное есть политическое», феминистки начали открыто обсуждать то, о чем раньше говорилось лишь шепотом, например сексуальность, изнасилование, сексуальное насилие в форме инцеста и домашнее насилие. Для феминисток было ясно, что все эти проблемы неразрывно связаны между собой, и чтобы достичь свободы для женщин, необходима борьба по каждому отдельному вопросу.

Академические, социальные и политические цели феминистского освободительного движения развивались бок о бок с освободительными движениями чернокожих, американских индейцев и сексуальных меньшинств, движениями за гражданские, студенческие права и антивоенными выступлениями. Все эти социальные группы, имеющие представителей в академическом сообществе и вне его, убедительно доказывали, что их культурные практики, жизненный опыт и представления о социальном мире очень важны для понимания и развития современного общества. Эти движения, получившие название политик идентичности, способствовали институционализации программ женских и гендерных исследований, программ изучения этничности и сексуальности. Кроме того, деятельность движений привела к увеличению числа женщин и представителей меньшинств в различных академических сферах.

Первая стадия развития женских исследований в США (конец 1960-х - 1970-е годы) характеризовалась усилиями по созданию новой академической области. Изучение женщин изначально появилось в рамках традиционных академических дисциплин (в основном, речь идет о литературе, истории, философии, социологии и психологии). Преподавание многочисленных и разнообразных курсов было начато официальным и неофициальным образом, в различных условиях, часто по настоянию студентов. Первые феминистские требования, предъявляемые к университетам, были связаны с «внесением» женщин в учебные планы, учебники, издательские каталоги. Несправедливо забытые труды женщин были опубликованы и начали использоваться в учебном процессе, а ученые стали связывать темы своих исследований с проблемами женщин и гендера. Многие из новых курсов были включены в учебные планы существующих специальностей: психологии, социологии, философии или истории, - а в нескольких колледжах и

университетах получили развитие самостоятельные программы женских исследований. Преподаватели большей частью были подготовлены в сфере гуманитарных дисциплин: литературы, социологии, психологии и истории. Вскоре стало ясно, что подход «добавить женщину» был недостаточным, поскольку ни одна из традиционных дисциплин не была в состоянии предоставить полноценное понимание жизни женщин. В течение 1970-х годов была осознана необходимость более целенаправленного развития самостоятельных программ женских исследований многими университетскими преподавателями и учеными.

Женские исследования (Women's Studies) стали определяться как университетская программа (факультет, центр, кафедра, специальность), где можно получить знания о мире и людях с разнообразных междисциплинарных и феминистских позиций, а главное — с женской точки зрения. Именно это отличало программы женских исследований от факультетов социологии, психологии, философии, экономики или истории. До недавнего времени как женщины, так и мужчины смотрели на мир с мужской перспективы, поскольку все теории о людях, нашей природе и нашем поведении были созданы учеными-мужчинами. Когда собственный опыт женщин помещается в центр познавательного процесса, это позволяет ставить новые аналитические вопросы, развивать оригинальные теории и вносить существенный вклад в понимание нас самих и нашего мира.

Организация в 1977 году Национальной ассоциации женских исследований способствовала распространению новых программ. Эта ассоциация начала проводить ежегодные конференции, публиковать журнал, проводить мониторинг программ и рассылать информацию по университетам США. Надо отметить, что финансовая поддержка женских исследований в ту пору была очень слабой. Например, в университете Нью-Мехико, где программа начала свое существование с 1972 года, год спустя было выделено 150 долларов, из которых 2/3 было выплачено в качестве гранта аспирантке, работавшей помощником координатора, а 1/3 предназначалась на расходные материалы.

Вторую стадию развития женских исследований можно отсчитывать с начала 1980-х годов. В этот период происходила интеграция женских исследований в высшее образование США, или развитие «гендерно-сбалансированных учебных планов» посредством введения новых знаний о женщинах в традиционные дисциплины. Этот период можно назвать «мэйнстримингом» женских исследований, поскольку усилия были направлены на приведение к общему знаменателю идеологии высшего образования. Этот общенациональный проект был поддержан государственными и частными фондами. Например, фонд Форда спонсировал перестройку образовательных программ (специальностей) в

университете Аризоны. И хотя многие университеты не получили достаточного финансирования, именно во второй фазе своего развития женские исследования были институционализированы. Наиболее богатые программы открыли исследовательские институты и центры, издавали собственные книги и журналы, а некоторые даже приобрели статус отдельных факультетов. В университетах началось широкое обсуждение статуса женщин, явлений дискриминации в публичной сфере и частной жизни, гендерных предрассудков, существующих в социуме, литературе и образовании. Были учреждены журналы в области женских исследований, в том числе *Feminist Studies*, *Women's Studies*, *Signs*, *Quest*, *Sex Roles*, *Women's Studies Newsletter*. Были опубликованы антологии и хрестоматии по женским исследованиям.

Известно, что знание о людях и мире разделено на дисциплины, и некоторые из них имеют давнюю и богатую традицию (например, история и философия). Ряд других - психология, социология, экономика - начали развиваться как самостоятельные направления знания лишь одно или два столетия назад. А есть и совсем новые способы изучения мира или его фрагментов, например генетика, теории коммуникаций или киноведение. Независимо от своего возраста каждая из этих дисциплин обладает относительно самостоятельным способом познания, базируется на некотором наборе исходных положений, явных и неявных установок, выраженных в форме непреложных истин и этических представлений. Эти истины, представления и предпосылки становятся для ученого руководством к действию, причем следующие из них выводы и интерпретации не являются одинаково истинными для женщин и мужчин. Они не всегда соответствуют женскому опыту и могут неверно объяснять женское поведение. Фактически это изучение мира с позиции мужчин.

В свою очередь, женские исследования фокусируются на женском опыте и стоят на таких положениях, которые могут помочь воссоздать женский мир. Поэтому женские исследования - это не только дополнение и исправление традиционных наук; это еще и новая самостоятельная академическая дисциплина, которая требует от других дисциплин пересмотреть их основания и объяснительную логику. В качестве новой дисциплины женские исследования не только ставят под сомнение основные методы и гипотезы традиционных наук, но и представляют свежий и цельный взгляд на мир посредством междисциплинарного анализа. Это позволяет изучить любой вопрос с разных сторон и подвергнуть критике однобокое видение предмета в традиционных дисциплинах, тем самым стимулируя их развитие. Здесь подвергается сомнению сам факт разделения знания на отдельные, изолированные

дисциплины. Женские исследования - это попытка привести фундаментальные изменения в академию посредством научного поиска.

Безусловно, традиционные дисциплины (например, психология, история, антропология) исследуют не только мужчин, но и женщин. Однако если приглядеться, можно увидеть большие пробелы, заблуждения и неточности в научных знаниях. Научный мир только сейчас начинает понимать, как мало известно о половине человеческого рода - женщинах. Что, например, известно, о женщинах в античности и средневековье? Как нам понять и узнать женщин этого периода, если мы полагаемся, лишь на документальные материалы, оставленные мужчинами и о мужском опыте? Долгое время археологи разрабатывали и подтверждали теории о происхождении и развитии человека, расширяя знания об орудиях труда и нормах поведения, ассоциируемых с мужской сферой деятельности - охотой. Однако когда антрополог-феминистка Сэлли Слокам в 1975 году спросила, чем в ту эпоху занимались женщины, то выяснилось, что у нас весьма скудные сведения о женской деятельности в доаграрных обществах. Одной из задач женских исследований является поиск недостающей информации о женщинах прошлого и настоящего: писательницах и художницах, мыслителях и поэтессах, тех, кто обеспечивает питание своей семье, кто занят торговлей и ремеслом, простых и знатных, неизвестных и прославленных. Историки считали, что имеют богатую информацию об эпохе Возрождения до тех пор, пока историк-феминистка Джоан Келли в 1977 году не поставила вопрос: а был ли Ренессанс у женщин? В самом деле, чем занимались европейские женщины этого периода?

По словам Элизабет Повинелли, антропология, как и другие академические дисциплины, первоначально была андроцентричной, с глубоко укорененной ориентацией на мужчин. Например, когда антропологи желали изучать ритуальные верования австралийских аборигенов, они собирали информацию только о мужских ритуальных практиках этой группы, ошибочно признавая их наиболее важными. Иными словами, мужские роли были не только в центре анализа, к ним относились как к образцам, представляющим обычаи, верования и жизненный опыт всей общины. Основной предпосылкой феминистской антропологии выступает идея, согласно которой для того, чтобы понять особенности и возможности социальной жизни людей, необходимы исследования женских ролей, убеждений и практик в обществе.

Каждая дисциплина применяет специфические теории об устройстве мира и особые методы, приспособленные для изучения. Женские исследования - очень молодая отрасль науки, которая только начинает определять свои потребности в специальных знаниях и методах, а когда это необходимо, отстраняется от традиционных подходов. Ряд концепций

и методов был взят женскими исследованиями из других дисциплин, однако при этом они были дополнены женской точкой зрения. Сегодня уже можно говорить о том, что женские исследования не только заимствуют методы и концепции, но и способствуют развитию многих других, в том числе и традиционных, дисциплин. Здесь формулируются новые вопросы и пересматриваются прежние объяснительные модели, появляются новые теории и методы исследования. В свою очередь, женские исследования используют наработки, выводы и открытия других дисциплин, чтобы развивать междисциплинарное знание о женщинах.

Например, для того чтобы исследовать гормональные циклы женщин, требуются знания о воздействии эмоций на биологические функции, а также сведения из экологии и генетики. Если мы хотим понять изменения в практиках воспитания детей в определенных культурно-исторических и социально-экономических контекстах, нам нужны методы и материалы биологии, чтобы узнать о лактации; экономики - об условиях, в которых женщины принимают решения о том, как воспитывать детей; психологии - о том, как женщины воспринимают эти условия; антропологии - о культурных традициях воспитания детей; диетологии - о воздействии различных практик питания на матерей и детей; политологии и юриспруденции - о системе формальной поддержки (или недостатке таковой), важной для принятия решений в связи с воспитанием детей. Возможно, в каждой из названных дисциплин вопросы ставятся несколько иначе, но женские исследования во многом полагаются на развитие этих областей знания, черпая из них средства для ответа на эти вопросы. Впрочем, в женских исследованиях, безусловно, многие вопросы формулируются впервые, ибо традиционные дисциплины таких проблем еще не касались. Аналогичные вопросы затрагивают, помимо женщин, и другие группы людей, о которых обычно наука умалчивала: расовые, этнические, сексуальные меньшинства, инвалиды.

Одна из причин, по которой женщины были «невидимы», имеет отношение к нашему молчанию о самих себе. Женщины обычно исключались из публичного дискурса и ассоциировались с домашней сферой, семьей и «женской работой». Из-за того, что женщин редко обучали грамоте, имеется очень мало документальных источников о жизни наших прапрабабушек. По сравнению с большим числом художников-мужчин, лишь немногие женщины участвовали в создании произведений искусства и архитектуры - того, что традиционно изучается историками. Многие женщины, которые выражали себя в творчестве, делали это посредством музыки, танца, вышивки, ткачества и ковроткачества, плетения, вязания, лоскутного шитья - а ведь все эти формы являются хрупкими, эфемерными и анонимными. Женщины по-прежнему слабо

представлены в мире художественного истэблишмента среди тех, чьи картины висят в музеях, а книги публикуются. Женщины редко играли решающую роль в промышленности или доминантных религиях, продолжая оставаться исключенными из сферы такого лидерства и сегодня.

Для ученых, представляющих женские исследования, прежде всего было важно восполнить пробелы в потоке академических публикаций различных дисциплин в отношении работ, подготовленных женщинами и анализирующими жизнь и достижения женщин. В процессе выполнения этой задачи стало очевидно, что основные понятия, которыми оперируют те или иные академические дисциплины, исключают возможность адекватного выражения женского опыта. Для того, чтобы женщины не были просто «аномальной сноской», а попали в центр внимания науки и социальной практики, следовало внести изменения в те установки и язык, которые структурируют академическое знание.

Отметим, что процессы институционализации женских исследований в 1980-е годы вызвали к жизни дискуссию, которая продолжается и сегодня. Эта дискуссия развернулась вокруг перспективы развития женских исследований как отдельной дисциплины в противовес идее диффузии нового знания среди традиционных дисциплин. Споры вызвал междисциплинарный характер женских исследований, который, казалось, ставил под вопрос самостоятельный статус этой дисциплины и указывал на ее очевидную интеграцию с традиционными отраслями знания. Так появляются специальности «психология женщин», «история женщин» и «женская литература». Вместе с тем вся эта научная деятельность создает основу для формулирования новых теорий и понятий, которые изучают женщин с несексистской перспективы. По этой причине многие уверены, что женские исследования могут претендовать на статус самостоятельной дисциплины, а не просто фигурировать в рамках раздела о женщинах внутри уже существующих дисциплин. Все большее число людей получают степень магистра или доктора в области женских исследований, а также специализируются по одной из субдисциплин внутри самой женской программы. И все же эта самостоятельная дисциплина не остается изолированной в поле взаимодействия традиционных и новых наук. Сегодня растет число тех, кто относит женские исследования именно к междисциплинарному знанию, которое усиливает интеллектуальную власть академических феминисток, позволяет ученым привлекать информацию о женщинах из всех других академических дисциплин и выбирать любые перспективы, информацию и подходы, наиболее применимые к отдельно взятому вопросу. При этом в женских исследованиях могут быть оговорены собственные

концептуальные рамки, которые будут проверять, пересматривать и расширять прежние теории.

Одной из задач развития программ женских исследований в университетах США было женское образование. Образовательные учреждения в недавней истории США слишком во многом ограничивали, а не усиливали позицию женщин. Практики образовательных учреждений часто поощряли девочек и женщин выбирать свою карьеру в традиционно «женских» сферах. Школы и учителя были склонны поощрять покорных и скромных, а не настойчивых и инициативных учениц. В тех аудиториях, куда студенты попадали после школы, женщины также зачастую играли маргинальные роли. Образовательные учреждения отражают гендерную стратификацию общества и культуры в целом, демонстрируя на своем примере неравный статус женщин и мужчин.

Атмосфера на курсах женских исследований отличалась от той, которая царил в большинстве школьных или академических аудиторий. Образовательная программа по женским исследованиям возникла как академическая дисциплина именно из-за того, что женщины ставили вопросы о своем собственном опыте, и это до сих пор остается центральным звеном образования. Преподаватели женских исследований обычно стимулируют студентов не только задавать вопросы по пройденному материалу, но и обсуждать собственный жизненный опыт. Ценности феминизма, включая критику всех форм доминирования, акцент на сотрудничестве и стремление к интеграции теории и практики, оформили подход к преподаванию, называемый феминистской педагогией, которая превращает аудиторию в интерактивную обучающую среду, интеллектуально и эмоционально вовлекающую всех студентов.

Третья стадия развития женских исследований относится к середине 1980-х годов и связана с продолжением реструктуризации учебных программ в направлении включения опыта меньшинств, большей толерантности, чувствительности к различиям учащихся. Еще в 1970-х и особенно в 1980-х годах академические программы женских исследований подвергались критике со стороны многих авторов, в частности женщин, представляющих этнические, расовые и сексуальные меньшинства. Чернокожие женщины выдвигали вполне обоснованные требования включить в концептуализацию женственности расовые, этнические и классовые различия. В некоторых университетах были открыты специализации по «черным» женским исследованиям, которые теснее всего были связаны с программами афро-американских исследований. В 1983 году был учрежден новый журнал SAGE: A Scholarly Journal on Black Women. Женские исследования подверглись также критике за гетеросексизм, исключение гей-опыта.

В тот период учреждаются новые журналы, финансируются проекты и сетевые программы для «цветных» женщин в высшей школе, проводятся конференции, семинары и летние школы. В результате этого развития произошли серьезные трансформации феминистской мысли, которая теперь отрицала эссенциализм, характерный для определения категории «женщина», и концептуализировала множественные идентичности женщин, подразумевающие, но не сводимые к категориям расы, этничности, экономического и профессионального статуса, работы, возраста, сексуальной ориентации, религии, национального происхождения и культуры. Кстати, подобные изменения коснулись и традиционных дисциплин. Вместе с тем надо отметить, что в 1996 году доля белых женщин среди администраторов программ женских исследований составила 93%. И все же в 1980-х годах среди тех, кто выдвигал критические аргументы в адрес женских исследований, стали более отчетливо слышны голоса латиноамериканских, азиатско-американских женщин и представительниц коренного населения Америки.

Начиная с этого периода феминизм продолжает развивать все более мультикультурную перспективу, учитывая опыт женщин всех рас, этнических групп, социальных слоев и сексуальных ориентаций. «Черный феминизм» (black feminism), например, рассматривает особое положение афро-американских женщин в американском обществе. Элис Уокер принадлежит красноречивая мысль о том, что черный феминизм, или вуманизм, основывается на исторической силе черных женщин в их семьях и общинах и богатой афро-американской традиции сопротивления и выживания. Черные феминистки сделали также упор на понятии «множественного сознания»: речь идет о том, что в жизни цветных женщин США взаимодействуют одновременно различные системы расизма, сексизма и расового угнетения. Эти исследователи представили афроцентристскую перспективу в истории женщин взамен евроцентристской, что позволило оценить те властные роли, которые играют женщины в африканских обществах. Еврейские феминистки обратились к традиции еврейского женского сопротивления, проанализировали культурный смысл расистских и сексистских оскорбительных стереотипов, раскрыли смысл антисемитизма для еврейских женщин и важность связей между разными группами угнетенных людей, поставив вопросы: «если не я за себя, то кто?» и «если я только за себя, то что я такое?». Обсуждая эту мысль, Мелони Кей Кантровиц отметила, что «самое лучшее в людях - это устойчивая зависимость между уважением себя и уважением другого».

Азиатско-американские и латиноамериканские феминистки отметили напряженные отношения между американской и эмигрантскими

культурами, а также выявили общие потребности женщин упрочить их культурное наследие, но отвергнуть содержащийся там сексизм. Традиционная японская культура, например, требует покорности и послушания от женщин, которые должны ставить честь семьи выше собственных потребностей. Азиатско-американские феминистки выступают против мифов об азиатской женской сексуальности, мифов, появившихся из взаимной игры западных стереотипов о восточных женщинах с ожиданиями от женщин в азиатских культурах. Латиноамериканские феминистки показали в своих работах, как важно порой достигать компромисса между требованиями латиноамериканских общин и женского самоопределения. Феминизм для латиноамериканок и женщин других расовых групп означает работу вместе с мужчинами над решением их общих проблем, связанных с социальным неравенством, а также направленную на изменение сексистских или мачистских установок внутри общины. Феминистки, представляющие коренное население Америки, вносят в современные женские исследования многие традиционные ценности и практики коренных американских культур, в центре которых находится женщина. История коренных женщин Америки и то, как они видят единение с землей, ощущают ответственность по отношению к окружающей среде, являются важными вопросами для многих сегодняшних феминисток США.

Итак, на третьей стадии развития женские исследования в США поднялись на качественно новый уровень. Ученые стали обращать внимание на разнообразие женщин в аспектах расы, этничности, класса, религии, национальности, сексуальной ориентации, возраста, инвалидности. Подобные моменты учитывались и в образовательных программах, кроме того, во многих университетах факультеты женских исследований стали тесно сотрудничать с факультетами этнических исследований и мультикультурализма. Это способствовало тому, что академический мир становился не только более терпимым, но и более внимательным, заинтересованным в отношении многообразия и особенностей людей. Мерсели Дженкинс разработала советы для преподавателей, которые желают создать атмосферу толерантности и равноправия на своих занятиях. Вы можете проверить себя, воспользовавшись ее предложением, и расширить этот список, включив в него вопросы относительно инвалидов, мигрантов, этнически или культурно чужих для большинства аудитории.

Идеи и проблемы разных групп женщин расширяют границы феминизма, способствуя развитию теории мультикультурализма и практики освобождения всех людей. Вместе с тем необходимо осознавать, что все исследователи являются выходцами из разнообразных культур и социальных классов. Женщины-участницы

движений и исследователи представляют разные расы, этнические группы, профессиональные интересы и возрастные группы, они привносят различные интересы и представления, что иногда затрудняет взаимопонимание и препятствует консенсусу. Женщины разделены не только расой и классом, но также возрастом и сексуальной ориентацией.

Отличительная черта женских исследований - это развитие коллективных способов действия. Хотя женщины-ученые, медики, художники и многие другие работают в одиночку, они часто объединяют свои ресурсы (знания, навыки и энергию) для коллективной работы, результат которой делает акцент не на индивидуальных усилиях, а на совокупном усилии группы. Во-первых, коллективное действие представляет взаимную поддержку в трудном начинании. Во-вторых, многие проблемы требуют экспертизы не одного человека, а специалистов разного профиля или опыта.

Четвертая стадия развития женских исследований началась в 1990-х годах и была связана с развитием глобальной инфраструктуры и повышением внимания к международным проблемам женщин. Распространение образовательных программ и исследовательских проектов по проблемам женщин и гендера в странах Западной Европы, Африки, Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки привело к интенсивному обмену информацией, опытом и ресурсами между учеными и преподавателями. Были основаны регулярные международные летние институты, конференции и конгрессы, проводимые при поддержке многочисленных женских организаций. Образовательные программы приобретали международную, глобальную ориентацию, в частности, в связи с растущим числом публикаций, вышедших в постколониальных государствах и странах третьего мира. Эти программы делают акцент на вопросах политики, социально-экономического развития, проблемах милитаризма, репродуктивных прав, беженцев, работы и семьи.

За последние тридцать лет были опубликованы тысячи книг и статей, оспаривавших старые предрассудки и осваивавших новое интеллектуальное пространство. Иногда можно услышать мнение о том, что в конце 1990-х годов рынок труда в академической среде, например в американских университетах, оказался заполненным, отмечается не востребованность выпускников, получивших степень PhD, в том числе в области женских исследований. Женские исследования начинают рассматриваться не как образовательный капитал для карьеры университетского преподавателя, а как источник дополнительной экспертизы в отношении активизма и деятельности правительства. Совершенно очевидно, что люди с такой подготовкой вносят существенный вклад в строительство демократии и социальное развитие. В связи с этим сегодня говорят о том, что, возможно, предложение будет

определять спрос, иными словами, рост числа подготовленных специалистов в области женских исследований будет способствовать социальному заказу на них. Например, сегодня некоторые специалисты с учеными степенями по женским исследованиям заняты в программах гражданского образования в средних школах и общинах. Благодаря такому влиянию в обществе распространяется феминистское знание, в преподавательскую практику внедряется опыт педагогики свободы, а задача гражданского образования переформулируется от натурализации иммигрантов к формированию опыта гражданственности. Речь идет об опыте индивидуальной и коллективной ответственности, социального участия, толерантности и равноправия. Вот почему в обществе растет спрос на таких экспертов, учителей и художников, которые могут способствовать дальнейшему строительству демократии.

В 1980-1990-х годах появляются программы женских и гендерных исследований в Европе: открываются новые отделения, ряд факультетов и центров переименовываются либо прибавляют еще один компонент к своему прежнему имени. Магистратура междисциплинарных женских исследований университета Уорика (Великобритания) в 1993 году реорганизуется в Центр исследований женщин и гендера со следующими основными задачами: обеспечить критическую перспективу дискуссии по женщинам и гендеру, осмыслить разнообразие феминистских подходов и важность категории «различия» в современных феминистских исследованиях; развить знание о разнообразии исследовательских методологий в женских исследованиях; способствовать осознанию философских и этических вопросов, возникающих в исследовательской ситуации; осмыслить смещение акцента в феминистской теории и методологии в направлении философии, осуществлять феминистскую критику биологии и культурных исследований.

В тот же период открываются новые самостоятельные кафедры и программы, учреждаются исследовательские ассоциации, в названии которых присутствует термин «гендер».

Особенности университетских программ женских и гендерных исследований: Проблема различий между гендерными и женскими исследованиями в первую очередь связана с эволюцией академического феминизма и политической практики. Кроме того, существенную роль играют различия национально-политического контекста США и Европы. Так, есть мнение, что только университеты Северной Европы поддерживают женские исследования в статусе самостоятельных факультетов, причем только те исследовательские центры могут позволить себе название «феминистские», которые не связаны со студенческими образовательными программами.

В большинстве других случаев женские исследования интегрированы в другие факультеты и дисциплины, например американистики, особенно в странах Южной и Восточной Европы. Поскольку традиции феминизма в американской истории весьма сильны, таким образом, снимается необходимость особых аргументов в пользу функционирования программ женских исследований на кафедрах американистики; парадокс же заключается в том, что при таком сценарии эти курсы перестают отражать собственные специфические феминистские традиции, инициативы или практики.

Гендерные исследования несколько отличаются от женских исследований выбором объекта и предмета. По словам Н.Л. Пушкаревой, в отличие от «женской истории», история гендерная (или гендерный подход к истории) избирает своим предметом именно диалог полов, причем «не обязательно в ракурсе их иерархии, стратификации, но именно в плане реконструкции исторической эволюции различных форм их взаимодействия и взаимодополнения. Ведь не случайно гендерной историей (в отличие от «истории женской») заинтересовались наиболее блистательные философы современности, в том числе Ж. Лакан, Ж. Деррида и его последовательницы, сторонники постмодернистского теоретического феминизма Ю. Кристева и Л. Иригарэй». Очевидно, развитие женских исследований шло и продолжается в направлении мультикультурализма, что позволяет выйти за пределы дисциплинарных ограничений. Для того чтобы осуществился реальный диалог культур, чтобы преодолеть классовые противоречия и гендерное неравенство, следовало признать существующий в академической среде дисбаланс и преодолеть тематическую гомогенность (однородность), которая на практике реализуется в эпистемологические империализм и гегемонию.

С одной стороны, под маркой гендерных исследований работать стало просто удобнее, поскольку только так можно было включить мужчин в качестве субъекта и объекта научной деятельности. Несмотря на то, что традиционная наука представляла мужскую точку зрения, эта перспектива была достаточно узкой, так как не учитывала многообразие опыта реальных мужчин. По словам Терезы де Лауретис, «Women's Studies жестко идентифицировались с феминизмом и вскоре стали выглядеть как своего рода «гетто»... Кроме того, появился дух идеологической и интеллектуальной замкнутости». Иными словами, стал оформляться некоторый канон, корпус текстов, определяющих «правильный» подход к изучению женщин: «Поскольку Women's Studies вошли в «мэйнстрим», они получили статус легитимности, но по той же причине их границы оказались на замке, и на их территорию был закрыт доступ тем текстам или подходам, которые воспринимались как «оскорбительные для женщин... Два решения были найдены теми, кому

по разным причинам не понравилась такая институционализация Women's Studies. Одно решение - для феминисток, не желающих надевать пояс интеллектуального целомудрия, - заключалось в интегрировании феминистских критических подходов в свои специальные или общие учебные курсы.

Другое решение, принятое теми, для кого феминизм представлял определенное препятствие или вызывал нежелательные ассоциации, было дистанцироваться от женской тематики в литературе, социуме, истории и т.д., уделяя вместо этого внимание отношениям женщин и мужчин в более абстрактном, социологическом контексте - например, исследуя конструкцию маскулинности или маскулиностей, гендерообразующие шаблоны взросления или альтернативные модели гендера...». Все это и послужило причиной возникновения гендерных исследований, которые в США представляются «весьма спорной дискурсивной территорией», которая разрастается под двойным давлением издательской индустрии и академической «звездной системы» бестселлеров в академическом и интеллектуалистском сообществах».

Современные феминистские исследователи, среди которых как женщины, так и мужчины, отвергают приписывание социальных ролей, которые якобы соответствуют качествам мужчины или женщины: «Мы отрицаем те оценки, которые фиксируют предустановленные «маскулинные» качества, например агрессию, и отвергаем предустановленные «феминные» качества, например сочувствие. Любое качество может проявиться у любого человека и должно быть оценено само по себе, а не в терминах пола того человека, в котором оно проявилось».

В самом деле, гендерные исследования кажутся более привлекательными по причине своей толерантности: здесь допускаются исследования мужчин, а не только женщин. Однако тут же возникает опасение, что женщины и их проблемы могут быть вытеснены за пределы гендерных исследований, если, например, не обращать внимания на вопросы гендерного неравенства, а лишь углубляться в исследования мужского опыта. В этом случае гендерным исследованиям можно предъявить обвинение в том, что они используются как маска, «для нормализации феминизма, для того, чтобы лишить феминизм его воинствующего голоса». Один из упреков феминистской критики в адрес гендерных исследований состоит в том, что возникновение такого рода академических программ никак не соотносится с практикой общественного движения: есть движения женщин, этнических и сексуальных меньшинств, но нет «гендерных» движений.

Рози Брайдотти, отвечая в интервью на вопросы Джудит Батлер об институциональных и теоретических различиях между европейскими гендерными и женскими исследованиями в настоящее время, приводит целый ряд критических аргументов в адрес понятия «гендер», которое сегодня кажется ей теоретически неадекватным и политически аморфным. Более продуктивным понятием, с ее точки зрения, выступает половое, или сексуальное, различие, поскольку, во-первых, понятие «гендер» имеет сугубо английское происхождение, а значит, культурную специфику и непереводаемость. По мнению Брайдотти, акцент на понятии «гендер» предполагает, что «мужчины и женщины построены симметрично. Но при таком подходе остается в стороне феминистский тезис о мужском доминировании. В нашей системе маскулинное и феминное находятся в структурно несимметричном положении...».

Photo: Linda Lopez McAlister

Рози Брайдотти (родилась в 1954 году) – итальянский философ и гендерный теоретик. Центральным концептом ее позднего творчества является «номада» – идеальный образ женщины, которая не зависит от территориальных, культурных, социальных, политических и экономических границ. У Брайдотти есть ряд книг и статей, посвященных этой тематике, наиболее известной ее работой является на данный момент не переведенная на русский язык трилогия Transpositions: On Nomadic Ethics 2006-ого года (перевод названия «Транспозиции: Номадическая этика»).

Основной аргумент, который соответствует современному состоянию женских и гендерных исследований, таков: нам нет смысла противопоставлять себя друг другу, особенно там, где мало ресурсов и так много предстоит сделать, а кроме того, сейчас уже трудно провести грань между этими двумя направлениями, ибо сегодня сосуществуют многочисленные и разнообразные варианты программ и исследовательских коллективов, включая те, которые работают в области изучения сексуальности, расы и этничности, инвалидности, старения, образования и занятости, профессий и культурных репрезентаций: литературной и кинокритики, анализа масс-медиа и медицинского дискурса.

Женские исследования получили развитие в силу недостаточного присутствия женщин во власти, дискриминации на работе и в правовой системе, незащитности перед доминированием мужчин в разных сферах семейной и профессиональной жизни. Вслед за активизмом выступили исследователи, которые отразили освободительный пафос феминистского движения в академическом дискурсе.

Феминистская антропология: Основной предпосылкой феминистской антропологии выступает идея, согласно которой исследование женских ролей, убеждений и практик в обществе является необходимым, чтобы понять особенности и возможности социальной жизни людей. Хотя феминистская антропология в основном фокусируется на женщинах и женских социальных ролях, целью выступает улучшение понимания общества в целом. Большинство феминистских антропологов уверены, что открытия, сделанные ими в западном или *не-западном* контекстах, должны использоваться для улучшения жизни людей во всем мире.

Бронислав Малиновский (1884-1948) английский антрополог польского происхождения, один из пионеров «функционализма». «Научная теория культуры» изменила взгляд на природу культуры, увидела в ней не просто совокупность составляющих ее элементов, а систему, соответствующую фундаментальным потребностям человека.

Новая точка зрения породила новое направление, для которого главными стали вопросы "зачем, почему, для чего существует?" или «какова функция?» того или иного явления культуры. Функционализм Б. Малиновского благодаря своей четкой и понятной позиции стал, пожалуй, самым плодотворным направлением в антропологии XX века.

Основные направления феминистской антропологии: антропология, как и другие академические дисциплины, первоначально была андроцентричной, с глубоко укорененной ориентацией на мужчин. Наряду с тем, что важность роли женщин в жизни общества и каждого человека признавалась, в качестве обобщенной точки зрения на социальную группу антропологи скорее представляли именно мужскую позицию. Например, когда антропологи желали изучать ритуальные верования австралийских аборигенов, они собирали информацию только о мужских ритуальных практиках этой группы, ошибочно признавая их наиболее социологически важными. Б. Малиновскому принадлежит выражение: «Антропология - это изучение человека (*man*), включая женщину». Мужские роли были не только в центре анализа, к ним также относились как к образцам, представляющим верования и жизненный опыт всей общины.

Феминистская антропология и более широкое поле современных гендерных исследований возникли в конце 60-х - начале 70-х годов XX века, во время так называемой второй волны феминизма. Ранние работы феминистских антропологов вскрыли недостатки указанных предпосылок, продемонстрировав насколько важно для

антропологического исследования уделять внимание женщинам, их социальным и культурным ролям. Эти работы относились к изучению женщин и женских ролей в эволюции человеческого общества, в контексте рода и семьи, а также в условиях глобального капитализма. Современные феминистские антропологи убеждены, что антропология только тогда может считать себя наукой о кросс-культурном разнообразии жизненного опыта людей, когда она будет исследовать как женщин, так и мужчин в их различных возрастных группах, обществах и культурах.

Такие аналитические понятия, как половые различия, гендер и сексуальность, являются принципиальными для всех методов и теорий, применяемых в феминистской антропологии. Смысл этих терминов менялся на протяжении последних ста лет, а сегодня претерпевает очередной пересмотр.

Современные феминистские антропологи постструктуралистского направления и другие исследователи гендерных отношений приходят к выводу, что в той же мере, как культура конструирует гендер, происходит социальное конструирование пола. Иными словами, все общества, как утверждают эти авторы, по-разному относятся к телу, выбирая, какие именно анатомические различия будут считаться половыми различиями, а какие - нет. Например, пышные формы тела считались признаком женственности у русских крестьянок, но вряд ли относилась к критериям феминности у европейских аристократок начала XX века. Более того, пол также доступен культурным манипуляциям и изменениям, как и гендер, особенно в странах с высоко развитой технологией. В связи с этим необходимо остановиться на традиции исследований сексуальности.

Феминистская антропология подразумевает широкое разнообразие теоретических перспектив, большую географию своих интересов и множество методологических подходов. При этом в феминистской антропологии есть четыре классических предметно-дисциплинарных направления: социокультурное, лингвистическое, физическое и археологическое.

Феминистские антропологи также рассматривают отношения пола и языка. Испытывая влияние лингвистики и социолингвистики, антропологи исследуют, чем речь женщин отличается от речи мужчин, почему женская речь считается менее престижной во многих обществах, почему многие языки имеют сексистскую структуру (например, почему по-английски «человечество» будет *mankind*, а не *humankind*). Современные работы лингвистических антропологов анализируют, как протекает разговор

мужчин и женщин, как структура и способы использования языка ставят женщин в положение, подчиненное мужчине.

Современную феминистскую антропологию можно условно разделить на два крупных направления. Первое анализирует отношение между культурным пониманием гендера и сексуальности, с одной стороны, и распределением власти - с другой. Второе связано с теми открытиями, которые были сделаны благодаря постструктуралистским, постколониальным и постмодернистским исследованиям. В связи с этими открытиями антропологи подвергают сомнению важность акцента именно на женщинах. Новый фокус анализа — как женщины различных социальных, этнических и сексуальных ориентаций не только были угнетаемы и игнорируемы андроцентричными, патриархатными институциями, но и угнетали и игнорировали женщин других классов, этничностей и сексуальных предпочтений.

Вопросы для обсуждения:

- 1 Ключевые конструкты женских исследований: анализ понятийного аппарата.
- 2 Междисциплинарные подходы и приемы женских исследований?
- 3 Теория и практика женских исследований: основные тренды и их анализ.

Лекция 6. Исторический проект «места памяти» как новая концепция памяти и национальной идентичности

Цель лекции: дать анализ ключевых конструктов научно-исследовательского направления историческая память.

1. История, память, национальная идентичность.
2. Научно-исследовательская практика и направления исследования коллективного прошлого.

Литература:

- Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. – 612 с.
- Артог Ф. Время и история «Как писать историю памяти»? // *Анналы на рубеже веков: Антология*. - М., 2002. - С.147-168.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М., 2004. – 368 с.
- Безрогов В.Г. Культура памяти: Историзация и / или мифологизация пережитого? // *Культура исторической памяти: Невостребованный опыт*. - Петрозаводск, 2003. - С. 7-13.
- Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab imperio*. - 2004. - №1. - С. 44-71.
- Йейтс Ф. Искусство памяти. - СПб., 1997. – 480 с.
- Коллингвуд Р. Идея истории. - М.: Наука, 1988. – 488 с.
- Нора П. Франция-память. - СПб., 1999. - С. 17-50.
- Рикёр П. Память, история, забвение. - М., 2004. – 728 с.
- Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // *Образы прошлого и коллективная идентичность и идентичность в Европе до начала Нового времени*. - М., 2003. - С. 9-18.
- Репина Л.П. Историческая память и современная историография // *Новая и новейшая история*. - 2004. - № 5. - С. 39-51.
- Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цель времен»: Проблемы исторического сознания / Ред. Л.П. Репина. - М.: ИВИ РАН, 2005. - С. 38-62.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. - М., 2008. - 465 с.
- Требст Ш. «Какой такой ковер»? Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. - 2004. - №4. - С. 41-77.
- Хальбвакс М. Коллективная память. - М., 1997. Неприкосновенный запас. - 2005. № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти. - СПб., 2003. – 424 с.
- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // *Одиссей*. – 2001. - М., 2001. - С.178-196.

Современная историографическая ситуация создала огромное новое исследовательское поле, связанное с историей исторической культуры. Комплексное исследование целостного феномена исторической культуры (и исторической традиции) может опереться на новый подход, в основу которого положен синтез социокультурной и интеллектуальной истории. Постмодернистская программа в значительной степени сосредоточила внимание на изменчивости представлений о прошлом, на

роли исторической концепции, которая интерпретирует исторические тексты исходя из современных предпосылок и действует как силовое поле, организующее хаотический фрагментарный материал. В результате крутого поворота в историографии последней трети XX в. появилось и новое отношение к документам, в том смысле, что последние не отражают, а интерпретируют прошлую реальность, и поскольку реконструкция прошлого в таких условиях - цель недостижимая, задача историографии - конструируя искомое прошлое, помочь индивидам и социальным группам (особенно маргинальным) обрести собственную идентичность. Именно это время характеризуется активным обращением историков к проблемам памяти.

Как люди воспринимали события (не только их личной или групповой жизни, но и Большой истории), современниками или участниками которых они были, как они их оценивали, каким образом хранили информацию об этих событиях, так или иначе интерпретируя увиденное или пережитое - все это представляет огромный интерес. Речь идет не о сознательных искажениях (хотя и о них тоже нельзя забывать), а о системе восприятия людьми того, что они наблюдают. Реальность преломляется их сознанием, и ее искаженный, односторонний или расплывчатый образ запечатлевается в их памяти как истинный рассказ о происшествии. И все же, с учетом механизма переработки первичной информации в сознании свидетеля, это не может быть непреодолимым препятствием для работы историка.

Робин Джордж Коллингвуд (1889-1943) - британский философ, историк, археолог, специалист по методологии и гносеологии исторической науки. Его труд «Идея истории» заслуживает внимания как интересный очерк из истории идей и особенно как мастерски сделанное резюме того течения буржуазной мысли, которое получило название «критической философии истории». В качестве метода современной исторической науки Коллингвуд обращается к доказательству, основанному на методе вопросов и ответов.

Историк начинает свое исследование с постановки проблемы, для решения которой он ставит вопросы. Осмысленность вопроса зависит от материала, на основании которого можно получить осмысленный ответ. Полученные ответы являются основанием для обязательного (дедуктивного) вывода, необходимого для однозначного решения поставленной проблемы.

Выдающийся историк, археолог и философ Р. Коллингвуд в своей «Идеи истории» рассматривал проблему памяти в плоскости теории исторического познания. Утверждая несостоятельность теорий, основывающих историю на памяти, он подчеркивал независимость истории от памяти. В этом историк помогает воображение: «Прошлое не

может стать объектом, чьей бы то ни было перцепции (восприятие), так как оно уже не существует в настоящем, но с помощью исторического воображения оно становится объектом нашей мысли». Далее он пишет: «Безусловно, сознание, которое не могло бы помнить, не обладало бы и историческим знанием. Но память как таковая - всего лишь мысль, протекающая в настоящем, объектом которой является прошлый опыт как таковой, чем бы он ни был. Историческое знание - это тот особый случай памяти, когда объектом мысли настоящего является мысль прошлого, а пропасть между настоящим и прошедшим заполняется не только способностью мысли настоящего думать о прошлом, но и способностью мысли прошлого возрождаться в настоящем»

В последней фразе Р. Коллингвуд в концентрированной форме выразил свою оригинальную концепцию истории, но все это его рассуждение имеет более широкий смысл. Заметим, что определение памяти как «мысли, протекающей в настоящем» относится и к историческому знанию как «особому случаю памяти»; разница, по Коллингвуду, заключается в объекте и предмете: в историческом знании это - не просто мысль как некая форма опыта, а рефлексия, точнее - рефлексивная, целенаправленная деятельность, мысль и действие, слитые воедино. Способность мысли прошлого «возрождаться в настоящем» и как она «воспроизводится в настоящем»? предполагает идею «живого прошлого»: «то прошлое, которое изучает историк, является не мертвым прошлым, а прошлым в некотором смысле все еще живущим в настоящем», «все еще живы способы мышления того времени», а остатки прошлого «становятся свидетельствами лишь постольку, поскольку историк может воспринять их как выражение какой-то цели, понять, для чего они были предназначены». «Исторически вы мыслите тогда, когда говорите о чем-нибудь: «Мне ясно, что думал человек, сделавший это (написавший, использовавший, сконструировавший и т.д.)». Различие же между мыслью прошлого и мыслью, воспроизводимой историком, заложено в контексте. История была и остается «дисциплиной контекста». Только знание контекста позволяет находить в свидетельствах прошлого ответы на вопросы, предъявленные этому прошлому историком, писал Р. Коллингвуд

При отсутствии прямого контакта с прошлой реальностью, мы лишены возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, но его можно понять в более широком контексте, в комплексной картине исторического опыта, включающей самые разные его интерпретации. Обширный и разнородный материал исторической, публицистической и художественной литературы, а также документов частного и публичного характера, который так или иначе отражает социальное бытование представлений о прошлом в элитарной и

народной культуре и их роль в общественной жизни и в политической ориентации индивидов и групп, является первоклассной источниковой базой для изучения исторической культуры, включая динамику взаимодействия представлений о прошлом, зафиксированных в коллективной памяти различных этнических и социальных групп с одной стороны, и исторической мысли той или иной эпохи - с другой, притом, что ученое знание влияет на становление коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов.

В субъективности источников, которые мы изучаем, отражены взгляды и предпочтения, система ценностей людей - авторов этих свидетельств или исторических памятников. Соответственно, субъективность, через которую проходит и которой отягощается конкретная информация, отражая представления, в большей или меньшей степени характерные для некоей социальной группы или для общества в целом, проявляет культурно историческую специфику своего времени. Таким образом, текст, который «искажает информацию о действительности», не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций.

Известным французским историком Б. Гене была впервые сформулирована проблема и намечены оригинальные пути исследования феномена средневековой исторической культуры. Б. Гене писал: «Социальная группа, политическое общество, цивилизация определяются, прежде всего их памятью, т.е. их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки... Меня интересует историк, но еще больше его читатели; исторический труд, но еще больше его успех; история, но еще больше историческая культура». Сотворенная историками и ставшая памятью история соединяется в понятии исторической культуры с

воспринимающим ее историческим сознанием. Однако в настоящее время в мировой историографии речь идет преимущественно об изучении коллективной (в том числе и исторической) памяти, о теоретических аспектах устной истории, опирающейся на воспоминания о пережитом участниками и очевидцами минувших событий, а также о соотношении истории и памяти и о конкретных исследованиях, главным образом, по истории Нового и Новейшего времени.

Основные усилия ученых разных стран вплоть до сегодняшнего дня были сосредоточены не на изучении комплексного феномена исторической культуры, а на проблематике исторической памяти.

В зарубежной историографии (прежде всего во французской и немецкой) в конце XX в. сложились влиятельные школы исследователей исторической (культурной) памяти, и число публикаций, посвященных этим проблемам, неуклонно растет. Несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия, они имеют важную общую характеристику - главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики.

Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной памяти) - как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память - не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.

Историческая память рассматривается как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно - как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Историческая память не только социально дифференцирована, она изменчива. Эта постоянно обновляемая структура - идеальная реальность, которая является столь же подлинной и значимой, как реальность событийная.

Для того чтобы любая социальная группа обрела коллективную идентичность, ей необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших эту группу. Иногда оно включает общепринятое поверие относительно происхождения этой группы, как это имеет место во многих национальных государствах; или акцент делается на ярких поворотных этапах и моментах символического характера, подкрепляющих представление группы о себе и ее устремлениях. Дж. Тош вводит термин «социальная память», по его мнению оно точно отражает популярные знания о прошлом. Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, но им требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности. Механизм социальной памяти наиболее четко проявляется в тех обществах, где невозможно апеллировать к документальным материалам как средству уточнения событий или высшему авторитету.

Историки обратились к изучению механизмов формирования и функционирования исторической памяти, опираясь на теоретические положения, концептуальный аппарат и методологический инструментарий исследований социальной и культурной памяти, разработанные в смежных дисциплинах и широко представленные в новейшей социально гуманитарной научной литературе в течение всего XX столетия.

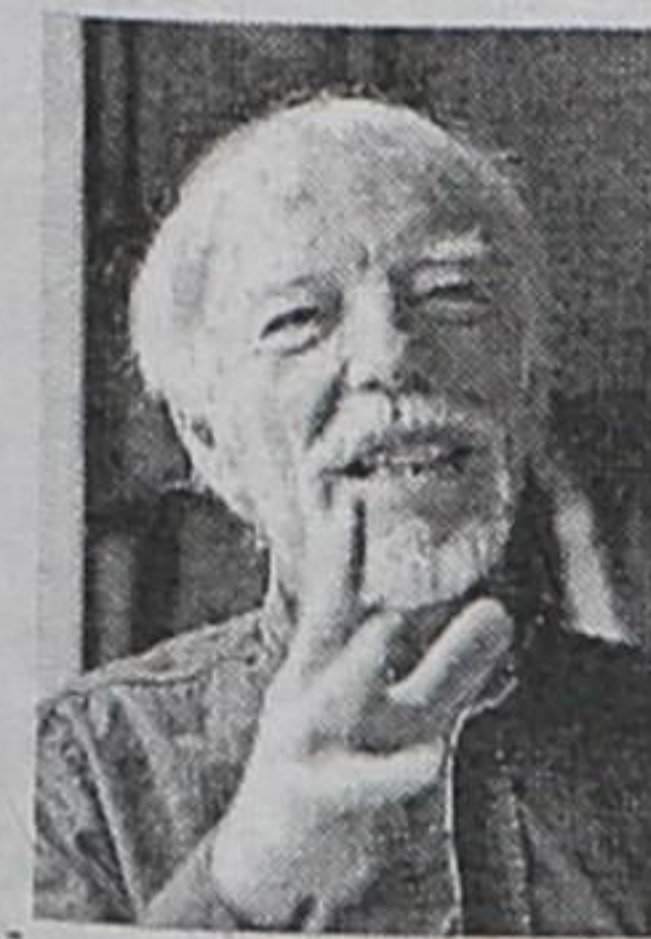

Морис Хальбвакс (1877-1945) - французский философ, социолог, социальный психолог, представитель социологической школы Дюркгейма, основоположник научных исследований исторической коллективной памяти. Он положил начало новому научному направлению - социологическому исследованию памяти, его труды, посвященные проблеме коллективной памяти, оказались чрезвычайно востребованными и плодотворными для гуманитарных наук конца XX и начала XXI века. Он решает проблемы соотношения коллективной и индивидуальной памяти, памяти и истории, памяти и традиции, социально-культурных функций памяти.

Исходным пунктом стали работы М. Хальбвакса, работавшего в традиции Э. Дюркгейма и делавшего упор на коллективное сознание. В его концепции память индивида существует постольку, поскольку этот индивид является уникальным продуктом специфического пересечения групп, то есть его память, по сути, структурируется групповыми идентичностями. Подчеркивая социальную природу памяти, обусловленность того, что запоминается и забывается «социальными

рамками» настоящего, М. Хальбвакс ввел понятие «коллективной памяти» как социального конструкта: именно коллективы и группы, в его концепции, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конституирующей их коллективной памяти.

Уже в конце XX в. немецким египтологом Я. Ассманом была разработана теория культурной памяти и сформулированы задачи ее изучения в рамках того научного направления, которое он обозначил как «история памяти». Я. Ассман проводит принципиальное различие между коммуникативной и культурной памятью. Коммуникативная память мало формализована, она представляет собой устную традицию, возникающую в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни. Это - «живая память» индивидов (непосредственных участников и очевидцев) и групп о непосредственно пережитом или возникающая в процессе межпоколенного общения в повседневной жизни. Она существует на протяжении жизни трех-четырех поколений. Культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная, она выражается в мемориальных знаках разного рода - в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое - мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции.

Ян Ассман (родился в 1938 г.) - немецкий египтолог, историк религии и культуры. Я. Ассман говорит о культурной памяти как растяженной во времени коммуникативной ситуации, которая существует благодаря принципам повторения («канона») и «воскрешения», причем последнее осуществляется через толкование, герменевтику. Ассман особенно подчеркивает роль «фигур воспоминания» в создании и поддержании политической / социальной идентичности.

Большой интерес представляет и ассмановская теория о «горячей» и «холодной памяти», получившая детальную разработку в книге «Культурная память»

Понятие «историческая память», как и концепт «коллективная память», не только у разных авторов, но и у одного и того же автора в разновременных публикациях и иногда даже в одной и той же работе может употребляться в значении «общий опыт, пережитый людьми

совместно» (речь может идти и о памяти поколений) и более широко - как групповая память. «Историческая память» понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом - как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом.

Высокая востребованность понятия «историческая память» во многом объясняется как его собственной «нестрогостью» и наличием множества дефиниций, так и текучестью явления, концептуализированного в исходном понятии «память». Вся терминология памяти характеризуется многозначностью. Память может включать все что угодно - от какого-нибудь спонтанного ощущения до формализованной публичной церемонии. Историки, вслед за антропологами, давно употребляют понятие коллективной памяти, обозначая им комплекс разделяемых данным сообществом мифов, традиций, верований, представлений о прошлом. Однако многие авторы, особенно в последнее время, предпочитают все же различать память коллективную (групповую), память социальную, память коммуникативную (живую) и память культурную. Не менее важно различие между памятью репродуктивной и памятью реконструктивной, а также памятью действием, памятью репрезентацией, и памятью, рассматриваемой как совокупность идей и образов.

В нормальных обстоятельствах наша память хорошо нам служит, прежде всего потому, что репрезентирует прошлое и настоящее как связанные друг с другом. Мы доверяем своей памяти, так как она постоянно проверяется повседневной жизнью, хотя та же проверка нередко обнаруживает несообразности. Однако, когда это случается, мы обычно не испытываем трудностей в том, чтобы найти причину. Конечно, память максимально надежна в континууме настоящего, где она постоянно воспроизводится и проверяется. Но новый опыт или новые идеи могут ей противоречить и поставить под сомнение доверие к знанию о прошлом (как и о настоящем), заключенному в памяти и построенному на идеях и воспоминаниях, существующих в настоящий момент. Память всегда обусловлена заинтересованностью. Люди помнят то, что им нужно помнить, но нередко забывают даже события из собственной жизни, если не придают им значения. Изменения интереса и восприятия по отношению к историческому прошлому связаны с явлениями социальными. Меняющийся интерес к прошлому является частью коллективного, общественного сознания, а перемены в социальных условиях порождают изменение этого сознания. Различия между видами описания прошлого, сделанного разными людьми, можно соотнести с

различными видами общества, к которому эти люди принадлежат. Но связь между обществом и историей не так проста: можно идентифицировать целый ряд значительных промежуточных звеньев между социальной практикой и описаниями прошлого.

Первое - это язык, который формирует и сохраняет наши концепции. Когда же мы стремимся передать наши воспоминания, первостепенное значение приобретают существующие формы или жанры повествования. Историческая память находит свое выражение в различных формах. Компаративный анализ традиционного историописания позволяет говорить о наличии двух моделей репрезентации исторического прошлого: это - эпос (первоначально звуковой способ передачи исторической памяти) и хроника (изначально письменный способ ее фиксации).

Многие исследования антропологов, изучавших устные предания, в которых хранилась память народа о жизни и деяниях предшествующих поколений, показали, что устное изложение прошедших событий нельзя отделить от взаимоотношений между рассказчиком и аудиторией, в которой оно имело место. Однако не только устные, но и письменные сообщения интерпретации фактов прошлого не существуют как самостоятельные объекты, но являются продуктом дискурса. Как бы ни была скромна цель рассказчика, эти сообщения являются целенаправленными вербальными действиями, и, в свою очередь, интерпретируются слушателем или читателем как таковые с учетом жанра этого дискурса, который обеспечивает аудитории соответствующий «горизонт ожидания».

Чрезвычайно важной является проблема соотношения индивидуальной (персональной) и коллективной или социальной памяти. Индивид имеет не только настоящее и будущее, но и собственное прошлое, более того, он сформирован этим прошлым: как своим индивидуальным опытом, так и коллективной, социально исторической памятью, запечатленной в культурной матрице. Этот образ, разумеется, должен быть динамически развернут. Индивидуальный опыт непрерывно прирастает с каждым новым днем, новым контактом, новым поступком, и «шлейф» создающей нас памяти становится все длиннее. «Матрица» не застыла, она «живет» и изменяется во времени, и, если говорить о сознании и мышлении, то в них эта темпоральность не ограничивается биологической жизнью индивида, а выходит за пределы дат его рождения и смерти - она открыта в пространство социального. Эта открытость и дает возможность говорить об историчности индивидуального сознания.

Одним из примеров индивидуального прошлого является автобиография. Автобиограф выстраивает свою автобиографию, пишет историю своей жизни, как это обычно делают историки - ретроспективно,

из настоящего времени, мысленно отвечая на вопрос «как я стал тем, что я есть». Категория «индивидуального прошлого», всего непосредственно пережитого индивидом и так или иначе отложившегося в его сознании, играет интегративную роль, компенсируя последствия аналитических процедур, разлагающих человеческую деятельность, а следовательно и личность, на отдельные составляющие. Каждое состояние настоящего есть следствие множества прошлых событий и состояний, разнообразных по продолжительности и образующих разнородный сплав, уникальный для каждого индивида. Но это не только лично пережитое: так называемый индивидуальный жизненный опыт включает разные компоненты. Показать на конкретном материале как, прирастая «новым прошлым», меняется вся структура индивидуального опыта, сознания и способа жизни исторического индивида, - огромная и редчайшая удача для историка, реализация которой неизбежно требует исследования темпорального измерения личности. Благодаря наличию уникального по своему охвату и разнообразию комплекса исторических памятников, ближе всех к решению этой проблемы сумел подойти Ж. Ле Гофф в своей грандиозной монографии о Людовике Святом. Созданная Ж. Ле Гоффом биография Людовика Святого оказывается необычайно протяженной: она выходит далеко за пределы, поставленные рождением и смертью героя, включая, с одной стороны, унаследованную им память предшествующего поколения, зафиксировавшую опыт прошлого, а с другой - историю создания образа Святого Людовика в памяти переживших его современников и последующих поколений. Так история одной жизни перерастает в настоящую биографическую историю, в историю, показанную через личность.

Как строится персональная идентичность? Некоторые исследователи исходят из того, что «индивидуальная память нерепрезентативна». Эта оценка имеет свои границы достоверности, так как не учитывает сложного состава памяти индивида. Индивидуальная память многопланова: она включает персональный, социокультурный и исторический планы. Наряду с собственным жизненным опытом, она подразумевает приобщение к опыту социальному, превращение чужого опыта в собственный, причастность к весьма отдаленным событиям. Огромное значение имеют так называемые устные семейные хроники, рассказы старших о семейном прошлом («до того, как ты родился»), которые в той же мере, что и непосредственно переживаемые события, формируют индивидуальную память, дополняя ее воспоминаниями второго порядка. Подобные домашние хроники обычно рассматривают как основу семейной идентичности, но на персональном уровне эти эпизодически или регулярно актуализируемые семейные воспоминания вербально переживаются, присваиваются и «входят» неотчуждаемым

компонентом в индивидуальное сознание. Таким же образом строится и идентичность семьи - до рождения настоящего поколения и после его ухода.

Проблема перехода от индивидуальной памяти к коллективной связана и с другой серьезной проблемой, которая не ограничивается рамками изучения механизмов трансляции семейного опыта. Это проблема перехода от биологического ритма человеческой жизни к ритму жизни социальной. Неразрывная последовательность смены поколений является неотъемлемой частью социальных связей. Существует и такое понятие, как память поколений. В современном общественном сознании понятие «поколение» обычно опирается на общность социальных переживаний и деятельности этой группы людей. Длительность поколения в этом культурно историческом смысле зависит от скорости обновления общества: чем быстрее перемены, тем короче поколения, тем ярственнее выступают и осознаются поколенные различия.

К. Мангейм, который первым заговорил о поколении в социологии, рассматривал смену поколений как основанный на ритме человеческой жизни универсальный процесс, в результате которого в историческом процессе появляются новые и постепенно исчезают старые действующие лица, причем члены любого данного поколения могут участвовать только в хронологически ограниченном временном отрезке исторического процесса. Наряду с необходимостью решения постоянно стоящей перед обществом задачи передавать накопленное культурное наследие, он отмечал и неразрывно связанную с ней проблему перемен.

Ключевое значение для жизнеспособности общества имеет открытость молодого поколения новому опыту, который противоречит старым стереотипам, привычным ценностям. При этом многое зависит от характера перемен: при резких качественных скачках межпоколенные различия становятся более яркими и субъективно ощущаются гораздо болезненнее.

В результате смены поколений изменяется содержание коллективной памяти. Принципиально важное значение имеет сопоставление воспоминаний «первого поколения», пережившего события в сознательном возрасте и «второго поколения» («отцов» и «детей» в буквальном или фигуральном смысле), памяти смежных поколений, по-разному воспринимающих и оценивающих одни и те же события. Если для «второго поколения» эти события - еще «живое прошлое», то для представителей «третьего поколения» их образы становятся достаточно абстрактными: это уже не часть собственной биографии, а часть истории. С окончательным уходом из жизни «первого поколения», то есть тех, для кого события являлись фактом собственной биографии, субстанция коллективной памяти исчезает и замещается довольно

приблизительными коллективными представлениями. Критически важно в работе с источниками личного происхождения четко представлять себе поколенную идентичность автора. Ведь, при всей своей условности, выражение «память поколения» имеет содержательную сторону, отражающую некую общность культурно исторического опыта.

Память может быть коллективной или социальной только в том случае, если ее можно передать, а для этого она должна быть артикулирована, что возможно посредством речи, ритуалов, изображений и т.д. Однако образы можно передать, только если они конвенциональны и упрощены; конвенциональны, потому что образ должен иметь смысл для всей группы, а упрощены, потому что для того, чтобы иметь общий смысл и возможность передачи, сложность образа должна быть сведена к возможному минимуму. Индивидуальные воспоминания включают личные переживания, многие из которых очень трудно артикулировать, и потому образы индивидуальной памяти всегда богаче, чем более схематичные коллективные образы.

Важнейшее различие между историей и памятью в том, что мы можем открыть то, чего нет в сознании людей, то, что касалось «незапамятных времен» или просто забылось. Это - одна из главных функций исторического исследования. «Историк может вновь открыть то, что было полностью забыто, забыто в том смысле, что никаких свидетельств о нем не дошло до нас от очевидцев. Он даже может открыть что-то, о чем до него никто не знал. Это он делает, частично обрабатывая свидетельства, содержащиеся в его источниках, частично используя так называемые неписьменные источники...»

Наиболее интересные теоретические разработки с применением культурно-антропологического подхода, были сделаны известным немецким историком Й. Рюзенем, который рассматривает процесс изменения коллективного самосознания как результат «кризиса исторической памяти», который наступает при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений, что ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности.

В зависимости от глубины и тяжести кризисов и определяемых этим стратегий их преодоления, Й. Рюзен предложил следующую типологию кризисов: нормальный, критический и катастрофический.

Нормальный кризис может быть преодолен на основе внутреннего потенциала сложившегося исторического сознания с несущественными изменениями в способах смыслообразования, характерных для данного типа исторического сознания.

Критический ставит под сомнение возможности воспринимать и адекватно интерпретировать прошлый опыт, зафиксированный в

исторической памяти, в соответствии с современными потребностями и задачами, которые ставят перед собой субъекты. В результате происходят коренные изменения в историческом сознании, по сути, формируется его новый тип. Следствием этого становится изменение исторической памяти в процессе не только формирования новых способов смыслообразования, но и изменения оснований и принципов идентификации, а также ментальных форм сохранения исторической памяти.

Катастрофический кризис, который препятствует восстановлению идентичности, ставя под сомнение возможность исторического смыслообразования в целом. Такой кризис выступает как психологическая травма для субъектов, которые его пережили. При таком кризисе пережитый опыт воспринимается как катастрофа, поскольку он не может быть с точки зрения субъектов наделен каким-либо смыслом.

Отчуждение «катастрофического опыта» путем замалчивания или фальсификации не решает проблемы: он продолжает влиять на современную реальность, а отказ учитывать его сужает возможности адекватной постановки целей и выбора средств их достижения.

Итак, травма - это опыт, который разрушает возможности его интерпретации, используемой для ориентации человеческой деятельности. Историзация представляет собой культурную стратегию преодоления разрушительных последствий травмирующего опыта. Путем придания событию «исторического» смысла и значения устраняется его травмирующий характер: «история» является порождающим смысл и значение взаимоотношением событий во времени, которое соединяет ситуацию сегодняшнего дня с опытом прошлого таким образом, что из хода изменений от прошлого к настоящему можно наметить будущую перспективу человеческой деятельности. Этой детравматизации можно достичь в рамках историзации с помощью разных стратегий, помещающих травмирующие события в исторический контекст: это анонимизация (вместо убийств, преступлений, злодеяний говорят о «темном периоде», «злом роке» или «вторжении демонических сил» в более или менее упорядоченный мир), категоризация (обозначающая травму абстрактными понятиями, в результате чего она утрачивает свою уникальность, становясь частью истории рассказа), нормализация (травмирующие события рассматриваются как нечто постоянно повторяющееся и объясняются неизменной человеческой природой), морализация (травмирующее событие приобретает характер случая предостережения), эстетизация (предоставляет травмирующий опыт чувствам, помещая его в схемы восприятия, которые делают мир понятным и упорядоченным), телеологизация (использует тягостный опыт прошлого, чтобы

исторически оправдать порядок, который обещает предотвратить его повторение или предложить защиту от него), метаисторическая рефлексия (преодолевает разрыв времени, вызванный травмой, с помощью концепта исторического изменения, отвечая на критические вопросы, касающиеся истории в целом, ее принципов осмысления и видов репрезентации), наконец, специализация (разделяет проблему на различные аспекты, которые становятся сферой исследования для различных специалистов, в результате чего «беспокоящий диссонанс полной исторической картины исчезает»).

«В этом отношении историческое исследование по своей логике является культурной практикой детравматизации. Оно преобразует травму в историю». Итак, основным способом преодоления кризисов исторического сознания является нарратив (повествование), посредством которого прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий, оформляется в определенную целостность, в рамках которой эти события приобретают смысл.

Память о центральных событиях прошлого (в модели «катастрофы» или «триумфа») формирует идентичность, во многом детерминируя жизненную ситуацию настоящего. Изучение памяти о конфликтах и катастрофах XX в. (мировые войны, Холокост, массовые репрессии и т. п.) вызывает все больший интерес у историков именно в связи с ролью памяти в историческом конструировании социальной (коллективной) идентичности.

Концепция «мнемонических мест» (известная также как концепция «мест памяти»), предложенная в начале XX века Морисом Хальбваксом, а позже, в 1980-е гг. продолженная Пьером Нора, — на сегодняшний день, становится все более популярной и актуальной с точки зрения объяснения влияния памятных мест на историческую память того или иного народа. Позиция вышеуказанных исследователей состоит в том, что мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом. Поэтому, коммеморация столь важна и в политическом плане, и в педагогическом (ведь, посещение мнемонических мест и связанные с этим ритуалы — один из самых действенных способов развития исторической памяти, особенно для подрастающего поколения).

Следуя возрастая, с начала 2000-х гг., тенденции мировой и отечественной науки обращаться к «концепции мест памяти», автор данной статьи ставит своей целью охарактеризовать взгляды П. Нора относительно «мест памяти», изложенные им в книге «Франция-память».

Свое произведение «Франция-память», П. Нора начинает с достаточно «прискорбной» фразы: «...О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет». Задумавшись над его словами, начинаешь

понимать, что исследователь, к сожалению...прав. Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти существуют потому, что больше нет памяти социальных групп.

Пьер Нора (родился в 1931 г.) — выдающийся французский историк, известный своими работами по исторической памяти и идентичности Франции, автор концепции «мест памяти». Президент ассоциации «За свободу истории». Продолжает исследования Мориса Хальбвакса. Его имя связано с исследованиями Новой истории. Возглавляет Ассоциацию «За свободу истории».

По мнению П. Нора, места памяти — это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие. Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Отсюда — ностальгический аспект проявлений почтения, исполненных ледяной патетики.

Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными. Вот почему охрана меньшинствами спасенной памяти в специальных, ревностно оберегаемых центрах способна лишь накалить добела истину всех мест памяти. Без коммеморативной бдительности история быстро вымела бы их прочь. Это и есть главные бастионы мест памяти. Но если бы тем, кто их защищает, ничто не угрожало, то не было бы необходимости их строить. Если воспоминания, которые они

заклучают в себе, были бы действительно живы, в этих бастионах не было бы нужды. Если бы, напротив, история не захватила их, чтобы деформировать, трансформировать, размять и превратить в камень, они не стали бы местами для памяти. Именно такое движение туда и обратно составляет их суть: моменты истории, оторванные от течения истории, но вновь возвращенные ей. Уже не вполне жизнь, но еще и не вовсе смерть, как эти ракушки, оставшиеся лежать на берегу после отлива моря живой памяти.

Таким образом, П. Нора приходит к выводу: «то, что сегодня называется памятью, относится не к памяти, но уже к истории. Всё, что называют горением памяти, есть окончательное исчезновение ее в огне истории. Потребность в памяти есть потребность в истории»

По мере исчезновения традиционной памяти мы ощущаем потребность хранить с религиозной ревностью останки, свидетельства, документы, образы, речи, видимые знаки того, что было, как если бы это все более и более всеобъемлющее досье могло стать доказательством неизвестно чего на неизвестно каком суде истории. Сакральное инвестирует себя в след, который является его отрицанием. Невозможно предсказать, что надо будет вспомнить. Отсюда - запрет разрушать, превращение всего в архивы, недифференцированное расширение мемориального поля, гипертрофированное раздувание функции памяти, связанное именно с чувством ее утраты, и соответственной усиление всех институтов памяти. Странную метаморфозу претерпели профессионалы, которых раньше обычно упрекали в мании сохранения, в том, что они являются прирожденными производителями архивов. Сегодня частные предприятия и государственные учреждения нанимают архивистов, требуя от них сохранения всего, тогда как профессионалы уже поняли, что главное в их ремесле состоит в искусстве подконтрольного разрушения.

П. Нора справедливо замечает, что за несколько лет материализация памяти тоже стала чрезмерно распространенной, децентрализованной, демократичной. В классическую эпоху было три источника пополнения архивов: знатный род, церковь и государство. А сегодня, почти каждый человек считает себя обязанным записать свои воспоминания, написать свои «мемуары». То же самое касается и ажиотажа вокруг генеалогических исследований. На сегодняшний день, практически каждая семья (какой-нибудь из ее членов) увлечена поиском сведений о происхождении своего рода. Так, на примере Франции, П. Нора приводит следующие сведения: «годовой отчет Национального архива приводит цифру - 43 % обращений такого рода от общего числа посещений против 38 % посещений архива универсантами. Поразительный факт: не

профессиональные историки являются авторами наиболее значительных исследований».

Интересными представляются для нас рассуждения П. Нора о том, что же такое «места памяти»: все ли исторические события, явления, географические места или памятники мы можем отнести в категорию «место памяти». Так, исследователь подчеркивает, что «места памяти», на самом деле, являются местами в трех смыслах слова - материальном, символическом и функциональном, - но в очень разной степени. Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют.

Что касается «великих событий» - как мест памяти, - П. Нора выделяет два их типа. С одной стороны, события иногда безвестные, едва замеченные в тот момент, когда они происходили, но которым будущее ретроспективно пожаловало величие истоков, торжественность разрывов, открывающих новые эпохи. И с другой стороны, события, в ходе которых до известной степени ничего не происходит, но которые мгновенно обретают глубоко символический смысл и становятся в самый миг их развития своей собственной досрочной коммеморацией. История современности благодаря средствам массовой информации каждый день множит такие мертворожденные попытки.

Символическая составляющая мест памяти, также, по П. Нора, состоит из двух противоположных элементов: из доминирующих и доминируемых мест. Первые, поразительные и триумфальные, значительные и обычно подавляющие, будь то в силу национального или административного авторитета, но всегда стоящие на возвышении, обычно обдают холодом и торжественностью официальных церемоний. Туда приходят против воли. Вторые - это места-убежища, святилища спонтанной преданности и безмолвных паломничеств. Это живое сердце памяти.

Поддерживая идеи М. Хальбвакса о том, что «история» и «память» - противоположные явления, П. Нора говорит о том, что память - это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем

использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого».

У П. Нора речь идет не столько об истории, сколько о том, как предметы и вещи входят в историю. В современном, стремительно меняющемся мире, чтобы не исчезли многие вещи, создаются разнообразные учреждения – «институты памяти» – архивы, музеи, библиотеки, банки данных, и это зеркало нашей идентичности. Решение проблемы поиска и кризис идентичности в контексте коллективной памяти сталкивается со многими опасностями. С одной стороны, общество теряет свою идентичность, и наступает ситуация, когда коллективная память насаждается, культивируется посредством проведения регулярных ритуалов, создания мемориалов и других коммемораций, чтобы легитимизировать различные государственные идеологии. Существует стремление «пригладить» историю. Что касается городской застройки или реставрации памятников, то не исключены воздействия властей на жителей города с целью принятия такой версии прошлого, которая устраивает городские власти. С другой стороны, проблема идентичности в современном обществе связана с обилием травматических событий в современной истории и с запаздыванием признания их значимости (Вторая мировая война, Холокост, ГУЛАГ). Жертвы же этих событий страдают от разрушения идентичности.

Вопросы для обсуждения:

- 1 Соотношение истории и памяти у П. Нора?
- 2 Места памяти: функция и значение?
- 3 Составьте проект места памяти Казахстана.

Лекция 7. Возможности применения концепции Пьера Бурдьё: социальное конструирование агента и габитус в исторических исследованиях

Цель лекции: дать анализ концепции П. Бурдьё.

1. Теория социального пространства П. Бурдьё.
2. Структура, габитус, практика.

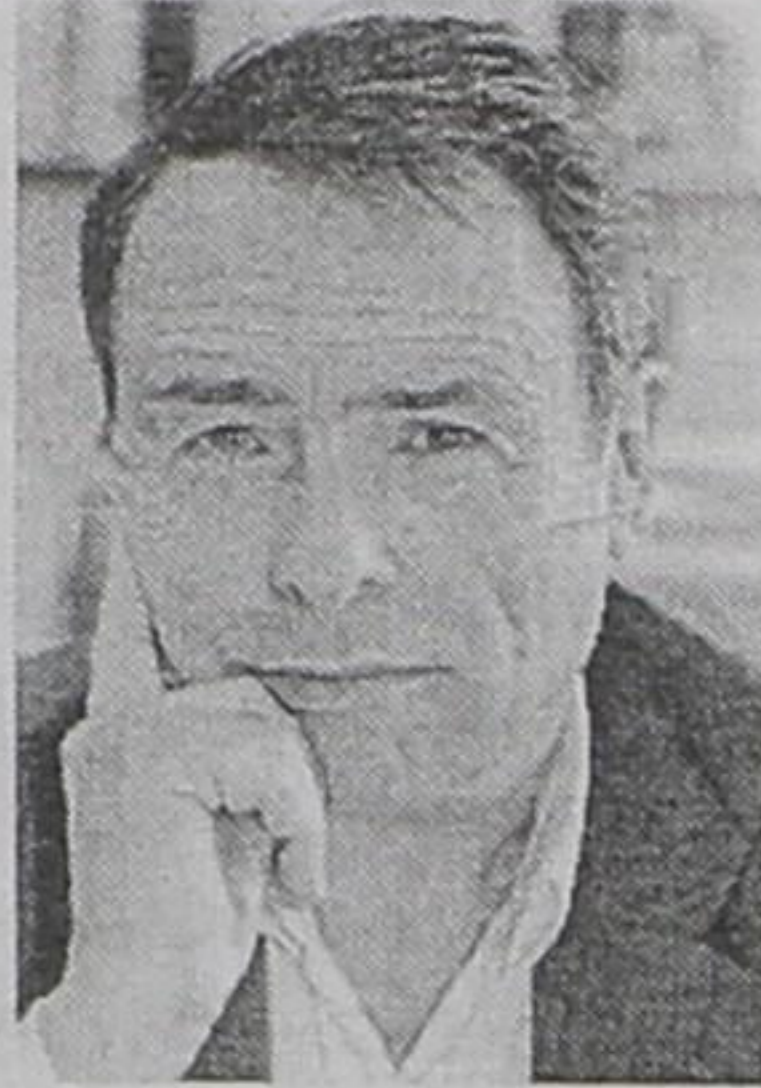
Литература:

- Бурдьё П. Социальное пространство и генезис "классов" // Вопросы социологии. - 1992. - №1. - С. 17-36.
- Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. - 1993. - №1-2. - С. 49-62.
- Бурдьё П. Социология политики. - М., 1993. - 336 с.
- Бурдьё П. Начала. - М., 1994. - 288 с.
- Бурдьё П. Структуры, habitus, практики. Практический смысл <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/burde_prak/OO.aspx>
- Вагнер Г. Парсонс, Гоббс и проблема социального порядка: Историко-теоретические заметки // Общественные науки. РЖ "Социология". - Сер.11. - 1992. - №2. - С. 39-41.
- Вайдкун П. Трудовое общество движется к своему концу: Современная мировая религия в тупике // Общественные науки. РЖ "Социология". - Сер.11. - 1992. - №2. - С. 54-58.
- Вебер М. Исследования по методологии науки. - Ч.1. Ч.2. - М., 1980.
- Мейер Э.Е., Гредновская Е.В. «Габитуальная» теория П. Бурдьё и её применимость к изучению материалов по истории поздней античности // Язык, культура, коммуникации. - 2016, №2. <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/485/445>
- Тульчинский, Г. Слово и тело постмодернизма // Вопросы философии. - 1999. - № 10. - С. 35-53.
- Шматко, Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1998. - Т. 1. - № 2. - С. 60-70.

П. Бурдьё начал свою творческую деятельность в 60-е годы прошлого столетия. Тогда весьма популярными были воззрения К. Маркса, которые оказали влияние на характер его творчества. Однако впоследствии он отходит от теоретического и методологического инструментария марксизма и обращается к социологам, занимавшимся исследованием обыденного социального опыта главным образом через призму феноменологии. Это такие ученые, как Э. Гуссерль, А. Шюц, М. Хайдеггер и другие. На содержание работ Бурдьё оказали большое влияние и структуралисты - К. Леви-Стросс, Л. Альтюссер и другие. В итоге П. Бурдьё стал разрабатывать интегральную теорию, которая включала в себя достижения и феноменологии, и структурализма.

Структурализм, основанный на идеях не только лингвиста Ф. де Соссюра, но и крупнейшего классика социологии Э. Дюркгейма до сих пор остается существенной чертой французского социального теоретизирования. Стремление П. Бурдьё критически анализировать и преодолевать «монополизм объекта», присущий структурализму, его внимание к субъекту и действию, проявляющееся в намерении создания

синтетической концепции субъекта и объекта, тем не менее, имеет сильную структуралистскую «окрашенность». Его направление синтеза тесно связано со структуралистскими и постструктуралистскими исканиями в области наук об обществе. П. Бурдьё предложил использовать одновременно два принципиальных подхода при изучении социальных реалий.

Пьер Бурдьё (1930-2002) - французский социолог, этнолог, философ и политический публицист, один из наиболее влиятельных социологов XX века. Исследования П. Бурдьё сосредоточены вокруг ключевых концептов: габитус как принцип действия агентов, поле как пространство фундаментальной социальной борьбы, капитал как ресурс в социальном поле, символическое насилие как главный механизм утверждения господства.

Первый - структурализм, который им реализуется в виде принципа двойного структурирования социальной реальности: а) в социальной системе существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли людей, которые способны стимулировать те или иные действия и стремления людей; б) сами структуры создаются социальными практиками агентов.

Второй - конструктивизм, который предполагает, что действия людей, обусловленные жизненным опытом, процессом социализации и приобретенными предрасположенностями действовать так или иначе, что является своего рода матрицами социального действия, которые «формируют социального агента как истинно практического оператора конструирования объектов». Указанные методологические подходы, по мнению П. Бурдьё, позволяют устанавливать причинно-следственные связи между социальными явлениями в условиях неравномерного распределения социальных реалий в пространстве и времени. Так, социальные отношения распределены неравномерно. В определенном месте и в конкретное время они могут быть весьма интенсивными и наоборот. Аналогично, неравномерно агенты вступают в социальные отношения. Наконец, люди имеют неравномерный доступ к капиталу, что также сказывается на характере их социальных действий. Теория Пьера Бурдьё возникла из желания преодолеть то, что автор считает ложным противопоставлением объективизма и субъективизма, или, как он выражается, «абсурдной враждой между индивидом и обществом». Как пишет П. Бурдьё, «самый основательный стимул, направляющий мое

творчество, заключался в преодолении оппозиции объективизм/субъективизм». К лагерю объективистов он причисляет Дюркгейма с его исследованием социальных фактов, структурализм Соссюра, Леви-Стросса и структурный марксизм. Он критикует данные подходы за то, что в качестве основного предмета своего рассмотрения они берут исключительно объективные структуры. При этом они игнорируют процесс социального конструирования, посредством которого акторы воспринимают, мыслят и создают эти структуры, действуя затем на этой основе. Объективисты не учитывают ни деятельность, ни роль социальных агентов. П. Бурдьё же предпочитает структуралистский подход, который не упускает из виду агента. «Я стремился вернуть исчезнувших у Леви-Стросса и других структуралистов, особенно Альтюссера, реальных акторов». Эта цель заставляет обратиться к субъективистскому направлению, в котором во время его студенчества доминировал экзистенциализм Сартра. Кроме того, в качестве примеров субъективизма им рассматриваются феноменология Шюца, символический интеракционизм Блумера и этнометодология Гарфинкеля, поскольку настоящие теории изучают, как социальные агенты мыслят, объясняют или представляют социальный мир. При этом данные направления игнорируют объективные структуры, в рамках которых протекают эти процессы. П. Бурдьё считает, что эти теории концентрируются на деятельности и игнорируют структуру. Вместо того чтобы придерживаться одного из указанных подходов, П. Бурдьё исследует диалектическую взаимосвязь между объективными структурами и субъективными явлениями. Хотя П. Бурдьё стремится соединить структурализм и конструктивизм, и это ему отчасти удастся, в его творчестве присутствует уклон в направлении структурализма. Именно по этой причине он (наряду с Фуко и другими) считается постструктуралистом. В его творчестве больше от структурализма, нежели от конструктивизма. В отличие от подхода, свойственного большинству других теоретиков (например, феноменологам, символическим интеракционистам), конструктивизм П. Бурдьё не учитывает субъективность и интенциональность. Он действительно считает важным включить в свою социологию вопросы восприятия и конструирования социального мира людьми на основе их положения в социальном пространстве. Однако присутствующие в социальном мире восприятие и конструирование одновременно стимулируются и сдерживаются структурами.

Социальная действительность, согласно П. Бурдьё, есть «социальное пространство». Само по себе это понятие далеко не ново. В концептуально развернутом виде оно встречается уже с начала XX века. Новизна подхода П. Бурдьё состоит в определении взаимоотношений

социального и физического пространства, а также в описании внутреннего строения первого. Физическое пространство тесно связано с социальным пространством, оно является его отображением, выражением социального пространства во вне. В восприятии они трудно различимы. Социальное пространство - это не некоторая заданная система координат, относительно которой располагаются наличные социальные субъекты - это одновременно и расположение этих субъектов в реальном пространстве. Дистанция между субъектами в социальном пространстве не только социальная, но и физическая. Тесная переплетенность социального и физического пространств тем не менее не предполагает однозначности их отношений. Социальное пространство предстает перед нами одновременно в совокупности своих «символических» и «физических» измерений.

Двойственность социального пространства, его одновременная представленность и в «чисто» социальном, и в физическом плане, предполагает двойственность структур, организующих социальный универсум. Суть концепции «двойного структурирования» заключается в том, что социальная действительность структурирована, во-первых, со стороны (существующих объективно, т.е. независимо от сознания и воли агентов) социальных отношений, которые объективированы в распределениях разнообразных капиталов как материального, так и нематериального характера, и, во-вторых, со стороны представлений людей о социальных структурах и об окружающем мире в целом, оказывающих обратное воздействие на первичное структурирование. Концепция двойного структурирования включает в себя комплекс представлений, отражающих генезис и структуру социальной действительности. То, что относится к генезису, есть установление причинно-следственных связей в социальной действительности: существуют объективные (не зависящие от воли и сознания людей) структуры, которые решающим образом воздействуют на практики, восприятие и мышление индивидов; именно социальные структуры являются «конечными причинами» практик и представлений Индивидуальных и коллективных агентов, которые эти структуры могут подавлять или стимулировать. С другой стороны, агентам имманентно присуща активность, они являются источниками непрерывных причинных воздействий на социальную действительность. Итак, социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым воспроизводят или преобразуют структуры. Указанные два аспекта генезиса социальной действительности для П. Бурдьё отнюдь не равнозначны и не рядоположены. Он не ограничивается констатацией того, что оба эти аспекта находятся в «диалектической связи», но указывает на их

иерархию. Обусловленность практик и представлений агентов социальными структурами реализуется через их производство и воспроизводство этими агентами. В силу того, что они не могут осуществлять свои практики вне и независимо от предпосланных им социальных структур, являющихся необходимыми условиями и предпосылками любых практик, агенты оказываются в состоянии действовать исключительно «внутри» уже существующих социальных отношений и тем самым всегда лишь репродуцировать или трансформировать их. Говоря об активной роли агентов в воспроизводстве/производстве социальной действительности, П. Бурдьё подчеркивает, что оно невозможно без инкорпорированных структур - практических схем, являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур. Отсюда следует, что субъективное структурирование социальной действительности есть подчиненный момент структурирования объективного.

Второй аспект двойного структурирования социальной действительности - структурный. Он состоит в том, что все в социальной действительности структурировано.

Во-первых, социальные отношения неравномерно распределены в пространстве и во времени.

Во-вторых, агенты неравномерно распределены между социальными структурами - не все (индивидуальные и коллективные) агенты и не в одно и то же время принимают участие в одних и тех же социальных отношениях.

В-третьих, объективации социальных отношений, которые П. Бурдьё называет капиталами, также неравномерно распределены между (индивидуальными и коллективными) агентами.

В-четвертых, инкорпорированные социальные отношения, к каковым относятся: диспозиции, социальные представления, практические схемы, - распределены крайне неравномерно.

Агенты, исходя из своих практических схем (т.е. интериоризированных социальных отношений), по-разному структурируют социальную действительность. Структура субъективного структурирования, проявляющаяся через распределение различных видов этого структурирования между агентами, гомологична структуре объективного структурирования, поскольку решающую роль в субъективном структурировании играют интериоризированные объективные структуры: практические схемы адаптируются к позиции агент уже хотя бы в силу того, что их содержание обусловлено предшествующей социальной борьбой и потому пусть в превращенной форме, но отражает конфигурацию социальных сил. Утверждение П. Бурдьё о том, что все социальные отношения в свою очередь

структурированы, приводит его к формированию понятия «поле», понимаемого как относительно замкнутая и автономная система социальных отношений. Поле возникает как следствие прогрессирующего общественного разделения сил. Структура социального пространства проявляется, таким образом, в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства. В иерархически организованном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее деформированном, а главное, в замаскированном виде вследствие действия натурализации, вызывающей устойчивое отнесение социальных реальностей к физическому миру. Различия, произведенные посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рожденными из природы вещей (достаточно подумать об идее «естественных границ»).

Социальное пространство - не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно. Это объясняет то, что нам так трудно осмысливать его именно как физическое. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально размеченным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), т.е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений.

Социальное пространство - абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях. Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту: закрепленное место жительства или главное место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг (в зависимости от имеющегося у них капитала, а также от физической дистанции, отделяющей от этих благ,

которая сама в свою очередь зависит от их капитала). Такое двойное распределение в пространстве агентов как биологических индивидов и благ определяет дифференцированную ценность различных областей реализованного социального пространства.

Распределение в физическом пространстве благ и услуг, соответствующих различным полям, или, если угодно, различным объективированным физически социальным пространствам, стремятся на ложиться друг на друга, по меньшей мере, приблизительно: следствием этого является концентрация наиболее дефицитных благ и их собственников в определенных местах физического пространства, противостоящих во всех отношениях местам, объединяющим в основном, а иногда - исключительно, самых обездоленных (гетто).

В самом общем смысле, в генетическом структурализме «поле» представляет собой относительно автономную и замкнутую систему социальных явлений, на базе которой может быть конструирован самостоятельный целостный предмет исследования социальной науки. Поле - это подпространство социального пространства, определяемое специфической силой - ансамблем различий активных свойств, обуславливающих его специфику, его отличие от любого другого подпространства. Поле есть специфическая система отношений между различными позициями, структурно-обусловленными и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают. Иными словами, при синхронном рассмотрении поле представляет собой структурированное пространство позиций. Поля характеризуются, в том числе, свойствами составляющих их позиций, которые могут быть исследованы независимо от характеристик занимающих их индивидов. Агенты (индивидуальные или групповые) определяются в поле реляционно - их позициями, отличающимися друг от друга властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую надо заплатить, чтобы их занять, и т.д. Итак, область социального пространства, где проявляют себя достоверно зарегистрированные и поддающиеся измерению силы, называется полем. Неотъемлемой характеристикой такой области служит ее замкнутость или «самозаконность»: все объединенные в «силовое» поле явления подчиняются общим регулярностям, отличным от тех, что действуют в других полях. Это означает, что они обусловлены одними и теми же структурами и связаны общими взаимодействиями или практиками. Понятие «поле» у П. Бурдьё не организуется вокруг какого-то одного общего принципа, а носит комплексный характер, т.е. выступает единством отдельных принципов (капиталов и рынка, правил и ставок игры, дохода и прибыли и т.д.). Чтобы синтезировать этот комплекс

различных принципов в концептуальное единство, нужен тем не менее некий метапринцип. Таким метапринципом является иерархия доминирования в поле. Позиции и силы выражаются в различных иерархиях поля так, что одни структурно доминируют над другими. Это, в частности, означает, что там, где существует конфликт условий и предпосылок практик, присущих различным позициям, подчиненные вынуждены производить свои практики, исходя из условий и предпосылок, созданных господствующими. Например, подчиненные осмысливают свое положение и социальную действительность в целом, используя социальные представления, произведенные господствующими, поскольку других представлений у них попросту нет. Другими словами, результаты производства практик доминирующими позициями являются предпосылками и условиями производства практик для доминируемых позиций. Весь понятийный аппарат генетического структурализма стресится вокруг «социального пространства», «поля» и действующих в нем «сил». В отличие от множества других социологов, П. Бурдьё призывает изучать не субстанции - некие социальные «частицы» как элементарные объекты, а социальные отношения, описывающие структуру и всевозможные состояния полей. Можно было бы предположить, что поле реально, что оно есть «последняя реальность», определяющая «метрику» социального пространства и структуру сил. Однако в генетическом структурализме основная функция поля заключается в изменении состояния социального пространства. Это изменение описывается (статистической) вероятностью, которая - в идеале - обеспечивает социологическое знание возможностей социальной действительности. Под этим углом зрения позволительно описывать экспериментальные ситуации в терминах полей, конструируя позиции с учетом действия социальных сил на основе знаний о состоянии социального пространства в целом. Но нельзя считать эти поля реальными и объективными в том же смысле, в каком реальны и объективны вещи природы. П. Бурдьё считает, что поле по определению есть арена борьбы: «Поле есть также поле сражений». Структура поля одновременно «поддерживает и направляет стратегии, с помощью которых те, кто занимает эти позиции, стремятся индивидуально или коллективно, сохранить или улучшить свое положение и навязать тот принцип иерархии, который наиболее благоприятен для их собственных произведений». Поле представляет собой своего рода конкурентный рынок, где используются различные виды капитала (экономический, культурный, социальный, символический). Все же наибольшее значение имеет поле власти (политики); иерархия властных отношений в рамках политического поля структурирует все прочие поля.

Для анализа какого-либо поля П. Бурдьё предлагает трехступенчатый процесс. Первый этап отражает первостепенное значение поля власти и состоит в том, чтобы проследить отношения определенного поля с полем политическим. Вторая стадия заключается в составлении плана объективной структуры отношений между позициями в рамках этого поля. И, наконец, аналитик должен попытаться определить характер габитуса агентов, которые занимают различные позиции.

Позиции различных агентов в поле определяются количеством и относительным весом капитала, которым они обладают. Именно капитал обеспечивает контроль над собственной судьбой и судьбами других. П. Бурдьё обычно рассматривает четыре вида капитала. Это понятие, конечно, заимствовано из экономической сферы, и значение экономического капитала очевидно.

Культурный капитал включает в себя различные виды легитимного знания; социальный капитал состоит из ценимых социальных отношений между людьми; символический капитал происходит из почета и престижа. Агенты, занимающие определенные позиции в рамках данного поля, используют разнообразные стратегии. Эта идея опять же показывает, что агенты у П. Бурдьё обладают, по крайней мере, некоторой свободой: «Габитус не отрицает возможностей стратегического расчета со стороны агентов». Однако стратегии означают не «целенаправленное и запланированное достижение рассчитанных целей, а активное развертывание объективно ориентированных «линий действия», которые подчиняются упорядоченности и формируют согласованные и социально понятные образцы, даже несмотря на то, что они не следуют сознательным правилам или не стремятся к обдуманной заранее цели, установленной стратегом». Именно через стратегии «те, кто занимает эти позиции, стремятся, индивидуально или коллективно, сохранить или улучшить свое положение и навязать тот принцип иерархии, который наиболее благоприятен для их собственных произведений. Стратегии агентов зависят от их позиций в поле». П. Бурдьё считает государство местом борьбы за монополию над тем, что он называет символическим насилием. Это «мягкая» форма насилия - «насилие, которое применяется к социальному агенту при его соучастии. Символическое насилие осуществляется косвенно, во многом посредством механизмом культуры и противоположно более непосредственным формам социального контроля, которые часто исследуются социологами. Основной институт, посредством которого к людям применяются символическое насилие, - это система образования; относительно применения понятия символического насилия к положению женщин. Язык, значения, символическая система власть имущих навязывается остальной части

населения. Это служит позиции власть имущих опорой, поскольку среди прочего маскирует их действия для остальной части общества и позволяет «господствующим принять собственное положение господства как легитимное». В более общем плане П. Бурдьё считает, что образовательная система глубоко задействована в воспроизводстве существующих властных и классовых отношений. Именно в воззрениях П. Бурдьё на символическое насилие наиболее отчетливо проявляется политический аспект его творчества. Таким образом, П. Бурдьё интересуется освобождение людей от этого насилия и, глобальнее, от классового и политического господства.

Подчеркивая значение габитуса и поля, П. Бурдьё отвергает раскол между методологическими индивидуалистами и методологическими холистами и занимает позицию, недавно названную «методологическим реляционизмом». Иначе говоря, основной интересующий П. Бурдьё предмет - отношения между габитусом и полем. Он усматривает два основных проявления этой взаимосвязи. С одной стороны, поле обуславливает габитус; с другой стороны, габитус образует поле как нечто значимое, обладающее смыслом и ценностью и заслуживающее затрат энергии.

Габитус - это «ментальные, или когнитивные структуры», посредством которых люди действуют в социальном мире. Люди наделены рядом интериоризированных схем, через которые они воспринимают, понимают и оценивают социальный мир. Именно через такие схемы люди одновременно производят свои практики и воспринимают и оценивают последние. Диалектически, габитус есть «продукт интериоризации структур» социального мира. По сути дела, габитус можно считать «интернализированными, «персонифицированными» социальными структурами». Габитусы отражают объективные разделения в классовой структуре, например возрастные группы, тендер, социальные классы. Габитус приобретает в результате длительного занятия определенным положением в социальном мире.

Таким образом, габитусы различаются в зависимости от характера позиции субъекта в этом мире; не каждый обладает одинаковым габитусом. Однако люди, занимающие в социальном мире аналогичные положения, как правило, имеют сходные габитусы. В этом смысле габитус может также быть и явлением коллективным. Габитус позволяет людям осмысливать социальный мир, однако существование множества габитусов означает, что социальный мир и его структуры не производят одинаковое воздействие на разных акторов.

Имеющийся в каждое конкретное время габитус создается на протяжении коллективной истории: «Габитус, продукт истории, порождает индивидуальные и коллективные практики, и следовательно, саму

историю, в соответствии с порожденными историей схемами». Обнаруживаемый в каждом данном индивиду габитус приобретает в ходе индивидуальной истории и является функцией отдельного момента в социальной истории, в который габитус имеет место. Габитус одновременно обладает свойствами прочности и перемещаемости - он может перемещаться от одного поля к другому. Но люди могут иметь и несоответствующий габитус, пострадать от того, что П. Бурдьё называет гистерезисом*. Хорошим примером этого эффекта запаздывания может быть человек, который был оторван от аграрного существования в современном докапиталистическом обществе и направлен на работу, на Уолл-стрит. Габитус, приобретенный в докапиталистическом обществе, не позволил бы ему в удовлетворительной степени справиться с жизнью на Уолл-стрит. Габитус порождает социальный мир и одновременно сам порождается им. С одной стороны, габитус является «структурирующей структурой», т. е. структурой, которая структурирует социальный мир. С другой стороны, это «структурированная структура», - структура, которая структурирована социальным миром. Таким образом, понятие габитуса позволяет П. Бурдьё избежать необходимости выбора между субъективизмом и объективизмом, «избежать философии субъекта, не отменяя рассмотрение агента, а также философии структуры, не забывая принимать во внимание ее воздействие на агента». Именно практика служит опосредующим звеном между габитусом и социальным миром. С одной стороны, именно через практику создается габитус; с другой стороны, именно в результате практики создается социальный мир. П. Бурдьё говорит об опосредующей функции практики, когда определяет габитус как «систему структурированных и структурирующих диспозиций, которая образована практикой и постоянно нацелена на практические функции. В то время как практика формирует габитус, последний, в свою очередь, одновременно унифицирует и порождает практику.

Несмотря на то что габитус представляет собой интериоризованную структуру которая стесняет мышление и выбор действия, он не определяет последние. Это отсутствие детерминизма - одна из основных особенностей, отличающих позицию П. Бурдьё от подходов традиционных структуралистов. Габитус просто «предлагает», что людям думать и какие поступки выбирать. Люди сознательно взвешивают

* Гистерезис (греч. ὑστέρησις - отстающий) - свойство систем (физических, биологических и т.д.), мгновенный отклик которых на приложенные к ним воздействия зависит в том числе и от их текущего состояния, а поведение системы на интервале времени во многом определяется её предысторией.

доступные возможности выбора, хотя этот процесс принятия решения отражает действие габитуса. Габитус обеспечивает принципы выбора людьми альтернатив и определения ими стратегий для применения в социальном мире. Однако людей не следует рассматривать как полностью рациональных (П. Бурдьё пренебрежительно относится к теории рационального выбора); они действуют «разумно» - обладают «практическим смыслом». В действиях людей есть логика - это «логика практики». Габитус функционирует «ниже уровня сознания и языка, вне зоны, доступной интроспективному исследованию и волевому контролю». При том, что мы не осознаем габитус и его действие, он проявляется в наших самых практических поступках, например, в том, как мы едим, ходим, говорим и даже сморкаемся. Габитус действует как структура, однако нельзя сказать, что люди просто механически реагируют на него или на внешние, воздействующие на них структуры.

Габитус - это не эпифеномен практик, а механизм их порождения, который определяется генетически через двуединый процесс интериоризации/экстериоризации социальных отношений; он - та «клетка», из которой вырастает многообразие практик агента.

Можно сказать, что с одной стороны, габитус есть повседневное социальное отношение, в которое практически вступает каждый (экстериоризация/интериоризация), а с другой стороны, - порождающая основа практик любого агента.

Габитус имеет тенденцию к постоянству и защищен от изменений отбором новой информации, отрицанием информации, способной поставить под сомнение уже накопленную информацию, если таковая предоставляется случайно или по принуждению, но в особенности уклонением от такой информации. Например, эмпирически подтвержден факт, что люди склонны говорить о политике с теми, кто придерживается аналогичных взглядов. Производя систематические «выборы» мест, событий и людей для знакомства, габитус защищает себя от кризисов и критических нападков, обеспечивая себе настолько, насколько это возможно, среду, к которой он уже приспособлен, т. е. относительно постоянный круг ситуаций, усиливающий его предрасположенности, обеспечивая рынок, наиболее подходящий для его продуктов. Самое парадоксальное качество габитуса это то, что отбирается информация, необходимая для того, чтобы уклониться от информации. Схемы восприятия и оценки габитуса, которые приводят к стратегиям уклонения, в значительной степени работают несознательно и ненамеренно.

Уклонение происходит либо автоматически, как результат условий существования, либо как стратегическое намерение, исходящее от взрослых, сформированных в тех же условиях.

В своем подходе Пьер Бурдьё отходит от крайних структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности. П. Бурдьё вводит понятие «габитус». Содержание этого понятия связано с обширным философским контекстом. Индивид здесь понимается как социальный агент, реализующий в своей личной практике программу данного общества в зависимости от того положения, которое он в обществе занимает. Индивид некоторым образом и есть общество.

Таким образом, социальный мир, по мысли Бурдьё, представляет собой пространство столкновения различных сил за право производить, навязывать и внушать его легитимное видение, в силу чего владение легитимными смыслами становится владением самого мира. В этой борьбе за владение знаком в социальной реальности габитусу принадлежит, конечно, специальная роль, как устойчивому образованию, которое фактически претендует на роль социального тела любого индивида, включенного в социальное взаимодействие. И эта «структурирующая структура», по мысли Бурдьё, реализует в личной практике социального агента (носителя габитуса) программу данного общества, в зависимости от социального положения, которое агент в обществе занимает. При этом особая роль этого габитуального образования заключается в трансляции легитимации, от имени которой осуществляется социальный порядок на основе того, что габитус содержит в себе объективный фундамент упорядоченности поведения, являясь системой предрасположенности к практике.

Совмещение социологического концепта с конкретным историческим материалом дает возможность рассматривать происходящие в обществе процессы как бы «изнутри», прикоснуться к неочевидным предусловиям социально-исторического выражения как массового сознания, так и сознания элит. Методология дешифровки исторических процессов с точки зрения социальных универсумов, предлагаемая П. Бурдьё, вполне очевидно является эффективной и плодотворной для понимания ментальных оснований исторического материала в эпоху радикальных перемен.

Для П. Бурдьё характерно глубокое пренебрежение междисциплинарным делением, накладывающим ограничения как на предмет исследования, так и на применяемые методы. В его исследованиях

сочетаются подходы и приемы из области антропологии, истории, лингвистики, политических наук, философии, эстетики, которые он плодотворно применяет к изучению таких разнообразных социологических объектов как: крестьянство, искусство, безработица, система образования, право, наука, литература, брачно-родственные союзы, классы, религия, политика, спорт, язык, жилище, интеллектуалы и государственная «верхушка» и т.д.

Вопросы к обсуждению:

1 Габитус как готовность и склонность агента реагировать, говорить, ощущать определенным способом; как порождающий принцип, организующий практику и стиль жизни. Навязывание габитуса социальным контекстом. Первичный и вторичный габитусы, индивидуальный и групповой габитусы. Сходный габитус близких по позиции агентов.

2 Структура полей социального пространства. Поле политики, поле религии, поле экономики. Логика функционирования и пространство возможностей социальных полей. Определение структуры поля набором капиталов и прибылей. Преобразование полей в ходе практики.

3 Г.Ю. Бахорский о габитуальном сдвиге в переходные эпохи.

Лекция 8. Постструктуралистские теории, конструирующие различия. Эдвард Саид и постколониальные исследования

Цель лекции: дать характеристику основных направлений постколониальных исследований.

1. Эдвард Саид: западные концепты востока.
2. Имагинативная география и ее репрезентации: ориентализация Востока.
3. Современный ориентализм.

Литература:

Баба Х. Диссеми Нация: время, повествование и края современной нации // Синий диван. - No 6. - 2005. - С. 68-120.

Комарофф Дж.Л., Комарофф Дж. Безумец и мигрант // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI вв. / Под общ. ред. М.М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб.: Алетейя, 2006. - С. 265-301.

Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции. - М.: б.и., 1994. - С. 35-70.

Саид Э. Культура и империализм. - СПб.: В. Даль, 2012. - 736 с.

Саид Э. Фрейд и неевропейское // Синий диван. - No 6. - 2005. - С. 68-120.

Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. - СПб.: Рус.мир, 2006. - 636 с.

Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. - М.: НЛО, 2012. - 960 с.

Эткин А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. - М.: 2013. - 448 с.

«Постколониальные исследования» - влиятельная с конца 1980-х и до середины 1990-х гг. междисциплинарная область мировой гуманитарной и социальной науки, связанная главным образом с осмыслением имперско-колониальной составляющей модерности. За короткий срок постколониальные дискурсы стали платформой рассуждений об инаковости в разного рода освободительных дискурсах, пересекаясь с расовыми, этническими, гендерными, квир- и экологическими исследованиями и проектами. Хотя постколониальные теории оказались легитимированы западным миром только в конце XX века, благодаря тому, что их идеи были «оплодотворены» постмодернистскими установками и дискурсом, но сами эти идеи возникли гораздо раньше, и по существу развивались параллельно с колониализмом. Следует отметить, что задолго до того, как постколониальные исследования оформились в отдельное направление развивались колониалистские идеологии, навязывание угнетаемым и маргинализированным культурным группам определенных ценностей доминирующей культуры, различные формы явного и скрытого противостояния, в том числе и в художественной форме, проблематика культурной ассимиляции и гибридизации. Предшественниками постколониальной теории были

Франц Фанон, Уильям Дюбуа, движения «негризма» и культурной креолизации в Карибском регионе, «Афро-Американский Ренессанс» в США, взгляды франкофонных североафриканских интеллектуалов и многое другое.

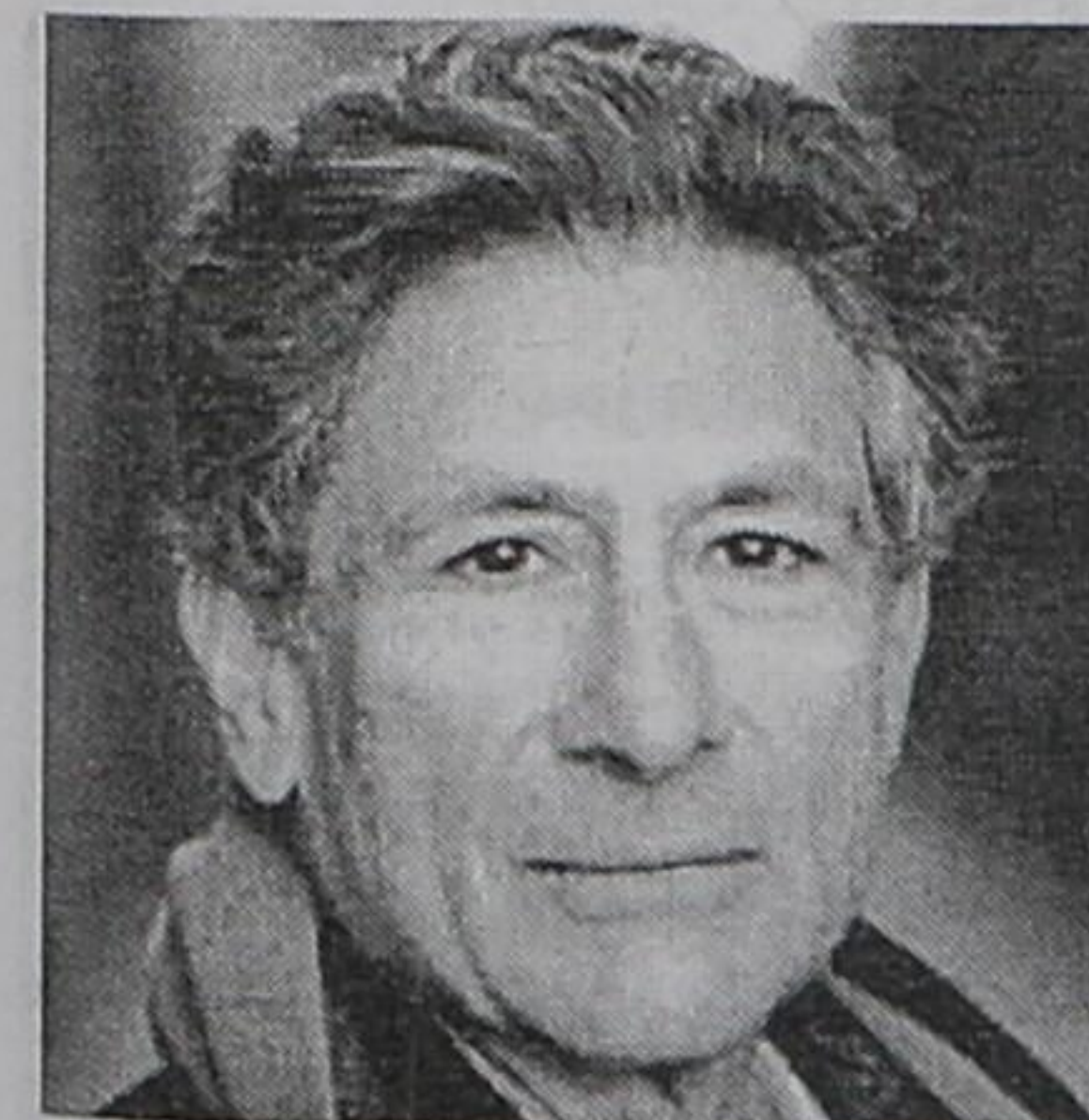
Франц Фанон (1925-1961) - франкоязычный вест-индский революционер, социальный философ и психоаналитик. Один из теоретиков и идейных вдохновителей движения новых левых и революционной борьбы за деколонизацию в странах Третьего мира на протяжении уже более чем четырёх десятилетий.

Постколониальный дискурс касается культурной продукции англофонного и отчасти франкофонного мира, связанной с бывшими британскими и французскими колониями, но зачастую переносит этот сугубо локальный опыт на весь мир, отыскивая определенные универсальные категории, которые разделяют все человеческие сообщества, пережившие колониально-имперский комплекс взаимоотношений. Среди таких проблем наиболее общей является изучение опыта «немых», недостаточно или вовсе не представленных культурных групп, история которых была связана с политическим, социальным, культурным и психологическим подавлением и, соответственно, породила противостояние. Для постколониальной теории важен акцент на сложном взаимодействии культуры - колонизатора и колонизируемой, которое может обретать самые разные формы - от ассимиляции до транскulturации.

Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа (англ. William Edward Burghardt Du Bois 1868-1963) - афроамериканский общественный деятель, panaфриканист, социолог, историк и писатель. В 1895 году он стал первым американцем с африканскими корнями, получившим степень доктора философии Гарвардского университета, а спустя два года стал профессором истории и экономики Атлантического университета, занявшись изучением вопросов о социальном положении афроамериканцев. Он пришёл к выводу, что социальные изменения произойдут лишь под воздействием волнений и протестов.

В основе академического постколониализма лежат постструктуралистские, неомарксистские, неисторические посылки (теории власти М. Фуко, понимание субъектности Ж. Лакана, политическое бессознательное Ф. Джеймсона, субалтерны и гегемония А. Грамши). Они легко прочитываются в работах трех ведущих постколониальных теоретиков - уже ушедшего из жизни палестино-американского критика Эдварда Саида, Хоми Бабы и Гаятри Спивак, а несколько позднее - Ашиля Мбембе, Пола Гилроя, Лилы Ганди и многих других. Начало развития постколониальной теории обычно датируется выходом книги Эдварда Саида «Ориентализм» (1976), в которой он представляет (Ближний) Восток в качестве одного из фантастических дискурсивных конструкторов, создаваемых Западом, чтобы успешно проводить стратегии объективации и очуждения иного, «незападного» субъекта, формируя тем самым различные теории и практики как культуры колонизатора, так и колонизируемой. Другое важное для постколониальной теории понятие разрабатывавшееся Э. Саидом - «культурный империализм» - многостороннее подавление, в результате которого доминирующая культура вытесняет и подчиняет себе все проявления подчиненной культуры, сводя их к имитации. Позднее эта простая схема будет усложнена в работах Х. Бабы, проблематизировавшего феномен «возвращенного взгляда» и психологически разрушительных последствий мимикрии.

Эдвард Вади Саид (1935-2003) - американский интеллектуал арабского происхождения. Литературовед, историк литературы, литературный и музыкальный критик, пианист. Культуролог, автор знаменитой книги «Ориентализм», жёстко критикующей западные воззрения на Восток и обвиняющей западную науку в духовной поддержке и оправдании колониализма. Профессор Колумбийского университета. Активист палестинского движения. Популярный журналист, жёсткий критик израильской политики в палестинском вопросе, сионизма, и арабского национализма.

Важна и проблема постколониальной культурной идентичности и принципы ее формирования и репрезентации, что выдвигает на первый план явления полиязыковости и двойного (культурного) перевода. В центре внимания постколониальных теоретиков находится двойственное, «расщепленное» сознание (пост)колониального субъекта, основанное на непреодолеваемой культурной промежуточности. Сознание

(пост)колониального субъекта основано на неустойчивой, принципиально незавершенной и часто негативной самоидентификации, связанной с проблемой культурной дислокации. Баба связывает это состояние с «внедомностью», «пойманностью» между культурами, непринадлежностью ни к одной из них, и ни к обеим сразу, осознания себя в своеобразном ступоре, который возникает не из-за личностного психологического расстройства, но из-за травмы культурной вывихнутости, в которой существует постсовременная личность. «Внедомность» нередко интерпретируется в рамках проблематики культурной и эстетической гибридности. Динамическая, незавершенная, гибридная, постколониальная идентичность является не только отражением реальной ситуации многих регионов (Карибов, Латинской Америки, Африки, Индии), но и продуктом постструктуралистских и деконструктивистских теорий личности, как фрагментарной мозаики различных «я» в мире, потерявшем устойчивый смысл и не обладающем ценностями помимо тех, которые мы придаем ему сами.

Эдвард Саид выдающийся арабский мыслитель современности, честно и бескомпромиссно относился к проблемам развития мира в целом и своей «исторической родины».

Главным произведением его жизни стала книга «Ориентализм», которая была опубликована в Нью-Йорке в 1978 году. Целью написания книги было представление западного подхода к исследованию Востока.

Ориентализм (или востоковедение) – западная дисциплина, которая приобретает самостоятельное значение и была поставлена на научные оси в XVIII-XIX вв. Он определяет Восток не в географическом (East), а в культурном смысле (Orient). Под «ориентализмом» подразумевается вовсе не наука «востоковедение», а стиль идеологизированного мышления, берущего за основу заблаговременно принимаемую (т.е. априорную) инаковость, «экзотичность» так называемого «Востока». Следует признать, в настоящее время на постсоветском пространстве как среди специалистов, так и среди простых обывателей «ориентализм» воспринимается просто как наука о «Востоке», и в качестве синонима «ориентализма» используется термин «востоковедение», а «ориенталист» это специалист по «Востоку». К тому же, в последние десятилетия «ориентализм» в смысле наука «востоковедение» стал охватывать изучение народов и обществ Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, немусульманских народов и общин Южной Азии, хотя в классическом понимании ареал «востоковедения» фокусировался на изучении исламского мира, в частности Ближнего Востока, территории Османского государства, Туркестана.

Если рассматривать термин «ориентализм» более широко, то можно утверждать, что «ориентализм» является собой особое мировоззрение.

Следовательно, уместно будет говорить о существовании определенного «ориенталистского» мировоззрения или ориенталистского образа мышления, а также определенной ориенталистской методологии в социальных и гуманитарных науках. Многие яркие представители постколониальных исследований такие как Эдвард Саид, Анвар Абдель-Малик, Тибави, Зияуддин Сардар рассматривали «ориентализм» в качестве определенного образа мышления, мировоззрения, системы взглядов, служивших и в определенной степени продолжающей и в настоящее время служить осуществлению имперских и нео-имперских проектов.

Лейтмотивом труда Эдвард Саида «Ориентализм» является тезис утверждающий, что понятие «Восток» (Ориент) было преднамеренно придумано в Европе с целью самоидентификации. Ориентализм, согласно точке зрения Э. Саида западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком. Выражаясь иначе, средневековой Европе был нужен некий «инаковый чужой». Как правило, «чужой» не бывает хорошим, он либо «кровожадный сарацин, мавр», либо «захватчик турок-янычар», либо сметающий все на своем пути «татарин». Хотя все эти «чужаки» и были выше как в духовном, так и в материальном плане, нежели средневековая Европа, европейцы этих самых «чужаков» отождествили со всеми отрицательными качествами, какие только могли придумать! Не лишним будет напомнить и такой интересный факт, европейские ученые (например Ф. Бэкон) считали ибн Рушда (Аверосс) и ибн Сину (Авиценна), мусульманских ученых, оказавших колоссальное влияние на развитие науки на Западе, за «скрытых христиан Востока» (!), т.е. до такой степени «Восток» отчуждался.

Следующее определение «ориентализма», вытекающее из книги Э. Саида, принадлежит Илье Иоффе, одному из российских аналитиков: «Саид пытается доказать, что интерес Запада к Востоку, породивший колониализм и укрепившийся в ходе империалистической экспансии Запада на Восток, привел к возникновению интеллектуального и литературного течения, рассматривавшего народы Востока и их культуру в качестве некоего статичного объекта, который следует интерпретировать (воссоздать заново) и подчинить. Это течение носит название Ориентализм».

Работа Э. Саида посвящена истории познания и освоения европейцами культуры арабского Востока, насчитывающей немало ярких страниц – от первых контактов с диковинами и богатством до формирования систематической научной традиции изучения культур региона, которая подкрепляется мощной политической и экономической

практикой колониального освоения Востока со стороны ведущих европейских империй.

Автор пытается ответить на вопрос о том, как это произошло, для чего ему потребовалось обратиться к истории востоковедения.

На этапе становления востоковедения, относимом им к концу XVII - началу XVIII веков, был заложен этот принцип подачи всякой информации о фактическом Востоке, который как раз и сводился к использованию географического обозначения в качестве сущностного определения: «Житель Востока живет на Востоке, ведет восточный образ жизни, характеризуется восточным деспотизмом и чувственностью, им повелевает восточный фатализм».

Восемнадцатый век стал поистине поворотным в процессе расширения европейских знаний о мире. Вслед за периодом накопления фактов настал черед их систематизации. Этот новый этап в развитии знаний совпал с новым этапом во взаимоотношениях Европы с неевропейскими мирами — активной колониальной экспансией и обширных территориальных приобретений. Многие ученые, медики, географы и путешественники своими открытиями и гипотезами помогали экспансии и доминированию Европы, при этом они видели себя носителями «истинного знания», несущими «бремя ответственности за улучшение экзотических земель и народов». Все это накладывало неизгладимый отпечаток на понимание и изучение характера, особенностей и последствий взаимодействия восточных и западных обществ и культур.

Однако начавшееся возрождение народов Азии, Африки, быстрое ускорение этих процессов в результате побед национально-освободительного движения в колониальных странах, появление группы социалистических стран, развитие национальных исторических школ привело к открытию новых пластов в изучении колониального взаимодействия Запада и Востока. Анализ страновых вариантов модернизации выявил значительную степень их полиформизма, неоднозначность взаимоотношений комплексов «традиционного» и «современного», а соответственно восточных и западной культур в широком спектре от гармоничного синтеза, симбиоза, взаимоадаптации до конфликта и отторжения.

В последние два десятилетия изучение в западной историографии феноменов колониализма нового времени и в целом взаимодействия Востока и Запада вышло на качественно новый уровень, который невозможно представить без интенсивных и острых дебатов по проблемам ориентализма, империализма, национализма, модернизации и в последнее время глобализации, развернувшихся на базе постмодернистского вызова традиционной эпистемологии,

доминировавшей в европейской интеллектуальной мысли с эпохи Просвещения. В результате возникла так называемая «теория колониального дискурса», деконструкции подвергались прежние гегемонистические представления Запада о Востоке и других неевропейских обществах. Теория «колониального дискурса» в целом делает акцент на неизбежную относительность всего знания, обусловленного совокупностью лингвистических форм, культурными представлениями и властными позициями тех, кто создает его. С этих позиций обращение к прошлому не ставит цель «установить научные истины», а ориентируется на выявление особых условий, при которых различные типы знаний о «другом» создавались и приобретали силу. Поэтому можно говорить о смене парадигмы в изучении колониализма, взаимоотношений Востока и Запада, смещении фокуса исследований с социально-экономической и политической к культурной истории.

Важнейшим этапом в становлении этой парадигмы и стал «Ориентализм» Э. Саида, имея в виду при этом не просто наименование академической дисциплины, но и особый подход к предмету изучения, воплощенный в позиции одной цивилизации (европейской) по отношению к другой (арабско-исламской). Автор представляет ориентализм как сложную и многоуровневую систему репрезентаций Востока со стороны Запада, которая включает в себя, помимо академического компонента — исследования и комментирования классических текстов, — определенное представление о сути «восточного человека», воплощенное в практике имперской колониальной экспансии.

В своем произведении автор утверждал, что западные наука и литература, в которых исследуются проблемы развития Востока на разных исторических этапах, «страдают» от колониального отношения к нему, то есть к Востоку. Восток является элементом западной «воображаемой географии». В сущности, такой «Восток» оказывается не более чем европейским мифом и относится главным образом к дискурсивной, а не эмпирической реальности, противопоставление Востока и Запада служит вариантом оппозиции «мы — они», а западное представление о себе возможно лишь в соприкосновении с конструируемым образом Востока, который наделяется «репрессированными» качествами Запада. Было создано само понятие «Восток», а также представление о его идентичности и культуре. «Запада» никогда бы не было, если бы не существовала его противоположность, антитеза — «Восток». Внимание обращено не к сущностному характеру Востока как объекта анализа, а к ориентализму как предмету, представленному в западных науках и художественной литературе.

Европейская культура набирала силу и идентичность, либо черпая с Востока его цивилизационные и языковые достижения, либо противопоставляя себя Востоку, который выступал и как «культурный соперник» и как глубокий и наиболее устойчивый образ «другого». Это противопоставление Востока Западу оказало наибольшее влияние на формирование ориентализма. Прежде всего ориентализм воплощает в себе активное отношение к Востоку со стороны европейцев, отражение их власти над Востоком. Смысл ориентализма можно сформулировать следующим образом: великие достижения восточных цивилизаций – далеко позади, а теперь только мы, европейцы, можем говорить от их имени и моделировать и.

Автор использует понятие М. Фуко «дискурс» для идентификации ориентализма, так как «...без исследования ориентализма как дискурса невозможно понять чрезвычайно систематический порядок, посредством которого европейская культура была способна управлять Востоком и даже создавать его в политическом, социологическом, военном, идеологическом, научном и воображаемом планах в период после эпохи Просвещения. Более того, так как ориентализм был столь авторитетен, то я верю, что ни один пишущий о Востоке, думающий о нем или работающий там не мог не оказаться в рамках ограничений, накладываемых ориентализмом на мысли и действия. Вкратце: из-за существования ориентализма Восток не стал свободным субъектом мысли или действия и до сих пор не является им». Таким образом, ориентализм в концепции Э. Саида предстает как особое дискурсивное поле, систематическая практика суждений о Востоке, описывания и объяснения его в целом, как система знаний о Востоке, репрезентаций «другого».

Однако в отличие от Мишеля Фуко, он полагает, что индивидуальность автора налагает свой отпечаток в любом другом отношении на анонимное коллективное тело текстов, образующих такую дискурсивную формацию, как ориентализм. Единство того большого ансамбля текстов, который подвергаются анализу, обусловлено отчасти тем обстоятельством, что они нередко ссылаются друг на друга: ориентализм, помимо всего прочего, – это еще и система цитирования работ и авторов.

Для реализации своего замысла – анализа ориентализма как дискурса, Э. Саид показал, как эти тексты представляли Восток в произвольной и уничижительной форме, выступая при этом от имени объективной науки и универсальной истины. Эти тексты объединяют общие формы знания, которые они производят об объекте изучения – Востоке, и властные отношения, которые в них заключены.

Важно иметь в виду, что дискурсы устанавливают свои собственные категории истины и имеют внутреннюю логику саморазвития, поощряющую производство определенных видов утверждений, текстов, знаний и в то же время препятствующую и отрицающую иные, которые нарушают нормы этого дискурса. Как отмечает Э. Саид, ориентализм как система знаний о Востоке стал «принятым фильтром для проникновения Востока в западное сознание». Ориентализм как дискурс конструирует объект знания, названный Востоком.

Изучение неевропейских стран и репрезентации восточного «другого» играли важную роль в становлении самой Европы, такой, какой мы ее знаем сегодня. Через постоянные сравнения и противопоставления с Востоком укреплялась идея Европы как понятие, идентифицирующее ее в качестве особого мира – цивилизации с уникальным историческим опытом, своей системой норм и ценностей и прогрессивной моделью мироустройства, как понятие, дифференцирующее «европейцев» от всех остальных «других».

Европа стала стандартом, на который надо было ориентироваться и по которому необходимо было судить об остальном мире. Участь Востока, неизбежно «отсталого» в отношении Европы, была предрешена – модернизация еврокапиталистического типа и следование европейскому курсу. Важная функция состояла в том, чтобы раскрыть незападным культурам «истину» о них самих в удобном Западу виде.

Сейчас центр мощи ориентализма сместился из Европы в США (основная его критика здесь обрушивается главным образом на американскую арабистику). «Изучение, исследование и познание ислама редко бывает свободным от тенденциозного теоретизирования... и от абсурдных утверждений о том, что исследователь вовсе не играет роли в подборе материала и в процессах познания», но набор имиджей остается в значительной степени подобным, и их воздействие, возможно, даже сильнее, чем в прошлом. Это происходит потому, что, с одной стороны, сейчас как никогда ранее ориенталисты прямо связаны с формированием правительственной политики и с политиками, а с другой – стереотипные знания ориентализма могут получать глобальное и почти мгновенное распространение благодаря масс-медиа.

Нужно отметить, что появление «Ориентализма» и других работ Э. Саида привело к радикальному пересмотру исследовательских подходов. Курс исследований сместился с социально-экономической и политической истории на изучение культуры. Это изменение исследовательских приоритетов стимулировало желание «деконструировать» имперские летописи и артефакты колониального опыта. Главная цель – показать, как знания, представленные в них и ими,

были важной составляющей высокомерия европейской культуры и осуществляемого Европой господства.

И все же главным, что определяет современный этап в западной историографии колониализма, является проблема взаимоотношения власти и знания. Делается вывод, что проект Просвещения был, помимо прочего, попыткой сделать Европу посредством колониальной экспансии, доминирующей над всеми другими культурами и обществами мира. Это значит, во-первых, что арабистика и другие востоковедческие дисциплины были институционально связаны с «европейской властью»: церковью, корпорацией, университетом, поэтому эксперт по Востоку нередко является участником политического действия.

Ориентализм - это сфера научного исследования. На христианском Западе официальный отсчет ориентализма ведется от решения Венского церковного собора в 1312 году открыть ряд кафедр «арабского, греческого, древнееврейского и сирийского языков в Париже, Оксфорде, Болонье, Авиньоне и Саламанке». Тем не менее, любой разговор об ориентализме должен учитывать не только профессиональных ориенталистов и их труды, но также и само представление об этом поле исследования, которое основывается на географической, культурной, лингвистической и этнической категории под названием «Восток».

«Поскольку он (ориентализм) был наукой инкорпорации и включения, посредством которой Восток был конституирован и затем представлен в Европе, ориентализм явился научным движением, чьим аналогом в мире эмпирической политики было колониальное накопление и приобретение Востока Европой. Восток, следовательно, был не собеседником Европы, а ее безмолвным «другим», – подчеркивал Э. Саид.

Поле исследований, конечно же, создаются людьми. Со временем они приобретают связность и целостность, потому что ученые так или иначе посвящают себя тому, что представляется им надлежащим предметом исследования. Однако совершенно ясно, что поле исследования в действительности редко когда задается так уж просто, как об этом говорит большинство ученых, профессоров, экспертов. Кроме того, это поле может даже в самых традиционных дисциплинах, таких как филология, история или теология, изменяться столь радикально, что универсальное определение предмета исследования оказывается практически невозможным. Определенно, именно так обстоит дело с ориентализмом, полагает Э. Саид.

Имеется замкнутый контур, рамка, очерчивающая «истинный Восток». За ее пределами остаются край Африканского Рога и Австралия с Новой Зеландией, по существу, анклав Европы. Однако в самой Европе есть «ориентализированные» области, в которых «чувствуется Восток». Во-первых, Балканы с их православным и мусульманским

населением и историей подчинения османскому владычеству. Во-вторых, южные оконечности Италии и Франции: Сицилия, Сардиния, Корсика, балансирующие на грани принадлежности к Европе, – нечто вроде «Македонии», откуда пришел Александр Македонский. Есть государства, испытывавшие на себе восточные влияния (например, Испания).

Говоря о научной специализации как о географическом «поле», в случае ориентализма никто даже представить себе не может какое-то симметричное поле под названием «оксидентализм»*. В этом виден особый, можно даже сказать, аномальный подход ориентализма. Хотя многие научные дисциплины предполагают определенную позицию в отношении, так сказать, человеческого материала (историки судят о прошлом человечества, исходя из определенной удобной позиции в настоящем), подобная фиксированная, более или менее тотальная географическая позиция в отношении столь разнообразных социальных, лингвистических, политических и исторических реалий беспрецедентна.

Специалист по классическим языкам, по романистике, даже американист, – все они фокусируются на сравнительно небольшой части мира, вовсе не претендуя на то, чтобы заниматься половиной мира. Но ориенталисты традиционно занимаются Востоком (специалист по исламскому праву, как и эксперт по китайским диалектам в равной мере называют себя ориенталистами). Нужно научиться принимать огромный, почти необъятный размер этой сферы плюс практически бесконечную возможность ее дробления в качестве одной из главных характеристик ориентализма – характеристики, которая отчетливо проступает в беспорядочной амальгаме имперской неопределенности и точных деталей. Повальное увлечение востоком, определило ориенталиста XIX века – он был либо ученым (синологом, исламомистом, индоевропеистом), либо талантливым энтузиастом, однако Э. Саид считает, что академического освоения Средней Азии не произошло.

В своей работе он использует понятие имагинативная география** ее синонимы названия «имагинальная география» – образная география, география воображения, имагинативная география, имагинальная спациология, философическая география. Центральное понятие имагинальной географии – географический образ. В случае ориентализма, стоит вопрос о том, что такой Восток в понимании разных народов, а том числе тех, кто живёт на Востоке. Действительно ли мусульмане и китайцы считают себя частью некой общности? Каково

* Оксидентализм – доктрина, основанная на выделении Запада как особого культурного, идеологического, исторического и социополитического феномена.

** Имагинальная, имагинативная или образная география – междисциплинарное научное направление в рамках гуманитарной географии, которое изучает особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации.

место Северной Африки на Востоке? Каково место Японии на Востоке? И таких вопросов множество, связанных с практикой идентификации. «Географические границы вполне ожидаемым образом соотносятся с социальными, этническими и культурными границами. Тем не менее зачастую это чувство, на котором основывается ощущение себя как неиноземца, строится на весьма смутном представлении о том, что лежит там «вовне», за пределами его территории. Незнакомое пространство в большом количестве заполняют всякого рода предположения, ассоциации и домыслы».

Всякий, кто обращается к ориентализму сталкивается с вопросами, объектами и регионами, которые принято считать восточными, он будет обозначать, именовать, указывать, фиксировать то, что говорит и о чем думает словом или фразой, которые, как считается, либо полностью овладели реальностью, либо даже и есть сама реальность.

С древнейших времен Восток для Европы был чем-то большим, чем о нем было известно эмпирически. По крайней мере, до начала XVIII века, понимание европейцами одной из восточных культур – ислама – было уже комплексным.

Беда и болезнь Запада состоит в том, что он утратил интерес к внутренней духовности, отдав все свои душевные и умственные силы покорению внешней природы. Утрата духовных ценностей произошла впервые в западной цивилизации, но страдают от этого все – и европейцы, и все остальные народы.

Неумение и нежелание людей изменять себя, вызванное традиционным европейским убеждением в том, что человек есть венец творения, наивысшее и наилучшее среди живых существ, уже привело к возникновению множества трудноразрешимых проблем, таких, как бедность, голод, угроза ядерной войны и полного уничтожения жизни на Земле. Но у всех этих проблем есть одна общая черта – ощущение человеком своей смертности. Это ощущение порождает в нем желание достичь бесконечного, избавиться от угрозы смерти. Единственный путь для этого – религия.

Что даст нам новый Восток, мы еще не знаем, но чувствуем большие силы, которые таятся в нем; ведь до сих пор большую часть человечества численно составляет тот же Восток. Глубоко захваченный Западом Восток все же хранит и свои старые навыки, и ответ на вопрос – как он поступит с ними, еще не очевиден, но у наблюдателя еще будет возможность узнать это. Кипучая жизнь Запада требовала и требует скорейшего оборота, который имел гораздо меньшее значение для

Востока. Теперь и это должно измениться на Востоке, вовлеченном в мировой оборот событиями жизни. И вместе с тем мы знаем, что новый Восток полон великих возможностей, заветы старого не умерли в нем, но он должен претворить их в новые образцы, дать новые достижения.

Мы уверены, что всем нам, в том числе и Западу, нужно знать и древний, и новый Восток, без этого знания наша жизнь будет беднее и одностороннее. Чтобы свершилось наконец давно желанное глубокое и настоящее единение Востока и Запада, необходимо полное понимание, к нему мы стремимся и хотим по мере сил помочь ему.

Вопросы для обсуждения:

- 1 Что мы вкладываем в содержание «ориентализм»?
- 2 Идентификация Востока Западом?
- 3 «Белый человек» - восприятие образа Запада Востоком?
- 4 Мейнстрим современного ориентализма?

Лекция 9. Посткоммунистические исследования

Цель лекции: показать направления посткоммунистических исследований.

1 Посткоммунистические трансформации: проблемы исследований посткоммунистических транзитов.

2 Концепция культурной травмы в посткоммунистическом обществе.

3 Концептуализация «советскости» как базового идентификационного конструкта.

Литература:

- Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. - 1992. - №2. - С. 24-33.
- Бойме К. Фон Теория трансформации - новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. - 1994. - №7.
- Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. - 1999. - № 1. - С. 10-26.
- Елисеев С.М. Посткоммунистические трансформации как проблема сравнительной политологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 6, 2003, вып. 3 (№22). - С. 16-22.
- Карл Т.Н., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы: размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. - 2004. - № 4. - С. 6-27.
- Митрохина Т.Н. Сравнение как средство развития политической теории // Полис. - 2004. - № 3.
- Меньковский В.И. «Советология» и ее перспективы // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. - Мн.: БГУ, 2004. - С. 142-145.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. - М.: РОССПЭН. - 2003. - 368 с.
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. - 1990. - № 1. - С. 134-148.
- Чепель С.Л. Демократические переходы: закономерности и этапы // Социально-гуманитарные знания. - 2004. - № 2. - С. 161-162.
- Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. - 2001. - № 2. - С. 3-12.
- Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. - 1996. - № 5. - С. 79-82.

Термин «советология» получил широкое распространение в англо-американской историографии в 1960-е гг. М. Малиа описывал советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением «изучение региона», а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием «советология».

В русскоязычной историографии понятие «советология» используется с 1960-х гг., хотя в трудах различных авторов встречаются неоднозначные варианты его трактовки и перевода. Е.В. Петров отмечал, что в XX в. среди наук политического плана возникла, окрепла и обрела самостоятельность в мировом научном сообществе такая отрасль междисциплинарных исследований, как «советология», хотя ее название

довольно условно, поскольку другим она более знакома как «советоведение» или «кремленология».

Сменившаяся парадигма исторического развития постсоветского пространства обусловила появление нового направления: коммунистические и посткоммунистические исследования.

Конец XX в. ознаменовался бурным ростом интереса исследователей-компаративистов к проблемам перехода стран к демократии. Демократизация как процесс, на протяжении четверти века развивающийся одновременно во многих регионах мира, фундаментальным образом преобразил политическую и экономическую реальность, вызвал к жизни мощные позитивные и негативные тенденции, существенным образом изменил международные отношения.

В последнюю четверть XX в. совокупное действие определенных тенденций в семи регионах совершенно очевидно привело к изменению политического пространства мира. Это такие тенденции, как:

- 1) падение авторитарных режимов в Южной Европе в середине 1970-х;
- 2) смещение военных диктатур выборными гражданскими правительствами по всей Латинской Америке с 1970 до 1980-х;
- 3) снижение авторитарного правления в частях Восточной и Южной Азии, начиная с середины 1980-х;
- 4) падение коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 1980-х;
- 5) крах Советского Союза и образование 15 постсоветских государств в 1991;
- 6) замена однопартийных режимов во многих государствах Субтропической Африки в первой половине 1990-х;
- 7) слабая, но ощутимая тенденция либерализации в некоторых странах Среднего Востока в 1990-х. Переход к демократии породил на разных континентах в 70-90-е годы множество надежд, смелых гипотез и предположений, заставил заново переосмыслить ряд прежних теоретических выводов.

9 ноября 1989 года рухнула Берлинская стена. Это судьбоносное историческое событие знаменовало собой завершение коммунистического эксперимента и близкий конец советской империи, стало символом окончания «холодной войны», освобождения миллионов людей от власти авторитарного государства, державшего их в изоляции от остального мира, и избавления экономики коммунистических стран от пут социалистического централизованного планирования.

В тот момент эйфория охватила не только граждан социалистических государств, но и многих людей по всему миру. Неудивительно, что она сопровождалась надеждами на быстрое достижение такого же уровня демократии и экономического благосостояния, какой существовал в

передовых странах Запада. Но столь же естественно и другое: этим завышенным ожиданиям не суждено было осуществиться в короткие сроки, и к середине 1990-х в большинстве - хотя и не во всех - бывших коммунистических странах на смену эйфории начало приходить разочарование.

Переходный период характеризовался значительными различиями в экономических показателях между бывшими коммунистическими государствами. Некоторые из них добились благосостояния, в других воцарилась стагнация.

Неожиданный крах коммунистической системы породил растерянность и замешательство в научном сообществе, что не могло не вызвать методологические проблемы исследований посткоммунистических трансформаций.

Посткоммунистическое пространство стала своеобразной «целиной», которую тут же стали осваивать множество различных теорий, концепций, школ в надежде не только понять и объяснить происходящие изменения, проверить прочность собственных методологических принципов, но и укрепиться на новом месте. Но мало кто мог тогда предположить, что в исследованиях посткоммунистических трансформаций одни теоретические подходы вообще могут оказаться низкоэффективными, а использование других может дать такие результаты, которые с трудом можно будет признать в качестве научно достоверных. Однако в начальный период трансформаций эти проблемы как бы ушли на второй план. Как писал К. фон Бойме, «крах реального социализма поставил исследования трансформаций буквально на поток». Но чем больше росло число публикаций, посвященных трансформациям в бывших социалистических странах, тем очевиднее становился тот факт, что прежние методологические подходы, большинство из которых было создано в периоды социальной стабильности и идеологической конфронтации двух мировых систем, следует признать малопригодными для качественного научного анализа переходных процессов. По сути, в социальной науке в целом и в политической в особенности наметился методологический кризис.

Научное мышление продолжало работать, используя в основном макросоциальные теории и структурно-функциональные подходы, применение которых в условиях глобальных переходных процессов, особенно в их начальной фазе, не было продуктивным. Так, в зарубежных и отечественной научных изданиях появились многочисленные публикации, посвященные процессам посткоммунистических трансформаций, написанные с позиций макросоциальных теорий, претендующие на универсализм, выявление единых факторов развития, открытие общих закономерностей политических изменений: теории

модернизации и неомодернизации, теории политического развития, теории цивилизационного развития, теории зависимости.

По нашему мнению, по методологическому содержанию и в контексте процессов глобализации основные установки этих теорий выражают жесткий позитивизм, во многом линейный подход к истории и тенденциям развития современной цивилизации.

Это, во-первых, означает рассмотрение общественных проблем, возникающих в процессе посткоммунистических трансформаций, осуществляющихся в полном отрыве от этических ценностей, от моральных норм и ограничений;

во-вторых, ориентация на выявление универсальных причин, как правило, сопровождается забвением культурного и исторического контекста, невниманием к особым механизмам и характеристикам переходных процессов, присущих отдельным регионам и странам;

в-третьих, выделение исключительно объективных ключевых структурных факторов переходных процессов (экономических, социальных, политических) и освобождение теории от этики приводит к умалению роли субъекта трансформации, снимает с него ответственность за действия, совершенные в процессе трансформации;

в-четвертых, само трансформирующееся общество превращается в некую абстракцию, по сути, перестает быть предметом исследования. Изучается не общество как система, а только проблемы системы, от решения которых зависит успех или неудача переходных процессов.

В методологическом плане необходимо напомнить, что существуют два вида теорий: макросоциальные и микросоциальные. Первые строятся на основе объективных долгосрочных структурных факторов и предпосылках общественного развития. Вторые обращаются к краткосрочным факторам развития, уделяя самое пристальное внимание деятельности субъекта.

Макросоциальные теории (структурно-функциональный анализ, системная теория и марксистская теоретическая традиция), несмотря на все существенные различия в методологии, содержании и понятийном аппарате, роднит то, что они положительно решают проблему эмерджентности, т.е. исходят из того, что целое нечто большее, чем сумма его частей. Поэтому в этих теориях общество есть нечто большее, чем сумма отдельных индивидов и их действий. Оно (общество) изменяется по определенным общим законам в независимости от национальных, исторических, религиозных, культурных традиций. Последние оказывают своеобразное сопротивление универсальным законам развития, но не могут его остановить. Целью развития является достижение социального прогресса. Под «прогрессом» чаще всего понимают, пишет П. Штомпка, «направленный процесс, который

неуклонно подводит систему все ближе либо к более предпочтительному, лучшему состоянию (или, другими словами, к реализации определенных ценностей этического порядка, таких, например, как счастье, свобода, процветание, справедливость, достоинство, знания и т.д.), либо к идеальному состоянию общества, описанного в многочисленных социальных утопиях. Чаще всего идея прогресса устанавливает, как такое общество должно выглядеть согласно взглядам того или иного автора, его мировоззрению».

Теории, основанные на отрицательном ответе на вопрос об эмерджентности, исходят из того, что общество - производный результат поведения и действий отдельных людей. Такие теории называются микросоциальными. В социологии к ним относятся, например, теория социального поведения и теория социального действия, в политологии - теория политической культуры, теории политического участия и электорального поведения, теория рационального выбора, теория политических элит и т.д. По мнению С. Елисеева, к этому типу теорий также относятся и основные транзитологические концепции.

Транзитологическая парадигма возникает на рубеже 70-80-х годов XX в., с одной стороны, как своеобразная реакция на господствующие в 60-70-е годы в академической среде макросоциальные теории, с другой - из потребности осмысления особого типа политических процессов - процессов перехода от авторитаризма к демократии. Эти процессы отличаются от процессов стабильно функционирующей общественной системы следующими признаками: усилением социальной напряженности, кризисом легитимности власти, падением эффективности политической системы, снижением степени предсказуемости социального поведения индивидов и групп, ростом неопределенности и потребности коллективного выхода из кризиса.

Следовательно, транзитологический подход изначально был ориентирован на исследование особого рода объектов, отличающихся от объектов макросоциальных теорий неустойчивостью связей и отношений, институциональной неопределенностью, кризисом в системе ценностей социума, ростом индивидуализма и корпоративизма. Поэтому транзитология всегда довольно скромно и критически оценивала свои возможности в осмыслении происходящих процессов, понимая всю сложность и противоречивость переходных процессов. Но в то же время она никогда не претендовала на создание универсальной теории в духе марксистской или системной методологии.

Возможно, именно поэтому сегодня транзитологические исследования стали одними из перспективных направлений развития сравнительной политологии.

Феномен политического транзита: основные элементы и общая характеристика: Одним из наиболее крупных направлений в исследовании политических изменений выступает исследование «демократического транзита», которое начинает активно разрабатываться в западной политологии с начала 70-х годов. Под понятием «демократический переход» в рамках этой теории обычно понимаются социальные и институциональные преобразования, связанные с продвижением от автократических, тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим способам управления. В более же узком и специальном понимании демократический транзит представляет собой процесс перехода государственно-политической системы страны от менее совершенной в демократическом отношении к более совершенной и развитой форме демократии, охватывающей политическую организацию общества и политическую систему государства. Если говорить про сам термин «транзит», то это есть переход. Но оно не совсем адекватно понятиям, используемого многими «классическими» транзитологами, которые в своих ранних работах употребляли понятие переход к демократии. Но в дальнейшем ряд ученых в поисках более точной терминологии стали использовать более нейтральные понятия, в частности «демократический транзит». Как отмечает российский исследователь А.Ю. Мельвиль, «более широкое в содержательном плане и более нейтральное в оценочном отношении понятие «демократического транзита (перехода)» - в отличие от «перехода к демократии», фактически постулирующего редко встречающийся в чистом виде итог процесса, - лучше отражает разнообразие обстоятельств, особенностей и многовариантность конечных форм рассматриваемых нами общественных трансформаций».

Западная «транзитология» имеет как бы два уровня: первый изучает «переходный период» сам по себе и связан с понятием *tranzition*, и второй, рассматривает модель переходного периода, т.е. трансформацию политического режима - *transformation*. Но такое различие не принимают российские исследователи политических процессов поставторитарного развития. Так В. Гельман, довольно основательно разрабатывающий модели зарубежных исследователей на «российском опыте», полагает уместным употреблять понятия *tranzition* и *transformation* как синонимы.

Процесс демократизации постсоветского пространства рассматривается в более широком контексте, обычно его привязывают к так называемой «третьей волне» демократизации. Этот термин был пущен в обиход Самуэлем Хантингтоном. По его теории, «первая волна» демократизации приходилась на период между 1828-1926 годами и была очень медленной и длинной; «вторая волна» вписалась в промежуток 1943-1964 годы.

«Третья волна» началась в 1974 году демократизацией сначала Португалии, а затем многих латиноамериканских стран. В указанные периоды демократическое развитие во всем мире было заметно сильнее, чем противоположное направление развития. Посткоммунистическая демократизация стран Восточной Европы значительно усилила «третью волну». По мнению С. Хантингтона, за всеми предыдущими волнами следовала обратная реакция в мировом масштабе, возврат к антидемократии, различным авторитарным режимам. Каждая из волн демократизации включает в себя группу стран, которые находятся в состоянии трансформации из недемократического режима к демократическому в определенный период времени. Каждая из волн демократизации включает в себя процессы либерализации или частичной демократизации политической системы, которая, однако, в ряде стран не становится полноценно демократической. Трансформация некоторых политических режимов развивалась отнюдь не в демократическом направлении, так же, как и не все демократические транзиты возникали в ходе волн демократизации. С. Хантингтон, предостерегая от буквального понимания его теории, напоминает, что история человеческого общества представляет собой безбрежный поток бесконечного числа разнообразных событий, и в силу этого различные процессы политической трансформации не имеют способности самораспределяться по строгим историческим временным ячейкам. История также не развивается только в одном направлении, и поэтому каждая из первых двух волн демократизации сопровождалась соответствующими откатными волнами, в течение которых некоторые, но отнюдь не все страны возвращались к недемократическому правлению, несмотря на то, что принимали до этого курс на трансформацию к демократии.

Сэмюэл Филлипс Хантингтон (1927-2008) - американский социолог и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, обнародованной в 1996 году в книге «Столкновение цивилизаций». Автор многочисленных работ в области политической модернизации, международных отношений, теории демократии и иммиграции.

Несколько иную периодизацию волн демократического процесса дает американский политолог Ф. Шмиттер, который выделяет следующие четыре периода глобальной демократизации:

Шмиттер Филипп (род. 1936 г.) - его научные интересы связаны с областью исследования авторитарных режимов и возможности их эволюции в сторону более демократического устройства. Наибольшее значение имеет совместная работа Ф. Шмиттера и Гильермо О'Доннелла «Стадии выхода из авторитарного правления: Осторожные заключения о сомнительных демократиях».

Первая волна – период, условно берущий начало с революции 1848 г., после которой, однако, к 1852 г. многие страны (в частности Франция, Германия, Австро-Венгрия) вернулись к автократическим формам правления;

Вторая волна – после первой мировой войны, когда в результате поражения Германии, а также распада Российской и Австро-Венгерской империй, в Восточной и Центральной Европе появляются новые государства, во многих из них первоначально устанавливаются демократические формы правления;

Третья волна – после второй мировой войны;

Четвертая волна – берет начало с военного переворота 1974 г. в Португалии

Конечно, их подходы не бесспорны. В последние годы все больше сомнений у исследователей возникает по поводу перспектив демократии в мире, о ее приживаемости вне рамок западного общества, а также о сущности демократизации. Если говорить про глобальную демократизацию этот термин во многом условный и применяется для того, чтобы подчеркнуть масштабы демократизации в мире. Можно согласиться с Л. Даймондом, что в 90-е годы XX столетия в мире продолжался рост электоральной демократии при застое в развитии либеральной демократии, что указывает на все более поверхностный характер демократизации на исходе «третьей волны».

Безусловно, надо рассматривать понятие демократизации и в глобальном контексте т.к. важно видеть в любом «национальном варианте» демократизации общемировые тенденции. Так как наше исследование посвящено России, то и акцент будет делаться на т.н. «новых демократиях», как наиболее близких к процессам, происходящим в ней. Если понимать транзит в качестве процесса системной трансформации основных сфер общества и государства в целом, то

политическая трансформация представляет собой основную часть транзита, охватывая главным образом качественное изменение институциональных и процедурных механизмов функционирования политической системы. Необходимо отметить, что эта часть транзита является одной из важнейших. Так, например один из российских исследователей В.Я. Гельман употребляет понятия «transition» (транзит) и «transformation» (трансформация) как синонимы.

Первый элемент политического транзита заключается в тех предпосылках или условиях, которые напрямую или косвенно предшествуют его началу. Наличие данной составляющей обусловлено тем, что специфика развития феномена политического транзита в глобальном масштабе связана с теми общепринятыми предпосылками, которые предшествуют и сопровождают развертывание политических преобразований в сторону демократизации в любой стране. Предпосылкам политического транзита, уделялось большое внимание. Так, один из «ранних транзитологов» Д. Растоу в своей статье Переходы к демократии: попытка динамической модели, высказал предположение, что «единственным предварительным условием является наличие национального единства» в стране. Бесспорно, такое единство необходимо, потому что оно является базой для реформ, на которые страна идет. Он подчеркивал, что «национальная риторика чаще всего звучит из уст тех, кто наименее уверен в своём чувстве национальной идентичности».

В целом же, в сравнительной политологии в той или иной форме выделяются «... три основных типа структурных предпосылок демократии: во-первых, обретение национального единства и соответствующей идентичности; во-вторых, достижение довольно высокого уровня экономического развития; в-третьих, массовое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, межличностное доверие, чувство гражданственности и др.». При этом названные структурные предпосылки обусловлены влиянием тех или иных объективных общественных процессов, а не субъективными намерениями и действиями участников политического процесса. Это принцип «классической модели», более применимый к странам «старых демократий». Как следствие не все из этих предпосылок могут присутствовать во всех странах проходящих политическую трансформацию.

Следующий элемент политического транзита - его исходная точка отсчета, с которой начинается транзит как процесс. Его наличие обусловлено тем, что очень важным, с точки зрения содержания политического транзита, является исходное для него состояние

общества, т.к. оно задает характер и направление движения в транзите. Можно начать транзит с тоталитарного состояния общества, и можно иметь в качестве исходной точки транзита авторитарный режим с некоторыми элементами демократии. В данном случае речь идет, в первую очередь, о том, что тоталитаризм и авторитаризм выступают своего рода исходными точками транзита в тех или иных странах. И различия переживаемых ими трудностей не в последнюю очередь определяются различиями политического транзита в поставторитарных и посттоталитарных странах. В качестве следующего элемента выделяется цель транзита, т.е. то состояние общества, политической системы, режима власти, к которому идет транзит. Наличие этого элемента обусловлено тем, что практически во всех известных концепциях политического транзита особое место уделяется описанию той идеальной модели политической системы, которая собственно и является целью всякой политической трансформации.

Иными словами, непосредственное содержание политического транзита в очень большой степени зависит от цели транзита, т.к. она задает направление и выбор средств ее достижения. Помимо этого, содержание транзита зависит от уровня осознанности этой цели в силу того, что она может быть точной и ясной, а может быть расплывчатой, нечеткой. Средства достижения цели при этом будут значительно отличаться. Таким образом, определенная векторная направленность политического транзита к достижению демократии, как к цели транзита, так или иначе, присутствует практически во всех концепциях политической трансформации. Исходя из этих обстоятельств, можно сказать, что чрезвычайно важным является ясное и четкое определение цели политического транзита той или иной страной, для чего недостаточно именовать себя «молодой» или «нарастающей» демократией, необходимо определить свое реальное место в процессах демократизации в общемировом масштабе. Как считает один из российских исследователей Ю.А. Нисневич, «непременным условием успешного осуществления реформ является соответствие методов их проведения поставленным целям, т.е. единство их формы и содержания». При этом «конкретные цели, формы и методы проведения реформ, т.е. характер и динамику переходного процесса, определяет государственная власть. Именно она является фактором модернизации, трансформации общества».

Л. Даймонд, рассуждая о динамике режимного изменения и процессах развития демократии в ходе «третьей волны» демократизации, допускает существование такой категории «демократических режимов», которые, отличаясь от чисто авторитарных систем, в то же время не дотягивают даже до минимальной демократии. Можно сказать, что

употребление такого рода понятий, в состав которых входит термин «демократия», часто создает только видимость движения к демократии как к цели транзита. Четкое определение цели политического транзита становится отправной точкой всех исследований транзита. При отсутствии ясно сформулированной цели теряются критерии оценки успеха всякой политической трансформации. Как следствие этого, цель должна обладать достаточной ясностью. Исходя из этого, в большинстве концепций политического транзита в различных интерпретациях вводится понятие т.н. «консолидированной демократии». Целый цикл своих работ посвятил профессор Йельского университета Х. Линц анализу, различных факторов перехода от авторитаризма к демократии. Одним из результатов его исследований стала разработка взаимосвязанных концепций «консолидации демократии» и «завершенного демократического перехода». С точки зрения Х. Линца и А. Степана, степень продвижения и характер изменений в стране, переходящей к демократии, может быть оценена при помощи следующих характеристик: «Демократический переход завершился в том случае: когда достигнуто определенное согласие по поводу политических процедур смены правительства; когда его приход к власти является результатом свободного голосования народа». В то же время в «третьем мире» процесс консолидации часто бывает прерван и не завершен до конца, создавая симбиотические образования, называемые иногда «демократический авторитаризм» или «авторитарная демократия». Во многом это связано с социокультурной средой, в рамках которой осуществляется политический переход, с «реакцией отторжения» демократических ценностей и норм доминирующей политической культуры. Как считает Л. Даймонд, «консолидация есть процесс столь глубокой и широкой легитимизации демократии у граждан, что крушение демократии становится маловероятным».

Вместе с тем, как замечают некоторые исследователи, консолидация демократии – это не просто конструирование и общественное принятие демократических процедур с неопределённостью их результатов (теоретически способных привести к самоуничтожению демократии, приходу к власти антидемократических сил демократическим путём). Это ещё и создание условий для жизнеспособности и выживаемости именно демократических структур, что, строго говоря, ограничивает зону неопределённости результатов демократии и делает их парадоксальным образом всё же более или менее предсказуемыми. Можно сказать, что структурная сложность консолидированной демократии заключается в сочетании многих условий и реалий общества, в которых развитие демократии возможно. Необходим баланс не только интересов различных социальных групп, но

и баланс практически всех социальных сил: наций; власти и оппозиции; крупных собственников и наемных работников; банкиров и мелких акционеров. В целом же, по Ф. Шмиттеру и Т. Карлу, национальные различия в консолидации демократии бывают даже большими, нежели национальные различия в политическом транзите. Таким образом, стремление к построению стабильного и самовоспроизводящегося общества т.н. «консолидированной демократии» через последовательное проведение курса на демократизацию является одним из основных составных элементов политического транзита – целью транзита. Но эта цель во многом носит идеалтипический характер.

Сам процесс транзита с его специфическим содержанием, которое определяется его внутренними этапными и сущностными характеристиками является пожалуй наиболее опасным периодом, при котором возможны разные варианты перехода, в том числе и откат. Если исходить из того, что консолидированная демократия как цель политических реформ должна достигаться транзитным обществом на последнем этапе, то не менее существенно, на наш взгляд, понимание политического транзита как достаточно длительного и сложного процесса, который на разных этапах может иметь поступательную и обратную направленность. В этом смысле во многих транзитологических концепциях политический транзит рассматривается в качестве поэтапного процесса, в котором последовательно выделяются периоды либерализации, демократизации и привыкания к демократии – социализации. Неустойчивость и неравномерность продвижения к демократии в транзитных странах связывают с отсутствием «либерального» опыта и другие авторы. Так, согласно мнению американского исследователя Ф. Закария, в современном мире «наблюдается рост не либерализма, а «нелиберальной демократии» (или «электоральной демократии»), при которой избранные народом лидеры подавляют гражданские свободы». Опыт ряда стран Латинской Америки свидетельствует, что введение демократии в таких расколотых обществах, не имевших опыта конституционного либерализма, в действительности приводит к росту национализма, этнических конфликтов и даже возникновению войны. Необходимость создания прочной «либеральной» базы для демократизации приводит к такой ситуации, когда транзитные страны перестают надеяться одним прыжком достичь уровня демократически развитых стран и должны сосредоточиться на «плановом реформировании либерального толка при сохранении определенной демократической стабильности и консолидированности властных структур».

На основании этого можно сказать, что основная трудность в изучении содержания политического транзита, включающего в себя уже

не только достижение достаточно устойчивой демократии, но и осуществление предварительного либерального реформирования, состоит в том, что содержание либерализма является еще менее понятным, нежели демократии. Хотя часто либерализм употребляется в связке с понятием «демократия», образуя устойчивое словосочетание – «либеральная демократия» или «либерально-демократические» принципы, он заметно отличается от демократии. Либерализм основан на праве личности быть свободной, чему в реальных условиях способствовал именно капиталистический уклад общества. В этом смысле становится ясным, что либерализм не совпадает с демократией, т.к. он ориентируется на свободу индивида, а демократия опирается на право большинства. При этом демократическим образом может быть «ущемлена» свобода индивида. После относительно успешного осуществления трансформирующимся обществом либерализации и демократизации процесс политического транзита в них вступает в свою последнюю, завершающую стадию – социализацию. В своем классическом варианте это было отражено в концепции политического транзита Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера, которые различают три стадии перехода к демократии от авторитаризма или тоталитаризма:

1) либерализацию; 2) демократизацию; 3) социализацию. То есть, поэтапные эволюционные изменения от начального этапа либерализации и до завершающего этапа социализации.

Итог транзита так же представляется крайне важным элементом. В целом итог не всегда совпадает с его целью. Более того, во множестве случаев в ходе «третьей волны демократизации» цель транзита не достигается. Таким образом, не обязательно, что итогом транзита будет консолидированная демократия или вообще демократия. Это объясняется тем, что, помимо указанных характеристик, политический транзит обладает и такой существенной особенностью, как неопределенность его процедур и результатов. Например, Л. Даймонд рассуждает о неопределенности процесса политического транзита, основываясь на опыте стран т.н. «навязанных демократий». О неопределенности результатов политической трансформации транзитных стран говорит также и Ф. Шмиттер, который связывает ее с возможными угрозами для демократии в этих странах. С течением времени неопределенность процесса политической трансформации, как существенная его особенность, постепенно стала объектом специального рассмотрения, обозначив одно из основных направлений транзитологии. Определенный интерес вызывает исследование данной проблематики российского ученого В.Я. Гельмана, который интерпретирует динамику перехода к демократии, исходя из логики развития трансформационного процесса как изменения неопределенности.

А. Пшеворский характеризует переход к демократии, а значит, и саму демократию, как «царство неопределенности», т.к. последняя не занимается предначертанием будущего. Он отмечает, что «... демократия – не единственный возможный итог процесса «перехода»: когда приходит конец диктатуре, допустимы различные стратегии развития. Разрушение авторитарного режима может быть повернуто вспять или же в конечном итоге привести к диктатуре нового образца. И даже если демократическое государство вроде бы уже состоялось, оно не обязательно окажется самоподдерживающимся; деятельность демократических институтов может систематически приводить к таким результатам, которые активизируют политическую активность сил, способных подорвать эти институты. Значит, устойчивая демократия есть только один из возможных исходов процесса разрушения авторитарных режимов.

На политический транзит оказывает определенное влияние и такой внутренний фактор, как развитость гражданского общества. Известно, что общей проблемой для транзитных обществ при их переходе к демократии является слабое развитие гражданского общества. Не приходится доказывать, что именно посредством гражданского общества, через систему гражданских инициатив только и можно осуществить движение от тоталитарного общества к либерализму и от него – к демократии. Особенно важно наличие гражданского общества при переходе от либерализма к этапу демократического развития. Ф. Шмиттер подчеркивает, что «мобилизация структур гражданского общества – важнейший фактор перехода от стадии либерализации к демократизации». Вполне объективной и основной причиной слабости гражданского общества на начальных этапах политического транзита является отношение к нему предшествующей транзиту тоталитарной системы. Как считает С. Липсет, «тоталитарные системы всегда систематично старались избавиться от групп, выступающих в качестве посредников между личностью и государством». А именно, совокупность таких «групп» в их взаимодействии и образует гражданское общество. Причем, согласно мнению С. Липсета, только тоталитарные общества, в соответствии со своей сущностью, не позволяют развиваться гражданскому обществу внутри себя.

Наряду с указанными внутренними факторами, на характер протекания политического транзита определенное влияние оказывает и внешние факторы, выражающийся в геополитических условиях, в которых оказываются транзитные страны в период осуществления преобразований. Ф. Шмиттер и Л. Уайтхар, сводят «внешнее влияние» к минимуму. Но соглашаются с тем, что внешнее воздействие на транзитные процессы в нынешних транзитных странах заметно больше,

нежели в странах «второй волны демократизации». Они усматривают несколько способов и форм такого влияния, из которого мы отметим один, на наш взгляд, наиболее ощутимый. Он получил в транзитологии наименование «связывание условиями». Термин введен Ф. Шмиттером и означает «сознательное использование принуждения путем установления особых условий распространения выгод со стороны международных институтов».

В действительности, влияние внешних факторов, на транзит намного больше. Ещё одна методологическая проблема, связана с соотношением демократических и авторитарных элементов при транзите. В идеале по мере транзита авторитарные элементы вытесняются демократическими, т.е. в ходе самого перехода система носит смешанный, гибридный характер. Это некие промежуточные системы. Ф. Шмиттер различает две разновидности гибридных режимов – «диктабланда» и «демократуру». В тех случаях, когда проводится либерализация без демократизации, возникающий гибридный режим получил название диктабланда (*dictablanda*). В тех же случаях, когда проводится демократизация без либерализации (т.е. когда выборы проводятся, но при условиях гарантированной победы правящей партии, исключения определенных общественно-политических групп из участия в них или при лишении выбранных граждан возможности подлинного управления) был предложен неологизм демокрадура (*democradura*).

Практически все «классические» исследователи сходятся в том, что конечным итогом политического транзита является демократия. Однако термин этот весьма общий и существует достаточно много его определений. Поскольку без внесения ясности в данный вопрос наше исследование вряд ли возможно, попытаемся разобраться в обилии концепций по этой проблеме.

Польский социолог Петр Штомпка предложил теоретико-концептуальное объяснение посткоммунистических трансформаций. П. Штомпка назвал свою концепцию теорией культурной травмы. Он выделил шесть стадий травматического состояния, с помощью которых можно описать постсоветские изменения и по-новому взглянуть на причины устойчивости и преодоления авторитарного синдрома.

I стадия: благоприятные структурные и культурные предпосылки. Общество теряет гомогенность, согласованность и стабильность, в нем быстро возникают и распространяются конфликты и противоречия на всех структурных и культурных уровнях организации.

II стадия: травматическое событие или ситуация. Это крах советской империи и исчезновение накоплений, обнищание населения, приостановка предприятий, стремительный рост безработицы, статусная деградация, рост преступности, кризис систем здравоохранения и образования.

III стадия: травматическое состояние общества. Травматическая ситуация может реально существовать, но не проявляться до тех пор, пока на нее не наклеят ярлык общественной проблемы. Травматические ситуации перерастают в травматическое состояние благодаря интерпретативным действиям людей-агентов или СМИ. Люди-агенты способствуют активации либо нейтрализации травматической ситуации. Одними травматические события воспринимаются разрушительно, а для других они полезны и желательны. Разную чувствительность и восприимчивость к травмам П. Штомпка объяснил через дифференциацию доступа к фонду культурных паттернов и интерпретации. Одни группы обладают более высокой способностью восприятия и интерпретации травмы, тогда как другие не располагают реальными средствами преодоления кризисной ситуации или борьбы с ней. Решающим фактором преодоления травмы является наличие у личности социального, культурного и образовательного капиталов.

IV стадия: формирование новой культурной системы. Появление новых демократических институтов в ситуации нехватки или скорее отсутствия людей, готовых действовать в новых политических, организационных и культурных контекстах и столкновение несовместимых культур спровоцировало активацию авторитарного синдрома. У тех, кто оказался несовместимым с новой средой, наблюдается высокий уровень фрустрации с доминирующей установкой на подозрительность ко всему.

V стадия: посттравматическая адаптация. Посттравматическая адаптация предполагает использование либо активной стратегии преодоления трудностей, либо, напротив, стратегии примирения с ними. Р. Мертон предложил модели адаптации индивидов к реалиям общества, к активной адаптации относятся инновация (креативный класс) и бунт (лидеры экстремистских группировок), к пассивной - ритуализм и ретретизм (бомжи). Пассивные стратегии адаптации, оказавшиеся доминирующими в обществе, усугубляют последствия травматических событий и способствуют устойчивости проявления авторитарного синдрома.

Другой аспект, на который следует обратить внимание, - у правящего класса не оказалось ресурсов, опыта и достаточного уровня знаний позитивной интерпретации последствий распада страны, рационализации травмирующих событий, элита лишь интерпретировала перемены в лозунгах «Голосуй или проиграешь», «Да-Да-Нет-Да», «Партия, дай порулить».

VI стадия: преодоление травмы. Завершающая фаза преодоления травмы, по сути, совпадает с окончанием переходного периода. П. Штомпка отмечает, что средствами преодоления культурной травмы, наряду с наличием высокого уровня образования, являются уровень толерантности, релятивистские взгляды и наличие больших социальных связей, которые служат амортизаторами травм.

Что считать преодолением травмы или завершением «переходного» периода? Какие политико-экономические и социокультурные изменения констатируют преодоление культурной травмы и формирование новой культурной системы? Проблема определения остается не решенной из-за отсутствия надежного критерия оценки.

В обществах, переживающих политическую или социетальную трансформацию, наблюдается всплеск ресентимента, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Иными словами, речь идет о всплеске отторжения формирования новой культурной системы на ценностном, когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Причин для активации авторитарного синдрома может быть очень много - неэффективность власти, рост социального неравенства, коррупция, ухудшение материальных и статусных характеристик жизни, разрушение привычной ткани повседневного бытия в сочетании с необходимостью приспособляться к новым, незнакомым и более сложным условиям - словом, все обстоятельства, способные привести к крушению иллюзий и надежд и тем самым породить фрустрацию. П. Штомпка выделил симптомы травмы, которые распространяются в обществе в результате травматического события:

1. Недоверие к институтам власти.
2. Недоверие к государству из-за нарушения традиции эгалитарного патернализма.
3. Мрачный взгляд на будущее, страх неопределенности результата перемен.
4. Ностальгия по прошлому, особенно с точки зрения оценки уровня благосостояния.

5. Доминирующими являются чувства тревоги, недоверия, пессимизма и апатии.

6. Политическая апатия населения, низкая гражданская инициатива.

Травма коллективной памяти в результате переоценки прошлого, роли людей, значимости событий. Также симптомом авторитарного синдрома является ностальгия по советской империи. С момента распада СССР прошло свыше 20 лет, несмотря на это, ностальгия по империи присутствует в сознании общества. Она связана с тем, что в те времена прошла первичная социализация значительной части населения, с доминированием позитивного восприятия прошлого по сравнению с настоящим положением дел. В основном люди сожалеют о потере чувства принадлежности к великой державе, о разрушении единой экономической системы, которая минимально, но гарантировала приемлемый уровень жизни и о том, что возросло взаимное недоверие, разрушилась большая советская семья, выросла жестокость.

Вопросы к обсуждению:

1 Микроэкономика посткоммунистической трансформации: концепт реформ и посткоммунистический кризис?

2 Травматичная трансформация в социально-экономической и политической сферах посткоммунистических государств: социальная идентификация в трансформирующемся обществе.

Лекция 10. Гендерная история и пересмотр картины исторического прошлого

Цель лекции: дать анализ теории и методологии гендерной истории, ее основных направлений развития.

- 1 Гендерная история. Д. Скотт.
- 2 Гендерная проблематика исторического знания.

Литература:

- Будде Г.Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. - М., 1999. - Вып. 1. - С. 131-155.
- Муравьева М.Г. Гендерная история в российском ВУЗе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. - СПб.: Нестор, 2000. - С. 3-20.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. - СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. - 496 с.
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина исторического прошлого. Очерки. Хрестоматия. - М., 2002. - 352 с.
- Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. - 1997. - № 6. - С. 41-58.
- Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия. (под ред. С. Жеребкина). - СПб., 2002. - С. 946-962.
- Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. - М., 1999. - Вып. 1. - С. 23-55.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. - М., 1996. - 448 с.

Гендерная история как историческая дисциплина возникла в 80-х гг. XX века. До этого, изучение исторического материала так или иначе касающееся женской проблематики велось в русле двух направлений - women's studies и исторической феминологии. Целью исторической феминологии или «истории женщин» стал т.н. «пересмотр» истории - т.к. существующая всеобщая история была признана «мужской» (она была о человеке, т.е. о мужчине, женщины в ней были описаны в очень редких случаях и только если они были чрезвычайно известными и выдающимися историческими личностями), приверженцы исторической феминологии предприняли попытку увидеть женщину в истории, описать их меняющийся в разные эпохи социальный статус, роли, учесть в истории женский опыт.

В соответствии с этим, задачи исторической феминологии заключались в следующем: она «призвана была осуществить компенсаторную функцию, комплиментарную, а также реэвалюирующую». Другими словами «история женщин» должна была заполнить лакуны во всеобщей истории, касающиеся женщин и их деятельности, дополнить историю женским опытом и переоценить общечеловеческую историю с позиции женщины. «Анализировали судьбы женщин прошлого и исторический опыт отдельных общностей и

социальных групп, соотнося эти индивидуальные и групповые истории женщин с общественными сдвигами в экономике, политике, идеологии, культуре».

Однако оказалось, что к концу 70-х гг. XX века историческая феминология исчерпала себя. На Западе были проведены исследования по истории женщин, истории сексуальности и повседневности, т.е. практик, тесно связанных с жизнью женщины, в учебных заведениях появились специальные курсы, главы в учебниках и т.п. Была предложена концепция о существовании т.н. женской приватной и мужской публичной сфер. Было заявлено также, что вся история женщин есть история их подавления. И в конечном итоге главной темой исторической феминологии стала тема угнетения и подавления женщин, за женщинами признавалось исключительное право судить о справедливости, т.к. они находились в позиции «угнетенных», и постепенно исследования женской истории переросли в «доказательства женской исключительности».

Одной из самых тупиковых концепций исторической феминологии стало категоричное разведение женского и мужского пола в истории, изучалось не их взаимодействие, а подавление женщин и владычество мужчин. Такой подход, дополненный доминирующей в исторической феминологии описательностью, а не аналитичностью, по сути, просто меняли знак, как истории, так и понимания истории, с минуса на другой минус, но ничего не давали в аналитическом плане, плане понимания механизма социального взаимодействия полов, закрепления за разными полами (и социальными группами) разных функций и ролей.

Джоан Уоллак Скотт (род. 1941 г.) Висконсинский университет в Мадисоне (1969 г.), Брандейский университет (1962 г.) Историк, исследователь французской истории, специалист в области теогендерных теорий. Является профессором Института социальной науки в Институте передовых исследований в Принстоне.

Как известно, одним из ярких провозвестников нового подхода к истории стала Джоан Скотт, которая осмыслила гендерную историю не как «женскую» или «мужскую», но как историю властных отношений. Одной из главных особенностей предлагаемого ей нового метода стало «дихотомичное мышление, предполагающее умение взглянуть на одно и то же событие или явление и «глазами мужчины», и «глазами женщины»,

найти в этих разных ракурсах видения и сходства». Кроме того, Д. Скотт предложила в качестве специфической категории исторического анализа «гендер», термин, введенный специально для того, что бы «подчеркнуть социальный характер неравенства между полами и исключить биологический детерминизм, имплицитно присутствующий в понятии «пола-секса».

Д. Скотт в своей знаменитой статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» рассматривает гендер как двухчастное комплексное понятие: «гендер является составным элементом социальных отношений, основанным на воспринимаемых различиях между полами, и гендер есть первичное средство означивания отношений власти». Кроме того, Д. Скотт выделяет четыре взаимодействующих элемента гендера:

- культурно доступные символы;
- нормативные концепции, их интерпретирующие;
- социальные институты и организации и понятие политики;
- субъективная идентичность.

Д. Скотт полагает, что задачей историка является анализ взаимоотношений между этими четырьмя аспектами гендера. Это дает историческому исследованию ряд преимуществ. Во-первых, подобная схема, по словам Д. Скотт, может применяться для анализа любого социального процесса, т.к. по сути «гендер есть первичное поле, внутри которого или посредством которого артикулируется власть». Во-вторых, такое комплексное понимание термина дает возможность, применив гендерную методологию получить комплексный анализ, включающий не только анализ взаимоотношения полов, а весь комплекс функционирования и саморепрезентирования власти через институты, нормативные концепции, культурные символы - т.е. через гендер (кроме того, «комплекс» гендера хотя бы частично позволяет избежать критики за узость феминистической рефлексии). Как мы видим, меняется не только ракурс исследования, но и возможная глубина анализа социально-исторического явления. «Таким образом, выстраивается уникальная синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное. Предполагаемое развертывание этой модели во временной длительности реконструирует историческую динамику в гендерной перспективе. Именно с этим плодотворным подходом, связано будущее гендерной истории».

Таким образом, гендерная история как исследовательская парадигма включает в себя разнообразные специальные дисциплины, в том числе и

женскую и мужскую историю, историю сексуальности и гомосексуальности, изучение личной истории, телесного опыта и т.д.

Методология гендерной истории многообразна. Дело в том, что, как и на развитие других гуманитарных наук, так и на развитие гендерной истории оказало влияние множество течений и знаковых авторов (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Лакан, Ж. Деррида и др.). Среди методов гендерной истории можно назвать контекстуальный анализ - исследование не только самого события, но и особенностей времени, места, личности; анализ как вербальной, так и невербальной, телесной практики («тело, действие и власть»); изучение т.н. его-документов - дневников, автобиографических текстов; изучение особенностей т.н. «женского письма» (влияние Э. Сиксу и Л. Иригарей); сочетание ретроспективного и проспективного подходов к изучению истории, прогнозированию, объединение микроистории и макроистории и др.

Сильное влияние на язык и риторику исторических исследований оказали социологические концепции. До начала 1990 гг. в гендерных исследованиях господствовал социально-конструктивистский подход, для которого характерен интерес к социальным структурам. Согласно социологическим теориям, предложенным Т. Парсонсом, Т. Лукмананом и П. Бергером, И. Гоффманом и др., реальность, и гендерные различия в том числе, является результатом социального конструирования. Важное значение приобрели понятия гендерной идентичности, социальных - и в том числе половых - ролей и институтов социализации. Задача исследователей виделась в том, чтобы анализировать процессы и механизмы усвоения общественных ролей индивидом.

Начало 1990 гг. ознаменовалось изменением общей научной парадигмы, связанной с формированием философии постструктурализма. Особенно значительную роль в этом процессе сыграли теоретические положения французского философа Мишеля Фуко. Главный тезис произошедшего в рамках постструктурализма так называемого «лингвистического поворота» заключается в том, что активное участие в моделировании социальной действительности принимают язык и практика речевого поведения (так называемый дискурс). Теория «власти говорящего» поднимает проблему скрытых за языком стратегий власти. Исследовательский интерес перемещается на микроуровень власти, где она обычно не замечается.

Постструктурализм оказал сильное влияние, как на феминизм, так и на собственно гендерную историю, представительницы которой, как и сторонники «лингвистического поворота», стремились к изменению сложившихся в науке представлений, к расширению методов и концептов, к подчеркиванию фактора власти. Американская исследовательница Л. Хунт предлагает использовать инструментарий постструктуралистских

методов для исторического анализа текста. Она выступает за деконструкцию «метанарратива» всеобщей истории и его реконструкцию исходя из понятий гендерной истории. Феминистски настроенные историки У. Штрассер (США) и К. Халл (Великобритания) выдвинули свои версии «лингвистического поворота». Концепции истории женщин как истории доминаций и символического насилия предложили французские ученые П. Бурдые и Р. Шартье. Таким образом, 1990 гг. стали периодом теоретического осмысления гендерной истории и ознаменовались переносом интереса от структур к индивиду.

Также многообразна тематика гендерной истории. Т.к. одним из предметов изучения являются гендерные роли, их формирование и изменение, то ряд тем связан с этим вопросом - брак, семья, религия, образование, домашнее хозяйство, право, разделение труда. Другая группа тем связана с конструированием и функционированием того, что Д. Скотт назвала культурными символами и нормативными концепциями - вопросы гендерной идентификации и идеологии, включающие изучение гендерных стереотипов, представлений и изучение сексуальности (контроль над женской сексуальностью был одним из основных механизмов поддержания гендерной асимметрии). Следующая группа - гендер и национализм - «занимающийся изучением гендера для строительства нации».

Итак, предметом новой дисциплины, гендерной истории, стало изучение взаимосвязи между полами, их взаимосвязанное функционирование в историческом процессе, взаимное влияние друг на друга и на общечеловеческое развитие. История предстает теперь не как хронология завоеваний или достижений, а как действительно сложный процесс развития человечества, пронизанный множеством связей, взаимодействий, влияний, как цельный опыт, состоящий из индивидуальных личных историй, в котором не пол определяет модус существования, а механизм власти работает таким образом, что расставляет всех соответственно структуре.

Современная гендерная история включает историю женщин, историю мужчин, историю гомосексуализма и историю взаимоотношений полов. Гендерный анализ дополняет анализ множественности социальных связей. Гендерная история использует разработки теоретиков феминистического движения, междисциплинарные научные методы, общие для «новой социальной истории» концепции и свои собственные категории и понятия. Исследовательницы стремятся к применению микроисторических или историко-антропологических подходов.

Среди проблем, которые ставятся в исторических гендерных исследованиях, можно назвать противоречия закономерностей

«женской» и «всеобщей истории». Почему жизненные условия женщин ухудшаются именно тогда, когда, согласно традиционной историографии, происходит поступательное общественное развитие? Почему вновь и вновь разделение полов стараются представить как естественный процесс? Ведется эмпирическое исследование связанной с полом социализации, изучаются формы половой идентичности в семье. Большое внимание уделяется изучению литературного дискурса и его связи с социальной действительностью, особенно в переходные эпохи; вводятся и разрабатываются понятия женского и мужского письма.

Много внимания в рамках гендерной истории продолжает уделяться изучению «женской темы». Исследуются «изображения женственности»: *femme fatale* (роковая женщина), блудница, святая и пр., и их функции; выявляются желательные и обременительные общественные идеалы для женщин. Важным шагом стало осознание наличия социальных различий внутри женского сообщества - того факта, что зачастую речь ведется о «белой женщине среднего класса». «Золотая клетка» и критика сексизма, как главные проблемы этой части женского сообщества, оказываются несущественными для представительниц других социальных групп.

Одно из наиболее активно разрабатываемых направлений гендерной истории сосредоточено на изучении «мира воображаемого» - представлений о гендерных ролях и различиях, причем с особой остротой поднимается вопрос о соотношении гендерного сознания, разнообразных форм дискурса и общественной практики. Существенный прогресс в этом направлении тесно связан с новыми тенденциями в историографии, с расширением ее эпистемологических основ на фоне общего крутого поворота в развитии современного гуманитарного знания и нового сближения истории и литературы. Однако, анализ литературных текстов ставит перед историей гендерных представлений дополнительные и весьма серьезные методологические проблемы.

Концепции других гендерных исследований гораздо ярче обнаруживают свои постмодернистские истоки: представление «непрозрачности» любого, тем более литературного текста как впрочем и самого языка) и его неререференциальности относительно «объективной» действительности, подчеркивание роли знаковых систем в конструировании реальности - вплоть до сведения всей гендерной истории к истории гендерных представлений. И именно в этой связи особый интерес представляют попытки соединить литературоведческий анализ с подходами и достижениями социальной истории. Инициатива в этом направлении принадлежит представителям нового поколения литературоведов, не только стремящимся уйти от расхожего дуализма «представлений и реальности», «литературы» и «социального фона»,

«индивида» и «общества», «культуры элиты» и «народной культуры», «творчества» и «восприятия», или производства и потребления культурных текстов, но и убедительно демонстрирующим, наряду со своими узкопрофессиональными навыками, глубокое знание социально-исторического контекста, в котором были созданы литературные произведения. В этих работах социальные отношения и представления, структурирующие этот контекст, рассматриваются отнюдь не как необязательный общий фон, без которого можно было бы обойтись при прочтении литературного текста, если понимать последний как «вещь в себе». Напротив, именно им отводится определяющая роль в отношении всех видов коллективной деятельности (в том числе и языковой) и опосредованно - в формировании гендерного сознания.

Самая представительная группа гендерных исследований в области европейской истории всех эпох посвящена институтам семьи и брака, которым, несомненно, принадлежала и все еще во многом принадлежит решающая роль в определении индивидуальных судеб и мужчин, и женщин.

Инициатива и огромная заслуга в разработке этой проблематики принадлежит специалистам в области исторической демографии (прежде всего так называемой «демографии женщин») и демосоциальной истории. Серьезный стимул был задан и работой феминистских теоретиков и практиков в общественных науках. Можно вспомнить, что еще в 1966 г. Джульеттой Митчел была предложена и стала достаточно популярной модель, в которой социальное положение женщин определялось комплексом, состоявшим из четырех структур: способ производства, система отношений между полами, система социализации детей и, наконец, тип воспроизводства населения.

В 1980-е гг. выходит ряд работ, в которых проблемы «домашней» жизни женщин рассматриваются в контексте истории крестьянской и городской семьи эпохи средневековья и раннего нового времени. В них были изучены различные аспекты истории семьи (демографический, экономический, правовой, социологический, психологический), раздельно и в комплексе и, кроме того, в непосредственной связи с основными тенденциями общественного развития. Речь идет, в частности, об исследованиях американских историков-медиевистов Барбары Ханавалт, Дэвида Николаса, Джудит Беннетт и некоторых других, которые позволили оспорить научную состоятельность моделей средневековой семьи, ранее априорно сконструированных путем противопоставления (Э. Шортер, Л. Стоун) или отождествления с семьей нового времени (А. Макфарлейн). Результаты проведенных исследований с использованием уникального массового материала (судебные протоколы, различного рода криминальные расследования и т.п.) убедительно опровергли

представления о том, что супружеская семья в доиндустриальной Европе являлась лишенным эмоций экономическим союзом и что сердечной склонности и сексуальной привлекательности не находилось места в браке.

В конце 1980-1990-е гг. все больше исследователей обращаются к изучению «семейных проблем» в контексте социокультурной истории, а географический и хронологический диапазон такого рода работ существенно расширяется.

Одной из центральных категорий, привлекающих исследовательский интерес, является женский опыт; психоаналитический и марксистский подходы ставят его в зависимость от психологии развития или от экономических пертурбаций. Изучаются латентные формы политического поведения женщин.

Границы между гендерной и «женской историей» размыты, точного разделения нет, но есть определенная перестановка акцента. Женские исследования осуществлялись в традиционных исследовательских формах, стремясь к тому, чтобы назвать различия между мужчинами и женщинами, к сбору информации о женщинах и от женщин. А гендерная история стремится не к продолжению критики притеснения женщин, но к критическому анализу механизмов иерархизации. Цель современной гендерной истории видится в написании «новой» всеобщей истории, включающей анализ общественной иерархии, основанной на гендерных нормах, стереотипах, идентичностях.

Гендерная история на всех этапах своего развития добавляла женские имена в историю. В итоге в учебниках появились страницы, посвященные выдающимся женщинам, социальному положению женщин различных социальных слоев, их повседневной жизни. В рамках «женской истории» нашли себе место изучение женского движения, форм организации, жизненных концептов и жизненных сфер женщин.

В книге Л. Репиной «Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого» рассмотрены становление и развитие женских и гендерных исследований в историографии, представлены наиболее значимые результаты гендерно-исторических исследований, заставившие во многом пересмотреть сложившуюся в историографии картину европейского прошлого. Ею был использован конкретно-исторический материал, относящийся к истории крупнейших западноевропейских стран, а также проводится сопоставление данных по разным регионам Европы. Особое внимание уделяется переломным эпохам европейской истории. Намечены открывающиеся перед историками перспективы реинтерпретации европейского прошлого с учетом гендерного измерения.

Множество публикаций текстов, их переводов и каталогов, сотни специальных статей, эссе, рецензий, книг и диссертаций, посвященных ренессансным спорам о женском характере (включая их визуальное преломление) свидетельствуют об огромном интересе историков, литературоведов, искусствоведов к этой тематике гендерных исследований. Их популярность во многом объясняется тем, что в своих работах последнего десятилетия представители и представительницы «новой интеллектуальной истории» не только блестяще продемонстрировали интереснейшие повороты ожесточенной идейной борьбы и показали активность женщин в развернувшейся в Европе XVI-XVII вв. полемике о «природе женщин», но и предложили оригинальные ее интерпретации, которые дали старт дискуссии о возникновении идеологии феминизма в XVII в. Несмотря на привычное отсутствие единодушия, которое проявилось и в этом вопросе, некий компромисс все же был достигнут. И наиболее ярко он выразился, вероятно, в признании того, что «хотя защитницы женщин и не требовали реформ, которые могли бы улучшить их социально-политическое положение, они помогли заложить основание для более активного феминизма, воспитывая в женщинах уверенность в своих интеллектуальных и нравственных достоинствах».

Л. Репина отмечает, что среди важнейших концепций, определявших правовую ситуацию женщин, справедливо выделяется понятие чести, которое имело высокую степень гендерной дифференцированности, независимо от социальной принадлежности женщин, понятие чести имело всецело гендерное содержание.

Вопросы к обсуждению:

- 1 Гендерная дифференциация в хозяйственной и правовой сфере.
- 2 Гендер, власть и концепция «разделенных сфер».

Лекция 11. Нации и национализм: теория и практика исследований

Цель лекции: теория и практика исследований, посвященных нации и национализму.

1. Национальная политика и национальное государство: ключевые конструкты научных школ.
2. Б. Андерсон. Происхождение национализма.
3. Символы и память нации.

Литература:

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. - М., 2001. - 288 с.
- Андерсон Б. Копия, аура и поздненационалистическое воображение // Логос. - 2007. - №1 (58). - С. 72-83.
- Армстронг Д. Украинский национализм: факты и исследования / пер. с англ. П. Бехтина. - М.: Центрполиграф, - 2008. - 368 с.
- Бердяев Н. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Бердяев Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. Париж, 1990. - Т. 4. - С. 252-296.
- Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Часть 1 // Ab imperio. 2000. - № 1. - С. 3-25.
- Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Часть 2 // Ab imperio. 2000. - № 2. - С. 29-54.
- Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. - М., 2004. - С. 83-102.
- Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. - М.: Прогресс, 1991. - 320 с.
- Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. - М.: Московская школа политических исследований, 2004. - 240 с.
- Калхун К. Национализм. - М., 2006. - 288 с.
- Кон Х. Идея национализма // Ab imperio. - 2001. - № 3. - С. 69-93.
- Оруэлл Дж. Заметки о национализме // Оруэлл Дж. Лев и Единорог: эссе, статьи, рецензии. - М., 2003. - С. 211-228.
- Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12-ти т. / пер. с французского под ред. В.Н. Михайловского. - Киев, 1902. - Т. 6. - С. 87-102.
- Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - С. 236-263.
- Смит Э.Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. - М.: Праксис, 2004. - 464 с.
- Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: монография. - М.: МГИМО-Университет, 2008. - 176 с.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. - СПб., 1998. - 305 с.
- Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - С. 332-346.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - С. 121-145.

В начале XIX в., благодаря усилиям историков и при поддержке государства, формируется принципиально новый тип историографии - национально-государственная.

Национально-государственная историография может выполнять разные прагматические функции. Прежде всего, она может ориентироваться на конкретные политические цели. Так, например, в работах итальянских, немецких и американских историков середины XIX в. часто ставилась и решалась задача содействия национально-государственному объединению. Точно так же национально-государственная историография может обосновывать внешнеполитические притязания, прежде всего территориальные (будь то Эльзас, Македония, Кашмир или Курильские острова). Но все же главные прагматические функции национально-государственной историографии связаны с задачами национальной самоидентификации и самоутверждения, т.е. формирования «образа нации».

Роль истории в национальной самоидентификации начала активно обсуждаться в середине XIX в. Например, И. Дройзен в своей речи, произнесенной при вступлении в Берлинскую Академию наук в 1868 г., подробно говорил о том, «какое значение, в том числе и политическое, имеет задача дать народу образ самого себя в его истории». Проблема состоит в том, что идентификация себя вольно или невольно реализуется путем сопоставления с другими. Этот подход переносится и на нацию, которая начинает рассматриваться как некая целостность и наделяется персонифицированными чертами - духом и т.д. В результате в национальной истории на первом плане оказывается национальный консенсус; народ в целом противопоставляется государству - государству.

На этапе формирования национальных государств и национального самосознания «националистическая история», видимо, оказывается неизбежным явлением и, как правило, не только не вызывает протестов в обществе, но и, по большей части, приветствуется им.

Говоря о национально-государственной историографии, следует иметь в виду, что на протяжении последних двух веков она существенно видоизменялась. Точно так же варьировалась степень ее «национализма», равно как и конкретные формы его выражения. Национализм историков-романтиков первой половины XIX в. был преимущественно либеральным и исходил из возможности мирного сосуществования, по крайней мере в Европе, свободных наций.

«Интернациональный» подход к национальным историям вплоть до середины XIX в. сохраняли и многие представители других исторических школ. Например, Л. фон Ранке писал вполне объективные национальные истории не только Германии, но и Франции и Англии. Но во второй половине XIX - первой трети XX вв. процесс национализации истории идет по нарастающей. Национально-государственные истории становятся все более этноцентричными, ориентированными на идею

превосходства собственной нации над другими. Не случайно в конце XIX в. появляется сам термин «этноцентризм», предложенный Л. Гумпловичем.

В конце XIX - начале XX в. историки начали активно участвовать в оценке текущих событий, манипулируя аргументами из прошлого. Более того, некоторые историки начали выступать даже не как носители, а как провозвестники националистических идей.

С 1920-х гг. «националистическая историография» становится объектом критики, и термин «национализм» приобретает негативный оттенок в демократически ориентированной части профессионального сообщества. С середины XX в. профессиональные историки в развитых странах в целом начинают бороться с националистической историографией, и она постепенно выводится за рамки исторической науки. Ныне в развитых странах в научных исторических работах националистические обертоны почти незаметны, но они вполне различимы в учебниках (особенно школьных) и научно-популярных работах.

В то же время в 1960-е годы появляется национальная историография развивающихся стран, в том числе бывших колоний, и здесь мы снова сталкиваемся с самыми крайними националистическими версиями историописания. Постепенно уровень национализма в историографии этих стран начал идти на убыль, поскольку историки из стран «третьего мира» стали все активнее вовлекаться в мировое научное сообщество (благодаря обучению в западных университетах, стажировкам, участию в международных конференциях, публикациям в международных журналах).

Наконец, в 1990-е гг. возникла новая волна националистической историографии, на этот раз в ставших независимыми бывших советских республиках. Поскольку многие историки в этих странах пока продолжают существовать в условиях автаркии, здесь сохраняются и крайние проявления национализма и в сфере профессиональной историографии.

Даже в тех случаях, когда сами историки отказываются от идеологизированного подхода, их работы могут использоваться различными националистическими идеологиями. Как справедливо заметил Э. Хобсбаум, - «... историки для национализма - это то же самое, что сеятель мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем... Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки - это люди, которые «производят» это прошлое».

Национализм является одной из идеологических доктрин современности, сыгравшей ключевую роль в политической мобилизации масс и, в отличие от «классических» партийно-политических идеологий,

продолжает набирать обороты на рубеже XX-XXI вв. Эта идеология дает национальным движениям «особые символы, образы и понятия (например, «народ», «родина», подлинность, судьба и независимость)».

Эрик Джон Эрнест Хобсбаум (1917-2012) - британский историк-марксист, наиболее известный работами о «Долгом XIX веке» («Эпоха революций: Европа 1789-1848», «Эпоха капитала: Европа 1848-1875» и «Век империй: Европа 1875-1914») и «Коротком XX веке» («Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914-1991»), теоретик и критик национализма.

Впрочем, не все согласятся с безоговорочным отношением национализма к идеологиям, поэтому этот тезис, видимо, нуждается в некоторой дополнительной аргументации. Отметим только некоторые «родовые» признаки, позволяющие, по нашему мнению, числить национализм по разряду идеологий. Национализм, как и любая идеология, предлагает целостный взгляд на общество и представляет собой набор взаимосвязанных социально-политических идей. Как идеология он обладает мобилизующим политическим потенциалом, генерирующим социальные (национальные, националистические, расовые, этнические) движения и легитимизирующим созданные на базе этих движений институты, вплоть до национального государства.

Наконец, как и положено идеологии, национализм партикулярен. Причем его партикулярность проявляется в двух смыслах: в границах общественной системы (межгосударственной или государственной), где каждая нация исповедует свой национализм, и в пределах самой «нации», не все представители которой индоктринированы национальной/государственной идеей. Ибо, как пишет Э. Хобсбаум, «...мы не вправе считать, будто для большинства людей национальная идентификация - если таковая существует - исключает или всякий раз (или вообще когда-либо) превосходит по своей значимости все прочие способы самоидентификации».

Практически все исследователи сходятся в том, что как идеология и движение национализм представляет собой явление современности. Столь же бесспорно, что и этот тип идеологии обладает отчетливой темпоральной структурой, в которой активизированы и знания о прошлом, и представления о настоящем, и проекты будущего. Причем «реальное» и «идеальное», рациональное и мистическое в разных национальных идеологиях сочетаются в самых причудливых пропорциях.

На первом этапе национальные идеологии создавались совокупными трудами представителей искусства, философии и общественных наук. По

мнению французского историка П. Нора: «В Германии, например, носителями национальной идеи являлись в основном философы. В Центральной и Восточной Европе гарантом и зародышем ее развития был национальный фольклор. Во Франции роль организатора и руководителя национального сознания всегда принадлежала историкам».

На протяжении почти всего XX в. национализм трактовался как идейно-политическое обоснование интересов определенной социальной группы, а именно – нации. При этом само существование нации, равно как и национальных интересов, в качестве «объективной реальности» сомнению не подвергалось. Различия в трактовке национализма были связаны только с формами выражения национальной идеи - умеренный национализм в целом приветствовался, а осуждению подвергался крайний, агрессивный, национализм, не просто отстаивающий интересы той или иной нации, но утверждавший ее превосходство над другими. Однако в 1983 г. одновременно появились программные книги, выдвинувшие две конкурирующие гипотезы об истоках и происхождении национализма и связи этой разновидности идеологии с понятием нации. Это были «Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма» Б. Андерсона и «Нации и национализм» Э. Геллнера. В основе методологии обоих исследований лежал неомарксистский подход, дополненный постмодернистской темой деконструкции. В рамках той и другой концепции нации трактовались как культурные артефакты, но в одном случае как продукт коллективного (массового) «воображения», а в другом - как «изобретение» политической элиты. В любом варианте из области «реально» существующих нации переводились в конструктивистский дискурс.

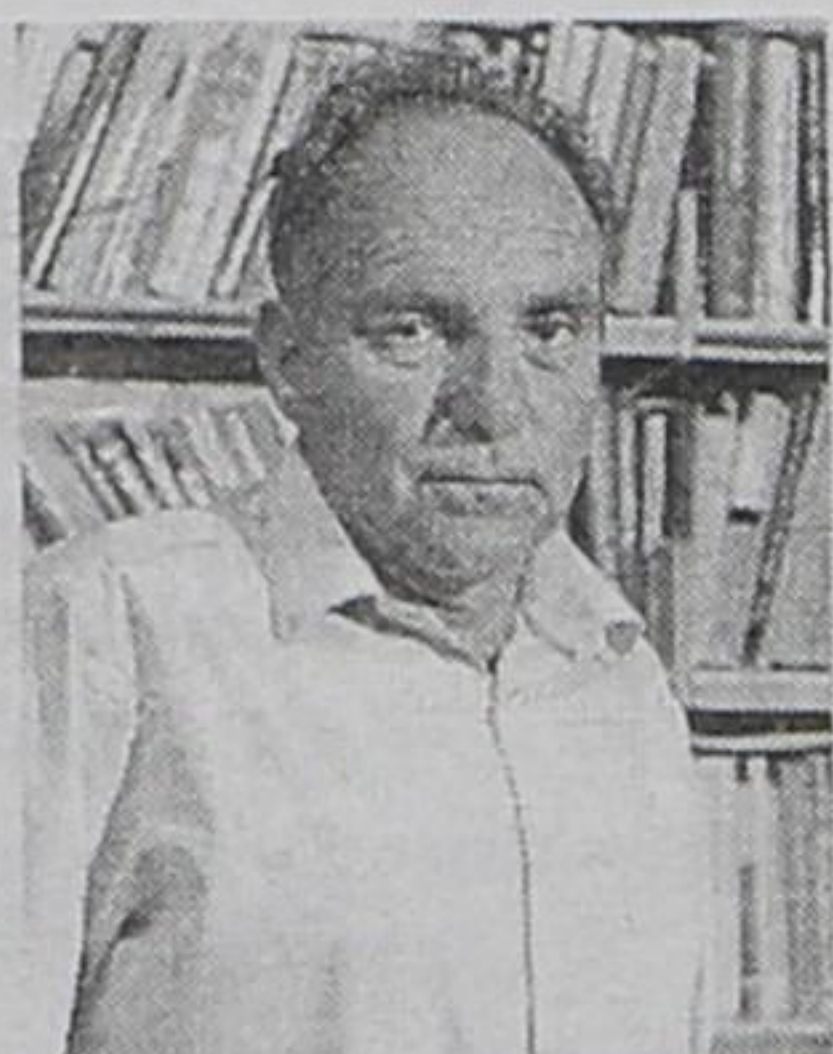
Бенедикт Ричард О'Горман Андерсон (1936-2015) - британский политолог и социолог, профессор Корнеллского университета, автор книги «Воображаемые сообщества», в которой описываются основные факторы, повлиявшие на возникновение и развитие национализма.

В рамках подхода, предложенного Б. Андерсоном, нации связаны с идентификацией на основе этнического сообщества (воображаемого), которая оформляется в конце XVIII - начале XIX вв., но укоренена в более далеком прошлом. Исследователи, занимающие эту позицию, концентрируются на поисках культурных предпосылок или «основ»

национального сознания в самом народе, которое националистически ориентированные интеллектуалы лишь «вычлняют». Тем самым «негосударственные» признаки национальной общности: культура, язык, историческая территория, прошлое - считаются «реальными» и служат легитимным основанием для консолидации сообщества, но само сообщество (нация) полагается «воображаемым» артефактом. По мнению Андерсона,

«Сотворение этих артефактов к концу XVIII в. было спонтанной дистилляцией сложного «скреждения» дискретных исторических сил, но стоило лишь им появиться, как они сразу стали «модульными», пригодными к переносу (в разной степени сознательному) на огромное множество социальных территорий и обрели способность вплавлять в себя или самим вплавляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций».

Нация в такой трактовке выступает как характерный для современного общества способ связать воедино пространство, время и человеческую солидарность, а национализм оказывается в одном ряду с родством или религией, а не с либерализмом или фашизмом.

Эрнест Андре Геллнер (1925-1995) - английский философ и социальный антрополог, профессор философии, логики и научного метода Лондонской школы экономики Лондонского университета (1962-1984), профессор социальной антропологии Кембриджского университета (1984-1993), основатель и директор Центра по исследованию национализма при Центрально-Европейском университете в Будапеште (1993-1995).

В рамках второго подхода, представленного в работах Э. Геллнера и некоторых других авторов, национализм определяется как «изм», доктрина, которая транслируется от интеллектуалов в массовые движения. В этом случае типология национализма может строиться на основе сочетания с разными видами классических и новых идеологических доктрин, например: либеральный, гуманитарный, традиционный, интегральный и др. национализмы. В логике этого подхода утверждается, что нация и ее прошлое - это идеологическая или историческая конструкция, которая возникает в конце XVIII - начале XIX вв., и тем самым нация не есть реальность, ибо само это понятие создано в рамках национализма как идеологической доктрины. Как пишет Э. Геллнер: «Нации как естественные, Богом установленные способы классификации людей, как некая исконная... политическая судьба - это

миф, ... национализм, который превращает предшествующие культуры в нации, иногда сам изобретает подобные культуры, а порой полностью стирает следы прежних культур».

Таким образом, Э. Геллнер считает нацию идеологическим фантомом, порожденным националистической идеологией: «Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию, он изобретает нации там, где их не существует».

Надо сказать, что идущая уже более двадцати лет дискуссия вокруг этих работ выглядит несколько надуманной. Во-первых, совершенно очевидно, что понятие нации в современном смысле начинает формироваться только с конца XVIII в. и упрочивается лишь в XIX в. (в этом сходятся сторонники обеих концепций). Как показано во множестве исследований по истории понятий, до XVIII в. слово «нация» (лат. *natio*, от *passi* - рожден) хотя и употреблялось, но имело гораздо более узкий смысл, обозначая или родовую общность, или землячество в средневековых университетах, на церковных соборах и т.д. Термин «национализм» впервые был использован в работе некоего аббата Барруэля, опубликованной в 1797-1798 гг., постепенно распространяться в европейских странах он начинает с 1830-х гг., но, скажем, во французском словаре «Larouss» это слово появилось только в 1874 г.

Во-вторых, с точки зрения социологии знания, все социальные феномены являются мыслительными конструктами, что не мешает им превращаться в «реальность» в результате их коллективного признания и социальной объективации.

В-третьих, достаточно общим местом является утверждение, что современное понятие нации было сформировано европейской интеллектуальной и политической элитой (впрочем, как и все остальные понятия, возникшие в XVIII-XIX вв.). Но в то же время любому историку ясно, что зачатки «национальной» идентификации (или самоидентификации) возникают еще в глубокой древности. Вопрос заключается лишь в том, какие основные формы такой идентификации можно выделить, как они эволюционировали в Новое время и с какими разновидностями национализма они связаны.

Как показано во множестве исследований, процесс образования национальных государств в XVIII и особенно в XIX вв. сопровождался активным созданием национально-государственной символики (гимнов, флагов, монументов, «мест памяти», праздников и различных церемоний и ритуалов). В рамках этого процесса «изобретения традиций» в том числе использовались и различные этнические компоненты (элементы фольклора, музыки, обрядов, одежды населяющих то или иное государство народностей). При этом часто активизировались абсолютно

маргинальные или практически забытые к этому времени этнокультурные символы или они вообще придумывались заново.

Что касается соотношения наций и национализма (условно говоря, массовой коллективной идентичности и верхушечной идеологии), то здесь наиболее разумной выглядит компромиссная позиция, представленная, в частности, в работах Э. Хобсбоума. Он справедливо отмечает, что национальные феномены имеют двойственный характер: в главном они конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более - националистическими по своей природе.

Спор о том, действительно ли те или иные национальные идеологии выражают «национальные интересы» и существуют ли нации «на самом деле», вообще говоря, не представляет особого интереса. Ситуация здесь практически идентична случаю с «классовыми идеологиями» и, соответственно, понятием «класса»: довольно долго шла дискуссия о том, существуют ли классы на самом деле и выражает ли, например, марксизм, интересы рабочего класса. Но применительно к «классовым идеологиям» от этих дискуссий отказались уже много лет назад (что отнюдь не мешает исследовать, например, социалистическую идеологию), а в отношении «национальных идеологий» они почему-то продолжают по сей день.

Националистические идеологии можно классифицировать самыми разными способами. С точки зрения нашего анализа, при классификации националистических идеологий по способам конструирования темпоральной картины социального мира целесообразно отталкиваться от используемых в этих идеологиях концепций нации. В частности, еще Ф. Мейнеке в работе «Мировая буржуазия и национальное государство» (1907) предложил различать два типа наций - культурные и государственные (нем. *Kulturnation* и *Staatnation*): «Вопреки всем оговоркам, которые нужно сразу же сделать, нации можно разделить на культурные и государственные, то есть на нации, которые преимущественно основаны на каком-то культурном наследии, появившемся в результате совместной жизни, и на нации, которые основываются преимущественно на объединяющей силе общей политической истории и конституции».

Государственное понимание нации направлено прежде всего на ассимиляцию, культурное — на дифференциацию. Двум концепциям нации соответствуют два типа национальной идеологии, в которых по разному выглядит соотношение прошлого, настоящего и будущего. Там, где не было государства, националисты конструировали из мифов

прошлого и перспектив будущего идеальное отечество, которое не было укоренено в настоящем и должно было реализоваться политически когда-нибудь в будущем. Там, где государство уже было, создавалось менее мифологизированное былое, но зато оно было больше наполнено политическими символами и ценностями и связано с политической историей. В этом случае важную роль играло конструирование прошлого, связанное с доминантой настоящего, господствующими идеями и институтами, например, свободы, демократии, индустриализма, парламентаризма и т.д.

Культурно-национальное понятие «нация» чаще всего иллюстрируется на примере Германии и Италии. Здесь до середины XIX в. отсутствовало территориальное государство как таковое, и чувство общности опиралось на язык и культуру. В качестве примера государственно-национальной версии обычно служат США и Франция. После национальных революций в каждой из этих стран нация понимается как сообщество граждан, которые равны перед законом, независимо от социального положения, происхождения, языка или религии. Например, как следует из работы Ф. Броделя «Что такое Франция», границы Франции в гораздо большей степени были определены геополитикой, чем этнографией.

Согласно национально-государственной точке зрения, культура, происхождение и язык являются вторичными факторами или не играют никакой роли, этнические границы по возможности игнорируются. Государственно-национальная концепция исходит из преимущественно политического содержания нации, которая образуется на основе уже существующего государства. Культурная интерпретация ориентируется на этническое содержание, и в качестве предпосылки нации выступает конкретный этнос (народ). При этом государство в большинстве случаев отсутствует, но в нем существует острая потребность, и основатели государства решают одновременно задачи национального строительства - сам термин говорит о многом.

Различие между двумя типами националистических идеологий отчетливо проявляется на лексическом и уровне. В рамках государственно-политического подхода популярными словами являются «страна», «родина», «отчизна», «патриотизм» и т.д. В рамках этнокультурного подхода ключевыми терминами оказываются «национальный дух», «национальное предназначение», «национальный характер» и т.д., хотя в современном научном сообществе эти понятия имеют разный статус. Если по поводу «духа» или предназначения возникают сомнения, то такой важный элемент как национальный характер - признанный атрибут этноса, народности, народа в той же мере, что и нации. Это очень древнее представление было известно задолго до

«учреждения» наций, и «нации» его не отменили. Если нацию определенная часть исследователей считает идеологической конструкцией, то понятие «национальный характер» гораздо менее идеологизировано, и многие до сих пор числят его по разряду «объективной реальности».

Различие между государственно-политической и этнокультурной концепциями наций и соответствующих им националистических идеологий прочно укоренилось в литературе, однако оно, конечно же, является аналитическим и нормативным. Современное понятие нации, сложившееся в XIX в., объединило (или скорее перемешало) этнические и государственные аспекты. Соответственно и национализм находился в процессе адаптации, приспособляясь к разным историческим временам, политическим режимам, экономикам и социальным структурам. Даже самые чистые «образцы» политического и культурного национализма включают элементы конкурирующей концепции, равно как и отклонения от идеальных моделей. В любом случае и политический, и культурный национализм активно использовали фольклор, традиции, знание о прошлом и политизацию религии как способы создания или укрепления культурной и политической общности.

Националисты создают то прошлое, которое легитимизирует их притязания на государство и территорию, свою или чужую, на политическое доминирование и обладание культурным капиталом. Их темпоральные представления очень зависят от конкретных национальных задач. Они могут почти всецело определяться политическим моментом, а могут - и призрачным идеалом будущего, но во всех случаях прошлое является важнейшим фактором формирования национальной идентичности и политической мобилизации.

Попытаемся теперь показать, какое прошлое «производят» историки и выделить основные особенности национально-государственной историографии, в большей или меньшей степени имеющие «националистический» характер. Исторический образ нации-государства состоит по меньшей мере из трех основных компонентов: а) происхождение и становление нации-государства; б) национальная гордость и в) национальный характер.

а) Происхождение и становление.

Повествование о бытии коллективной личности-нации в большей или меньшей степени опирается на иррациональные установки, присущие массовому сознанию. Национальная история, как пишет П. Нора, - это «практически мифологическая история». «Принцип ее и динамизм состояли в том, чтобы выбирать из прошлого только те факты, которые объясняют развитие «нации».

Тенденциозность и ангажированность национальных историй начинается уже с вопроса о происхождении нации. Прежде всего, эта история создает для каждого народа свою древность, используя в том числе и мифы, особенно когда речь идет о поисках «корней», уводящих в далекие времена. Нередко конструирование «начала» опирается на различные теории об особом происхождении «своего народа». Поиски корней ведутся либо на определенном пространстве, либо на основе этнической истории, но всегда очевидно стремление максимально удлинить историческое прошлое. Возраст народа сам по себе рассматривается как свидетельство его достоинств.

До Нового времени символом древности любого политического образования была древность царствующего рода. По поводу всех этих «родословных» еще в середине XVI в. французский историк Этьен Паскье скептически заметил: «На самом деле удивительно, как каждая нация считает большой честью для себя вести свое происхождение от разрушения Трои. Римляне в этой связи считают своим основателем Энея, французы - Франкиона, турки - Туркуса, британцы - Брута... Как будто Троя была питомником благородных мужей, которые должны были обеспечивать происхождение всех других стран».

В XVIII в. начинается «изобретение наций» и их истории, включая «народные традиции» и «исторические корни». На смену мифическим героям Троянской войны на роль «прародителей» приходят древние племена и государства. Учитывая, что историография XVII-XIX вв. преимущественно оставалась политической, национально-государственная историография шла по пути включения в национальную историю прежде всего всех государственно-политических образований, которые когда либо располагались на нынешней территории (даже если речь шла о небольшой части нынешней территории или небольшой части когда-то существовавшего государственного образования). Поэтому уже в первой половине XIX в. история Франции, например, включала в себя историю Бургундии, Нормандии, империи Карла Великого и Франкских королевств.

Политико-географический подход влиял и на представления об этнических корнях нации. При этом возникали фантастические анахронизмы; например, Ж.Э. Ренан в работе «Что такое нация?» (1882) писал: «Уже в X в. все обитатели Франции были французами. Идея различия рас в населении Франции абсолютно исчезла вместе с французскими писателями и поэтами эпохи Гюго Капета». Только в начале XX в. П. Видаль де ла Блаш попытался остановить этот поток анахронизмов и процесс «национализации» прошлого, задав сакраментальный вопрос: «Является ли Франция географической реальностью?»

«Изобретение наций» повлияло и на национально-историческую идентификацию правящих династий. Как известно, на европейском континенте члены одних и тех же династических семей часто правили в разных, подчас даже враждующих, государствах: Бурбоны - во Франции и Испании, Гогенцоллерны - в Пруссии и Румынии, Виттельсбахи - в Баварии и Греции и т.д. Только к середине XIX в. «в силу быстро растущего во всей Европе престижа национальной идеи, в евросредиземноморских монархиях наметилась отчетливая тенденция постепенно склоняться к манящей национальной идентификации. Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы - что они англичане, Гогенцоллерны - что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.»

Изменения произошли и в подходе к предкам царствующих фамилий. На смену мифическим персонажам пришли более реальные властители, но одновременно этим древним персонажам стала присваиваться «правильная» национальность. Один из наиболее ярких примеров такого рода - вопрос об этнической принадлежности первых русских князей, полемику по поводу которого еще выдающийся русский историк В.О. Ключевский назвал «симптомом общественной патологии».

Если в вопросе о происхождении национального государства часто доминируют этнические мотивы, то история его становления имеет преимущественно государственно-политический оттенок. Для национально-государственной истории особое значение приобретают такие темы, как изменение территориальных границ, развитие и укрепление государственной власти, изменение формы властных отношений и политического устройства. Соответственно, развитие национальной государственности иллюстрируется прежде всего описаниями войн и территориальных захватов (или потерь), причем особое внимание уделяется так называемым национально-освободительным войнам, в результате которых данное государство получило политическую самостоятельность. В результате в национально-государственной историографии очень высок удельный вес военно-политической истории. Много внимания уделяется также периодам царствования наиболее могущественных правителей, способствовавших централизации власти, а также различным политическим переворотам и революциям, менявшим систему властных отношений в государстве.

б) Национальная гордость.

Одной из задач национально-государственной историографии является формирование чувства национальной гордости, вплоть до ощущения национального превосходства. Оставляя в стороне крайние этноцентричные и шовинистические сочинения, которые относятся все же к националистической идеологии, а не к истории, остановимся на более

мягких формах акцентирования достоинств той или иной нации-государства.

Так, в XIX в. одной из популярных среди историков тем была оценка «вклада в цивилизацию» своей страны или нации. Французские историки выдвинули версию, согласно которой именно Франция возглавила движение за цивилизацию. В лекциях по «Общей истории европейской цивилизации», прочитанных в Сорбонне в 1828 г., Ф. Гизо заявлял, что «Франция была центром, домом цивилизации в Европе». Э. Кине писал, что некоторые другие страны добились превосходства в одной области: Италия - в искусстве, Германия - в науке и религии, Англия - в промышленности, Соединенные Штаты - в свободе, но только Франция обладала инстинктом цивилизации, потребностью взять на себя инициативу в обеспечении прогресса современного общества.

Еще забавнее выглядела национализация прошлого по-американски, осуществленная пионером американской историографии Дж. Бэнкрофтом, который, как пишет Д. Бурстин, появился на американском горизонте, когда граждане «этой новой и еще не устоявшейся страны отчаянно стремились найти знаки и символы своей национальности». В своей речи «Необходимость, реальность и будущее развитие человеческой расы» (1854) Бэнкрофт так выразил свое понимание исторической роли США: «Наша страна собирает не только людей со всех стран, но и их идеи. Уничтожьте прошлое любой ведущей нации мира, и наша судьба изменилась бы. Италия и Испания в лице Колумба и Изабеллы соединились вместе для великого события, которое открыло Америку для эмиграции и торговли; Франция способствовала ее независимости; поиски происхождения языка, на котором мы говорим, привели нас в Индию, наша религия пришла из Палестины; из тех гимнов, что мы поем в церквях, некоторые прозвучали впервые в Италии, другие - в аравийских пустынях, третьи - на берегах Евфрата; наше искусство пришло из Греции; наше правосудие - из Рима; наш морской кодекс - из России; Англия обучила нас системе представительного правительства... Поэтому наша страна более, чем какая-либо другая, демонстрирует воплощение единства человеческой расы».

Однако эти мучительные поиски «интернациональной» американской идентичности привели, как заметил Д. Фурман, к возникновению в XX в. таких непостижимых для европейца понятий как «100-процентный американец» и «антиамериканская деятельность».

В национально-государственной историографии можно выделить и другие способы самоутверждения, демонстрации превосходства, значимости, важности своей страны. Прежде всего это военная мощь и победы в битвах над противниками. Интересно, что изменения в системе ценностей, произошедшие на протяжении последних веков, и

гуманизация сознания мало сказались на подборе воинственных примеров из «великого прошлого». И хотя нынешние историки мало говорят о массовых злодеяниях и преступлениях своих предков, они по-прежнему гордятся победоносными войнами и другими свидетельствами мощи своего государства, даже если им сопутствовала жестокость.

Справедливости ради надо отметить (и это видно даже из приведенной выше цитаты Бэнкрофта), что в Новое и новейшее время объектами национальной гордости становятся не только военные победы. Для национального самоутверждения крайне важны достижения в области культуры (архитектурные памятники или литературные шедевры, приоритет в открытиях и изобретениях и т.д.). Наконец, с XIX в. еще одним объектом национальной гордости становится политическая система – для демократических стран это, естественно, демократия, для многих историков царской России – самодержавие, для советских историков – «власть советов» и т.д.

Прагматическая установка на формирование чувства национальной гордости имеет ярко выраженный презентистский оттенок. Если «достижения» имели место в прошлом (например, развитие литературы в XIX в.), то они «осовремениваются», используются как продолжающее действовать доказательство нынешних претензий на «значимость» данной нации-государства. Вместе с тем характеристики нынешней ситуации (например, демократическая система правления), которые объявляются предметом национальной гордости, переносятся в прошлое и выступают в качестве доказательства исконного, исторического превосходства.

в) Национальный характер.

Национальный характер тоже может быть объектом гордости, но, как правило, – это признак особенности данной нации, в отличие от направленных на формирование чувства национальной гордости «достижений», которые фиксируются на основании uniformных параметров, условно говоря, в рамках некоего «общего соревнования» всех наций с государствами.

Интерес к национальному характеру возник еще в античности, четко артикулировался в средневековой Западной Европе и в Византии, и в той или иной мере сохранялся на протяжении Нового времени. Можно утверждать, что в наши дни изучение национального характера идет по нарастающей. Становление исследований «национального характера», в том числе на историческом материале, в середине XX в. стимулировалось откровенно политическими целями. Например, в годы Второй мировой войны заинтересованность американского министерства обороны в знании особенностей психологического склада участвующих в войне наций обусловили обилие прикладных исследований

«национальных характеров» в американской антропологии. Именно тогда в американских военных кругах возникла мысль о том, что «понимание психологии наших врагов и их лидеров было бы полезно для планирования действий в военный и послевоенный периоды, а также было бы полезно знать психологические характеристики наших союзников, особенно если они когда-нибудь могут стать нашими врагами. Подобным же образом знание американского национального характера может помочь поднять моральный уровень и боевой дух».

В современной литературе понятие «национальный характер» обычно используют для описания устойчивых личностных особенностей, типичных для членов той или иной национальной или этнической группы; при этом исследуются доминирующие в группе паттерны внешнего поведения или некие общие «глубинные» психологические механизмы, специфические для членов данной группы. К устойчивым личностным особенностям необходимо добавить еще нормы и ценности, определяющие национальный характер.

Заметим, что активно присутствующая в национально-государственной историографии тема «национального характера» несет в себе очень сильный элемент антиисторизма: «национальный характер» и «национальный дух» издавна трактовались и по существу до сих пор трактуются как неизменные. В результате по крайней мере со времен романтиков «исторический путь» нации представал как predetermined. Как писал А. де Токвиль о создателях национальных «Историй», они «не только отказывают любым отдельным гражданам в возможности влиять на судьбу своего народа, но также отнимают у самих народов возможность изменять собственную участь... По их мнению, каждая нация имеет свою неизбежную судьбу, predetermined ее положением, происхождением, ее прошлым и врожденными особенностями, и эту судьбу никакие усилия не смогут изменить. Они представляют поколения в их неразрывной взаимосвязи и, восходя таким образом от века к веку, от одних неизбежных событий к другим неизбежным событиям, достигают времен сотворения мира и куют мощные цепи, опутывающие весь род людской».

Проявления «национального характера» или «национального духа» также часто иллюстрируются на примере истории внешнеполитических военных конфликтов. Даже в случае военных поражений или утраты политической независимости каждый народ проявляет «стойкость», «мужество», «героизм», «любовь к родине» и т.д. В случае военных побед и территориальных захватов к этому добавляется «справедливость», «милосердие» и проч. Кроме того, национальный характер часто выступает в связке с национальным превосходством, как в качестве

основы «достижений» (трудолюбие, талантливость, коллективизм и т.д.), так и для оправдания их отсутствия...

Прагматическая ориентация национально-государственной историографии определяет специфические черты данного типа идеологизированной истории, влияет на отбор действующих лиц, значимых исторических событий и периодов, равно как и на их интерпретацию.

Так, главными «героями» национально-государственной истории становятся лица, которые способствовали становлению и укреплению государственности, служат символами ее мощи и достижений или являются выразителями «национального духа». Не удивительно, что при таком подходе в числе главных исторических персонажей оказываются, прежде всего государственные и политические деятели, военачальники, затем деятели культуры и науки и, наконец, «народные герои»

Точно так же решается судьба событий. В число основных объектов национально-государственной историографии попадают те, которые отражают или важные этапы становления государственности (борьба за национальную независимость, революции и т.д.), или проявления национального превосходства и национального духа. В результате в историях наций мы обнаруживаем все известные нам приемы «игр со временем»: пропуски исторического времени, переносы «начала» и «конца», удлинение и сжатие времени. В национализированной истории «связь времен» прошлого и настоящего достигается за счет отрицания целых пластов прошлого.

В современной политической науке нет однозначного понимания такого явления, как национализм, в опубликованных исследованиях национализм предстает как многоаспектный феномен, что связано, в частности, с неоднозначностью первичного по отношению к нему понятия «нация».

Национализм обладает большой притягательной силой. Поэтому он и существует с момента возникновения современных государств. Можно даже сказать, что не государства породили национализм, а национализм - государства. Упрощенные формы националистической идеологии: «это наша страна, мы главные, мы государствообразующая нация, мы чище, древнее, культурнее», то есть достаточно простые идеи, воздействующие на обывателя. Национализм базируется на самом факте существования национальных государств, в которых власть принадлежит не царю, не богам, а делегируется от нации. Это один из элементов, которые обслуживают современные государства.

Лексикографическое определение национализма более очевидно, по крайней мере в нем отчетливо выражена принципиальная политическая составляющая: «Национализм - 1. Идеология и политика, исходящая из

идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости»

Если обратиться к научной практике, существует большое количество концепций нации и национализма. Нация может рассматриваться как идеологема, как факт политической реальности, как общность, обладающая рядом определенных характеристик, как общность, скрепленная единым чувством и самосознанием, как население того или иного государства, даже как фантом. Соответственно национализм рассматривается как идеология, как политическая доктрина или как переживание, самосознание. В одной из своих статей, посвященных проблеме изучения национализма, немецкий археолог, писатель Эдмунд Кисс вспоминает в связи с этим многообразием точек зрения образное сравнение «с тем знаменитым описанием слона, которое было сделано группой слепых, каждый из которых дотрагивался до различных частей тела этого животного»

Неоднозначность, многоаспектность феномена национализма ярко выразил американский ученый Бенедикт Андерсон в своем рассуждении о трех противоречиях национализма. По его мнению, они состоят в следующем: «Объективно современный характер нации с точки зрения ее историка / Субъективно древний характер нации с точки зрения националистов. Формальная всеобщность национальности как социокультурного понятия (в современном обществе любой человек может «иметь» национальную принадлежность, подобно тому, как он имеет пол) / Реальная особенность конкретных проявлений этой национальности, как, например, по определению греческая национальность отличается своеобразием.

Б. Андерсон предлагает выстраивать концепцию нации как «воображенного сообщества». Воображенными Б. Андерсон называет все сообщества, члены которых не знают и заведомо не могут знать лично или даже «понаслышке» большинство других его членов, однако имеют представление о таком сообществе, его образе. «Воображенная» природа подобных сообществ не свидетельствует об их ложности, нереальности. Крупные сообщества (а к ним относятся не только нации, но и классы) можно классифицировать по стилям и способам их воображения. Б. Андерсон ставит вопрос о том, в чем принципиальная новизна националистического способа воображения сообщества и каковы были предпосылки самой возможности вообразить нацию. «Описанию процесса, благодаря которому нация может быть воображена и, будучи раз воображенной, затем моделируема, адаптируема и трансформируема», посвящена основная часть его книги «Воображенные сообщества».

Современные нации являют собой во многом искусственные конструкции. Политические сообщества и демократии, зародившиеся на более раннем этапе, были напрямую связаны с полисами, классическими городами государствами. Эти демократии были личностными: модель действовала на малой территории, граждане знали друг друга в лицо и общались напрямую. Современные демократические модели вышли далеко за пределы этих границ, что заставляет граждан развивать в себе чувство сообщества, основанное не на их личных ощущениях, а скорее на оценках и представлениях. Для большинства граждан, современные нации и демократии слишком велики, чтобы можно было обойтись без «домысливаемых» свойств.

Американский антрополог Кэтрин Вердери, развивая замечание Андерсона о нации как о наиболее универсальной легитимной ценности в политической жизни нашего времени, посвятила специальную статью символической природе нации. По К. Вердери, особенность символа нации в том, что он пробуждает целый спектр мощных эмоций, будучи при этом, как всякий символ, неоднозначным и открытым различным интерпретациям. К. Вердери пишет о нации как о «базовом операторе в системе социальной классификации», как об «элементе политического и символично-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования». Она предлагает рассматривать нацию как символ, политическим применением которого является национализм. Национализм — исследовательница определяет как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа», а нацию как символ, использование которого творит реальность. Историк Алексей Миллер пишет, что «национализм предстает в этой трактовке как оболочка для различных психологических и идеологических конструкций, которые облекаются в эту оболочку постольку, поскольку она оказывается самым эффективным средством их адаптации для массового сознания».

Интерпретация нации и национализма как дискурса — важная составляющая современного исследования этого явления. Американский исследователь Тимоти Бреннан пишет: «Нация — это именно то, что Фуко называл дискурсивной формацией (formation discursive), — не просто аллегория или плод воображения, это понятие беременно политической структурой... Национализм — троп таких феноменов, как «принадлежность», «преданность», но также и институциональное использование воображаемого».

Такие определения нации и национализма полностью снимают оценочный подход к этим понятиям. Продолжая предложенный ряд понятий («нация», «национализм»), националистами следует называть

тех, кто участвует в националистическом дискурсе, то есть принимает и стремится так или иначе интерпретировать категории национальных интересов и нации. Применительно к агрессивным вариантам национализма корректнее пользоваться определениями «шовинистический», «ксенофобный».

Эффективным в современной науке представляется определение нации как категории практики. Английский историк Эрик Хобсбаум предложил в практических целях называть нацией любую группу людей, претендующую на это звание. Он полагает, что «национализм — это политическая программа и с точки зрения истории относительно новое явление. В соответствии с этой концепцией группы, понимающие себя как нации, имеют права создавать территориальные государства того типа, которые сформировались после Французской революции».

На волюнтаристскую доминанту националистических проектов указывает швейцарский специалист по национальной проблематике Урс Альтерматт. И этот же концепт развивал Эрнест Геллнер, по мнению которого «два человека принадлежат к одной нации только в том случае, если... они признают принадлежность друг друга к этой нации. Иными словами, нация делает человек, нации — это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей». То есть, согласно предложенной формуле, соотношения между нацией и национализмом — именно национализм порождает нации, а не наоборот.

Особый вклад в создание националистических идеологий и движений в XIX — первой половине XX века — «золотую пору» европейского национализма — внесли историки. Об этом, в частности, говорится в специальном исследовании английского социолога и философа Энтони Смита, который считает справедливым говорить о национализме как о характерно «историческом» движении.

Существует большое многообразие и в точках зрения на проблему зарождения национализма. Одним из достижений исследования национализма во второй половине XX века стало формирование определенного консенсуса о факторах, обусловивших его возникновение и запустивших процессы формирования наций.

Практически все теоретические исследования национализма последних десятилетий в той или иной степени опираются на работы немецкого социолога и политолога Карла Дойча. Интерес самого Дойча был сосредоточен на исследовании формирования и развития системы коммуникаций, которая сделала возможным создание и воспроизведение идеи национальной общности. В результате своих исследований К. Дойч пришел к выводу, что процесс формирования нации явился следствием индустриальной революции.

Эрнест Геллнер, которому принадлежит несколько книг и десятки статей по проблемам наций и национализма, также связал происхождение национализма с индустриальной революцией, делая, однако, несколько иной акцент: на роли индустриализма и формировании системы всеобщего стандартизированного образования. При этом он утверждал, что исходный этнический материал практически не сковывает свободу творчества националистов в их проектировании нации.

Уже упомянутый теоретик национализма Энтони Смит, напротив, много писал о роли этнического фактора в процессах формирования наций. Этот ученый говорит об «этнических корнях национализма», подразумевая, что именно этничность формирует благоприятную почву для усвоения народом националистической идеологии, хотя толчок к зарождению национализма дают другие факторы. По его словам, «нации не появляются из ничего», и, «беря идеологию за первостепенный объяснительный принцип», исследователи «игнорируют или упускают из виду важность тех процессов формирования нации, которые в определенной степени независимы от функционирования националистических идеологий».

Э. Смит описывает сложную систему превращения этнических общностей в современные нации, где имеют значение и форма государственной или племенной лояльности, и способ религиозной организации, и направленная деятельность национальной (или националистической) интеллигенции, и демографические процессы.

Он отмечает, что у разных наций повторяются мифы, которые лежат в основании национализма. Это не только вера в общих прародителей, но и, что особенно важно, вера в существовавший когда-то для этого народа «золотой век», потом период упадка, потеря территории или ее части, миграция, а также уверенность в будущем возрождении. Смит отстаивает идею о том, что этническая символика, используемая современными националистами, имеет древние «донациональные» корни. Такой «этносимволизм» он считает главным объектом своих исследований.

Б. Андерсон подчеркивал значение «печатного капитализма», «лингвистических революций» и новых способов видения мира, Бенедикт Андерсон полагал, что национализм возник благодаря развитию СМИ, в результате чего оказалось, что мысли и чувства людей стали синхронны, похожи друг на друга, стало возможным появление общности людей, которые друг друга не знают но тем не менее воспринимают происходящие события сходным образом.

Результатом этой множественности концепций стало осознание многочисленности факторов, влияющих на процесс формирования наций, бесконечного многообразия их сочетаний в истории и

относительной значимости в этих сочетаниях. Только выявив основные оппозиции и системы соотнесения тех комплексов ценностей, которые утверждаются тем или иным национализмом, мы можем понять логику развития историко-политической ситуации. Этот метод был подробно разработан польским историком Анджеем Валицким применительно к изучению идеологических феноменов

Как пишет британский ученый Джон Бройи, в современной науке термин «национализм» указывает на несколько взаимосвязанных, но несводимых друг к другу явлений, которым соответствуют три области исследовательских интересов:

1. национализм как доктрина (в таком случае объектом изучения должно быть развитие соответствующих идей);
2. национализм как чувство, национальное сознание (исследовательский интерес сосредоточен на массовых формах «национального сознания», на процессах формирования и распространения чувства национальной идентичности у широких слоев населения);
3. национализм как политика, политическое движение, преследующее специфические цели и апеллирующее к определенным ценностям.

Таким образом, под национализмом понимают одновременно доктрину, политику и «самосознание» - три взаимообусловленных, но различных процесса, что отражает особенности современной политической практики. С одной стороны, политические движения нередко легитимируют себя ссылками на массовые национальные чувства и при этом опираются на те или иные доктрины; последние, в свою очередь, претендуют на ведущую роль и в «пробуждении» национального сознания, и в формулировке политических задач нации. С другой же стороны, как указывает Д. Бройи, апелляция политиков и идеологов к развивающемуся чувству национальной идентичности на практике скорее является стремлением выдать желаемое за действительное, а возникновение национальных чувств обуславливается куда более сложным комплексом перемен, чем распространение доктрины от ее идеологов к широким слоям населения. В ряду факторов, заставляющих «резонировать» те или иные идеи, оказываются как фундаментальные моменты, связанные с меняющейся структурой социальных и экономических отношений, так и конкретные властные практики.

При исследовании национализма с разных точек зрения не обходится вниманием и содержание этого явления (в частности, ценности, ассоциирующиеся с национальными чувствами, цели политических движений). Идеологи национализма по-разному интерпретируют «идею нации», которая рассматривается и как объект субъективной

приверженности, являющейся результатом выбора, и как общность, формирующаяся независимо от воли ее членов. Политики выдвигают во имя национальной идеи разнообразные требования (от политического самоопределения или культурной автономии до ужесточения законов об иммиграции). Чувство национальной идентичности может проявляться с разной степенью интенсивности и выражаться как позитивно (патриотизм), так и в форме антагонизма (шовинизм и ксенофобия).

В связи с концепцией Э. Смита о роли этнического фактора в процессах формирования наций стоит указать на соотношение понятий «этнос» и «нация». Определим их основные характеристики, имеющие место в настоящее время в научной среде.

Этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не является продуктом самого сознания: по объективным основаниям этнос – природное явление, по способам самоорганизации – социокультурный феномен. Этническая идентичность является изначальной и надличностной структурой, образуемой совокупностью высоко оцениваемых качеств, сформировавшихся в ходе длительной совместной истории. Эти качества приобретаются с рождением, а также в процессе первичной социализации. В отличие от этноса, нация есть общность, непременно предполагающая национальное самосознание, а также опыт политического строительства. Необходимая предпосылка нации – не только развитый этнос, но и политическая воля.

О необходимости этноса в качестве «протонационального» этапа, пишут наряду с Э. Смитом и другие ученые. Как показала канадский профессор Маргарет Мур, граница между этнической группой и нацией очень подвижна: этнические группы, обладающие ясно выраженными лингвистическими и культурными особенностями и живущие на своей исторической территории, вполне можно мобилизовать при помощи национальной идеи. Американский философ Рональд Суни напрямую связывает этнос с процессом «нациестроительства»: «Там, где национализм добивался большего успеха, этому предшествовало наличие некой территориальной, языковой или культурной общности, которая использовалась как исходный материал для интеллектуального проекта национальности». Таким образом, этнос и нация связаны и в то же время противопоставлены как «предполитическая» и политическая общности.

Определив взаимосвязь «этноса» и «нации», как и различия между ними, следует указать: несмотря на то что в центре нашего внимания находятся националистические, а не этнические процессы, мы не можем обойтись без обращения к этничности. Не принимая во внимание этнический состав населения, зачастую невозможно дать адекватную оценку националистического движения в том или ином регионе. Таким

образом, национализм – это политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию политической власти и оправдывающее эти действия с помощью доктрины национализма. Доктрину национализма с некоторыми оговорками можно свести к следующим положениям:

– существует такая общность, как нация, с присущими ей особыми качествами;

– интересы и ценности нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями;

– нация должна быть как можно более независимой; для этого нужен по крайней мере некоторый политический суверенитет

Практически безоговорочно признавая национализм современным явлением, в поисках его теоретических объяснений специалисты обращаются к разным аспектам современности. Дж. Бройи выделяет три направления таких поисков:

1. изучение трансформаций в среде элит, ведущих к созданию и восприятию националистических идей;

2. изучение трансформации общественных институтов, которые приводят к возникновению и распространению среди широких слоев националистических чувств;

3. исследование трансформаций сущности власти, ведущих к появлению и восприятию националистической политики.

Дж. Бройи настаивает, что именно третье направление поисков является наиболее перспективным с точки зрения выстраивания связей между тремя выделенными ипостасями национализма. Он рассматривает националистическую политику как один из видов оппозиционной реакции на политическую модернизацию, отличительной чертой которой он считает постепенную концентрацию главных общественных функций – политических, экономических, культурных – в специальных институтах.

Изначально эта политика обеспечивает основу для мобилизации и координации гражданского общества в раннее Новое время в Европе, когда раскол между государством и обществом становится очевидным; она может придерживаться разных стратегий (отделение, реформа, унификация). В дальнейшем «язык национализма» становится нормой, что создает возможность для его использования самыми разными (не только собственно националистическими) политическими движениями.

В российской науке и публицистике термин «национализм» долгое время понимался в негативном смысле – как превосходство одного народа над другими – и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Наиболее полноценное определение национализма в этой парадигме дал польский социолог Ян Щепаньский. Он писал: «Национализм – это признание собственной

нации наивысшей ценностью, иррациональное объяснение превосходства своей нации над другими, непризнание равенства народов, нетерпимость по отношению к другим нациям, нежелание смешиваться с ними (эксклюзивизм), недопустимость смешанных браков. Это идеология, политика и практика»

С постепенной демократизацией, расширением контактов с Западной Европой, наконец, под влиянием начавшихся националистических движений в Прибалтике, Грузии, на Украине национализм стал рассматриваться не в оценочном значении, а как категория научного анализа. Под ним зачастую подразумевают политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию власти и оправдывающее эти действия с точки зрения доктрин национализма.

Концепты и доктрины сводятся к тому, что существуют такие общности, как нации с присущими им качествами; интересы и ценности нации считаются приоритетными перед другими интересами и ценностями; нация должна быть как можно более независимой, для чего ей нужен в той или иной мере политический суверенитет. Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого в том, что политические и национальные единицы должны совпадать.

На сильную политическую компоненту явления национализма указывают подходы, тесно связывающие (вплоть до полного слияния) понятия нации и государства. В частности, один из исследователей национализма начала XX века американский политолог Пол Рейнч считал, что национализм «является краеугольным камнем подлинной государственности».

Актуальной и современной является конструктивистская интерпретация национализма, которая трактует нации как «воображаемые общности». В России понятие нации выступает как некий социальный конструкт, члены которого, не зная друг друга лично, тем не менее рассматривают себя как общность с единой судьбой и надеждами. Обычно люди имеют самые разные представления о своей этнической общности.

Российский исследователь В. Тишков предложил принять термин «нация» в значении совокупности граждан одного государства, отказавшись от его этнических характеристик. В тоталитарных обществах исключительное право на национализм имеет государство. Оно может беспощадно подавлять низовые проявления национализма, как это было в СССР, будь то украинский, прибалтийский или крымско-татарский национализмы. Тоталитарное государство подавляет проявления

низового национализма, как правило, имеющего этнический, периферийный характер. Государство может само проповедовать разные формы национализма, в том числе шовинистического толка, дискриминируя или ассимилируя малые культуры или народы. Более массовое распространение национализм как общественное движение приобрел в ходе демократизации общества. Крайние формы национализма в Российской Федерации стали своего рода платой за свободу, которая предполагает наличие определенных крайностей в идеологических выражениях. Если не будет крайностей, общество никогда не узнает, что такое норма. Поэтому если национализм не несет угрозы обществу, а также жизни, безопасности и собственности людей, то такая форма национализма может существовать в обществе.

Вопросы к обсуждению:

- 1 Нация как «воображаемое сообщество» (по Б.Андерсону) или «исторический и политический концепт» (по Х. Кону)?
- 1 Что обуславливает национализм?
- 1 Инструментарий строительства наций?

Список рекомендованной литературы по учебному курсу:

Аникин Д.А. К. Леви-Строс и структуралистская революция в философии истории // Хора. 2010. № 1/2 (11/12) // [Электронный ресурс]: (<http://www.jkhora.narod.ru/2010-12-04.pdf>).

Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. - М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 496 с.

Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. - М., 2003.

Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. - М., 2007. - 612 с.

Абубикирова Н., Регентова М. Проблемы распространения идей феминизма. Анализ опыта работы с группами женщин // Феминистская практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции. Сб. под ред. Ю. Жуковой. С.-Петербург, 1996. - С. 90-97.

Артог Ф. Время и история «Как писать историю памяти»? // Анналы на рубеже веков: Антология. - М., 2002. - С. 147-168.

Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. - 1992. - №2. - С. 24-33.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. - М., 2004. - 368 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. - М., 2001. - 288 с.

Андерсон Б. Копия, аура и поздненационалистическое воображение // Логос. - 2007. - № 1 (58). - С. 72-83.

Армстронг Д. Украинский национализм: факты и исследования / пер. с англ. П. Бехтина. - М.: Центрполиграф, 2008. - 368 с.

Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. - М., 1980. - 277 с.

Афанасьев Ю.Н. Вчера и сегодня французской «новой исторической школы» // Вопросы истории. - 1984. - № 11. - С. 32-50.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. - М., 1994. - 616 с.

Барт Р. Мифология - Пер. с фр. - М., 1996. - 314 с.

Бахтин М.М. Язык в художественной литературе. Собрание сочинений. - Т. 5. - М., 1996.

Баба Х. Диссеми Нация: время, повествование и края современной нации // Синий диван. - № 6. - 2005. - С. 68-120.

Безрогов В.Г. Культура памяти: Историзация и / или мифологизация пережитого? // Культура исторической памяти: Невостребованный опыт. - Петрозаводск, 2003. - С. 7-13.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальностей. Трактат по социологии знания. - Пер. с англ. - М., 1995. - 323 с.

Бердяев Н. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Собрание сочинений: в 8-ми т. - Париж, 1990. - Т. 4. - С. 252-296.

Бернгейм Э. Введение в историческую науку. - СПб., 1908. - 369 с.

Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи. - М., 1910. - 112 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. - Пер. с фр. - Изд. 2-е, доп. - М., 1986. - 254 с.

Бродель Ф. Время мира. - Пер. с фр. - Т. 1-3. - М., 1990-1992.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. - М., 1977. - С. 115-142.

Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч.П. - Харьков, 2001. - С. 17-20.

Брайсон В. Политическая теория феминизма. - М.: Идея-Пресс, 2001. - 304 с.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. - 2000. - №3 - С. 29-42.

Борисенкова А. Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. - 2010. - №3. - С. 327-332.

Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Часть 1 // Ab imperio. - 2000. - № 1. - С. 3-25.

Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Часть 2 // Ab imperio. - 2000. - № 2. - С. 29-54.

Бойме К. Фон Теория трансформации - новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. - 1994. - №7.

Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. - №1, 2002, с. 75-81.

Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Бикбов, К. Вознесенская, С. Зенкин, Н. Шматко; СПб.: Алетейя, 2001. - 562 с.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис "классов" // Вопросы социологии. - 1992. - №1. - С. 17-36.

Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. - 1993. - №1-2. - С. 49-62.

Бурдые П. Социология политики. - М., 1993. - 336 с.

Бурдые П. Начала. - М., 1994. - 288 с.

Бурдые П. Структуры, habitus, практики. Практический смысл <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/burde_prak/OO.aspx>

Будде Г.Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. - М., 1999. - Вып. 1. - С. 131-155.

Вагнер Г. Парсонс, Гоббс и проблема социального порядка: Историко-теоретические заметки // Общественные науки. РЖ "Социология". - Сер. 11. - 1992. - №2. - С. 39-41.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК имени И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - 308 с.

Вайдун П. Трудовое общество движется к своему концу: Современная мировая религия в тупике // Общественные науки. РЖ «Социология». - Сер. 11. - 1992. - №2. - С. 54-58.

Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. - М., 2004. - С. 83-102.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. - 415 с.

Валлерстайн И. Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // Философские перипетии. - 1998. - № 409'98. Сер. Философия. - С. 186-197.

Валлерстайн И. Геополитические миро-системные изменения: 1945-2025 // Вопросы экономики. - 2006. - № 5. - С. 67-83.

Валлерстайн И. Динамика (незавершенного) глобального кризиса: тридцать лет спустя // UnionMagazine. Союз во имя будущего. - 2009. - № 1. - С. 5-13.

Валлерстайн И. Изобретение реальностей Времени-Пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. - Новосибирск, 2001. - С. 102-116.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. - М.: Логос, 2003.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. - М.: Территория будущего, 2006.

Валлерстайн И. После либерализма. - М.: УРСС, 2003. - 256 с.

Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010 // Свободная мысль. - 1996. - № 5. - С. 31-42.

Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. - 2006. - № 1(5). - С. 8-56.

Вебер М. Исследования по методологии науки. - Ч.1. Ч.2. - М., 1980.

Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с.

Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Круппника. - М.: Прогресс, 1991. - 320 с.

Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. - М.: Московская школа политических исследований, 2004. - 240 с.

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч. / Пер. с нем. - М., 1994. - Т. 1. - 192 с.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Философия как строгая наука / Пер. с нем. Новочеркасск, 1994. - С. 49-100.

Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука / Пер. с нем. Новочеркасск, 1994. - С. 101-126.

Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки мнимые и подлинные // Одиссей: Человек в истории. - 1997. - М., 1998. - С. 233-250.

Гуревич А.Я. Избиение кошек в Париже, или Некоторые проблемы символической антропологии // Труды по знаковым системам. - Т. 25. Семиотика и история. - Тарту, 1992. - С. 23-34.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». - М., 1993. - 328 с.

Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. - 1999. - № 1. - С. 10-26.

Демин И. Проблема соотношения исторической реальности и исторического нарратива в нарративной историософии Х. Уайта и Ф. Анкерсмита // Научный молодежный ежегодник. - Самара, 2008. - Вып. III, ч. 1. - С. 158-169.

Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Ab impregio. - 2004. - № 1. - С. 44-71.

Елисеев С.М. Посткоммунистические трансформации как проблема сравнительной политологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 6, 2003, вып. 3 (№22). - С. 16-22.

Елина Е.А. Семиотика рекламы. Учебное пособие. - М.: «Дашков и Ко», 2016. - 136 с.

Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М. - 1993-4. - № 3-4. - С. 34-43.

История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. (Материалы международной Интернет-конференции) / Под ред. В.В. Керова. - М., 2001.

Йейтс Ф. Искусство памяти. - СПб., 1997. - 480 с.

Йоргенсен М.В., Филипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. - 352 с.

Калхун К. Национализм. - М., 2006. - 288 с.

Карл Т.Н., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы: размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. - 2004. - № 4. - С. 6-27.

Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. - М.: Институт социологии РАН, 1999. - 155 с.

Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., составление и вступительная статья Г.К. Косикова. - М.: ИГ Прогресс, 2000. - С. 3-48.

Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости Белгородского университета. - Выпуск № 4 (44). - Том 3. - 2008.

Комарофф Дж.Л., Комарофф Дж. Безумец и мигрант // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI вв. / Под общ. ред. М.М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб.: Алетейя, 2006. - С. 265-301.

Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции. - М.: б.и., 1994. - С. 35-70.

Кон Х. Идея национализма // AbImpério: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. - 2001. - № 3. - С. 419-450.

Коллингвуд Р. Идея истории. - М.: Наука, 1988. - 488 с.

Кром М.М. Историческая антропология. - СПб., 2000.

Ладюри Л. Монтаю, окситанская деревня с 1294 по 1324 г. - Екатеринбург, 2001.

Латина С.В. Становление и современное состояние гендерной проблематики в западной и российской гуманитаристике // Личность Культура Общество. - Т. 13. - Вып. 3 (65-66) 2011. - С. 225-230.

Леви-Стросс К. Первобытное мышление. Пер. с фр. - М., 1994. - 383 с.

Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. - М., 1898. - 275 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. - Вып. 1-2. - СПб., 1910-1913.

Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта. - М., 1902.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: «Астрель», 2011. - 544 с.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. - М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. - 272 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. - СПб.: Академический проект, 2002. - 544 с.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы кино эстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. - 92 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII начало XIX в.). - СПб., 1994.

Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типологии русской культуры XI-XVIII вв. // Статьи по семиотике культуры и искусства. - СПб., 2002.

Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре XVIII в. // Статьи по семиотике культуры и искусства. - СПб., 2002.

Луман Н. Изменение парадигмы в теории систем // Социальные и гуманитарные науки. РЖ Социология. - Сер. 11. - 1994. - №2. - С. 43-50.

Мабли Г.-Б. де. Об изучении истории. О том, как писать историю / Пер. с фр. - М., 1993. - 414 с.

Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации. // Политические исследования, 2003, №2.

Макаров М. Основы теории дискурса. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. - 280 с.

Мейер Э.Е., Гредновская Е.В. «Габитуальная» теория П. Бурдьё и её применимость к изучению материалов по истории поздней античности // Язык, культура, коммуникации 2016, №2. <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/485/445>

Меньковский В.И. «Советология» и ее перспективы // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / Редкол.: В.Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. - Мн: БГУ, 2004. - С. 142-145.

Миллер А.И. Национализм как теоретическая проблема // Политические исследования, 1995, №6.

Миллер А.И. Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность. - 1992, №1.

Митрохина Т.Н. Сравнение как средство развития политической теории // Полис. - 2004. - № 3.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов / Под ред. Ю.С. Степанова. - М.: Радуга, 1983. - 636 с.

Муравьева М.Г. Гендерная история в российском ВУЗе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. - СПб.: Нестор, 2000. - С. 3-20.

Оруэлл Дж. Заметки о национализме // Оруэлл Дж. Лев и Единорог: эссе, статьи, рецензии. - М., 2003. - С. 211-228.

- Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы / Пер. с англ. М., 1983. - 605 с.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. - СПб.: «Алетейя», 2007. - 496 с.
- Нации и национализм. - М., 2002.
- Нора П. Франция-память. - СПб., 1999. - С. 17-50.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. - М., 1998.
- Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность и идентичность в Европе до начала Нового времени. - М., 2003. - С. 9-18.
- Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. - 1996. - М., 1996.
- Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. - 2004. - № 5. - С. 39-51.
- Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. - М., 1998. - С. 69-95.
- Репина Л.П. История женщин и гендерные исследования: от социальной к социокультурной истории // «Новая историческая наука» и социальная история. - М.: ИВИ РАН, 1998. - С. 153-223.
- Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. - 1990. - М., 1990. - С. 167-181.
- Репина Л.П. и др. История исторического знания. - М., 2004. - 288 с.
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина исторического прошлого. Очерки. Хрестоматия. - М., 2002. - 352 с.
- Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. - 1997. - № 6. - С. 41-58.
- Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений: в 12-ти т. / пер. с французского под ред. В.Н. Михайловского. - Киев, 1902. - Т. 6. - С. 87-102.
- Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. - Москва: URSS: Либроком, 2012. - 246 с.
- Румянцева М.Ф. Теория истории. - М., 2002. - 319 с.
- Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. - Екатеринбург, 2000. - 354 с.
- Рикёр П. Память, история, забвение. - М., 2004. - 728 с.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. - М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. - 624 с.

- Рикер П. Время и рассказ. - СПб., 2000. - 224 с.
- Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Ред. Л.П. Репина. - М.: ИВИ РАН, 2005. - С. 38-62.
- Сандра Липсиц Бем. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССШН), 2004. - 336 с.
- Пирс Ч. Элементы логики // Семиотика. - М.: Радуга. - 1983. - С. 151-210.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. - М., 2008. - 465 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Историк и время. В поисках утраченного. - М., 1997. - 800 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знания о прошлом: теория и история. - В 2-х т. - СПб., Т. 1. - 2003. - 632 с.; Т.2. - 2006. - 751 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. - СПб., 2008. - 523 с.
- Саид Э. Культура и империализм. - СПб.: В. Даль, 2012. - 736 с.
- Саид Э. Фрейд и неевропейское // Синий диван. - №6. - 2005. - С. 68-120.
- Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. - СПб.: Рус. мир, 2006. - 636 с.
- Сартр Ж.П. Проблемы метода / Пер. с фр. - М., 1994. - 237 с.
- Сарбин Т. Нарратив как корневая метафора в психологии // Постнеклассическая психология: социальный конструкционизм и нарративный подход, 2005, №2. - С. 9-30.
- Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. - Часть 2: Хрестоматия (под ред. С. Жеребкина). - СПб., 2002. - С. 946-962.
- Серио П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. - М.: Прогресс, 1999. - С. 12-53.
- Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Под ред. А.А. Холодовича. - М.: Прогресс, 1977. - С. 31-274.
- Согрин В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость // Общественные науки и современность. - 2002. - № 1. - С. 144-160.
- Сорокин П.А. Система социологии. - Т. 1-2. - М., 1993.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. - М., 1992. - 543 с.
- Социальная история. Ежегодник. - 1997. - М., 1998.
- Социальная история. Ежегодник. - 1998/99. - М., 1999.
- Социальная история. Ежегодник. - 2000. - М., 2000.

Социальная история. Ежегодник. - 2001/2002. - М., 2004.

Сыров В. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу / – Электрон. текстовые дан. – [Электронный ресурс]: http://Исторический_текст_как_научный_нарратив/siterium.trecom.tomsk.ru/Syrov/s_text12.htm#Up. – Загл. с экрана.

Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - С. 236-263.

Смит Э.Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. - М.: Праксис, 2004. - 464 с.

Спигел Г.М. К теории среднего плана: Историописание в век постмодернизма // Одиссей. - 1995. - М., 1995. - С. 211-220.

Стрелков В. И. К онтологии исторического текста: Некоторые аспекты философии истории Ф.Р. Анкерсмита // Одиссей: Человек в истории. - 2000. - М., 2000. - С. 139-151.

Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: монография. - М.: МГИМО-Университет, 2008. - 176 с.

Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. - М.: НЛО, 2012. - 960 с.

Требст Ш. «Какой такой ковер»? Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: Попытка общего описания и категоризации // Ab Imperio. - 2004. - № 4. - С. 41-77.

Троицкий Ю. Что такое «правда, Истории»? (Самопорождение смысла в историографическом тексте) // Общественные науки и современность. - 2010. - № 1. - С. 105-113.

Трубина Е. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. - Екатеринбург, 1998. - 103 с.

Тульчинский Г. Слово и тело постмодернизма // Вопросы философии. - 1999. - № 10. - С. 35-53.

Успенский Б.А. Семиотика истории; семиотика культуры. - Москва: «Гнозис», 1994. - 431 с.

Успенский Б.А. Семиотика иконы. Семиотика искусства. - М.: Школа «Языки русской культуры», июль 1995. - 360 с.

Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под редакцией Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - 528 с.

Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. - М., 1993. - 464 с.

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. - М., 1993. - 447 с.

Хальбвакс М. Коллективная память. - М., 1997. Неприкосновенный запас. - 2005. - № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.

Хаттон П. История как искусство памяти. - СПб., 2003. - 424 с.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. - М. РОССПЭН. 2003. - 368 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. - СПб., 1998. - 305 с.

Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - С. 332-346.

Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - С. 121-145.

Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. - М., 1999. - Вып. 1. - С. 23-55.

Февр Л. Бои за историю / Пер. с фр. - М., 1991. - 629 с.

Феминизм: перспективы социального знания: сборник. - М.: ИНИОН, 1992. - 242 с.

Феминизм: проза, мемуары, письма. - М.: Прогресс, 1992. - 474 с.

Филюшкин А.И. «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. - 2000. - № 3. - С. 67-78.

Филюшкин А.И. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI в. // Россия XXI. - 2002. - № 4. - С. 64-99.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. - М., 1996. - 448 с.

Фуко М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб., 1994. - 406 с.

Фуко М. Антропологический круг. История безумия в классическую эпоху. - СПб.: Университетская книга, 1997. - 576 с.

Фуко М. Говорящий пол (Сексуальность в системе микрофизики власти) // Современная философия. - Харьков, 1995. - № 1. - С. 35-43.

Фуко М. Использование удовольствий. Введение // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. - М.: Касталь, 1996. - 250 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. - СПб.: Университетская книга, 1997. - 573 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Ad Marginem, 1999. - 478 с.

Фуко М. Археология знания. - М., 2006. - 416 с.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. - 1990. - № 1. - С. 134-148.

Шатин Ю.В. Исторический нарратив и мифология XX столетия Критика и семиотика. - Вып. 5. - Новосибирск, 2002. - С. 100-108.

Шматко, Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1998. - Т. 1. - № 2. - С. 60-70.

Шуталева Л. Социосемиотика М. Фуко: феноменальный горизонт конструирования дискурсивного пространства социо-политической реальности // Дискурс-Пи. - 2015. - Т. 12. - № 18(1). - С. 80-89.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. - 2001. - № 2. - С. 3-12.

Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. - 1996. - № 5. - С. 79-82.

Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия: Глас вопиющего в пустыне. - М., 1992. - 304 с.

Чепель С.Л. Демократические переходы: закономерности и этапы // Социально-гуманитарные знания. - 2004. - № 2. - С. 161-162.

Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. - М.: 2013. - 448 с.

Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей - 2001. - М., 2001. - С. 178-196.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. - М., 1991. - 527 с.

Интернет источники:

http://www.perspektivy.info/history/russkaja_povsednevnost_karstena_gorke_2010-03-16.htm Русская повседневность» Карстена Гёрке (статья).

<http://www.historichka.ru/materials/istochnikovedenie/> Исторический сайт, исторический форум, содержащий информацию о новейших новостях в области методологии истории, источниковедения, историографии.

<http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-27.pdf> Вамбольдт Н.В., Шубина М.П. Повседневность в истории (статья).

http://www.perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskijh_issledovanij_2010-03-16.htm Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований (статья).

http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_017.html Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка (статья).

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/odiss/22.php Оболенская С.В. История повседневности в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 182-198 (статья).

http://www.gaudeamus.omskcity.com/PDF_library_humanitarian_15.html Сайт электронной библиотеки России «Лаборатория виртуальной учебной литературы».

<http://www.countries.ru/library/civilis/civw.htm> Библиотека Цивилизация и культура > Цивилизация: Истоки употребления слова.

Шпенглер О. Закат Европы. См. текст на сайте: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/spengler=zakat-1=ann.htm>

http://pryahi.indeep.ru/history/toinby_01.html Арнольд Тойнби Причина генезиса цивилизаций: Позитивные факторы: раса и среда.

<http://www.kulichki.com/moshkow/HISTORY/TOYNBEE/history.txt> Арнольд Тойнби. Постигание истории (Часть 1).

500.00

А.С. Жанбосинова

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ**

Учебное пособие

Курс лекций

Ответственный за выпуск Ислямова С.А.

*Отпечатано методом прямого копирования с оригиналов авторов
За содержание Издательство ответственности не несёт*

Подписано в печать 06.06.2017 г.	Формат 60x84/16	Объем 11,39 усл.-печ.л.
14,99 уч.-изд.л.	Тираж 500 экз.	Заказ 284
		Цена договорная

Издательство «Берел» Восточно-Казахстанского государственного университета имени С. Аманжолова
070020, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 42